

95646

1861 г.

ТВОРЕНІЯ

ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО ОТЦА НАШЕГО

СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА

ПЕТРА ДАМАСКИНА,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ

СЪ ЕЛЛИННО-ГРЕЧЕСКАГО.

ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ.

Изданіе третіе Кіево-Печерской Лавры.

1905.

КІЕВЪ.

Типографія Кіево-Печерской Успенской Лавры.
1905.

Отъ Кіевского Духовно-Цензурнаго Комитета печатать
дозволяется. Кіевъ, 26 Января 1905 г.
Цензоръ, профессоръ Академіи, священникъ *Θ. Титовъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

	стр.
Введеніе въ книгу или вступленіе	1
Необходимое и весьма полезное указаніе семи тѣлесныхъ дѣланій	28
О томъ, что желающій соблюдать заповѣди долженъ начи- нать со страха Божія, чтобы не погнѣшаться въ пропасть.	34
О второй заповѣди и о томъ, что страхъ рождаетъ плачь.	36
О четырехъ добродѣтеляхъ души	47
О дѣятельномъ знаніи	49
О томъ, что тѣлесныя добродѣтели суть орудія душевныхъ.	51
О томъ, что невозможно спастись иначе, какъ только строгимъ вниманіемъ и храненіемъ ума	53
О томъ, что желающіе видѣть самихъ себя, въ какомъ они устроены нравственномъ, не иначе могутъ этого достигнуть, какъ удаленіемъ отъ своихъ хотѣній, по- винуемъ и безмолвіемъ, особенно же обладаемые страстями	55
О восьми мысленныхъ вѣдѣніяхъ	59
Необходимое изъясненіе о первомъ познаніи и о томъ, какъ должно начинать оное	61
О второмъ вѣдѣніи	64

II

	СТР.
О третьемъ вѣдѣніи	68
О четвертомъ вѣдѣніи	82
О пятомъ познаніи	100
О шестомъ познаніи	101
О седьмомъ познаніи	113
Объ осьмомъ познаніи	114
О томъ, что въ Божественныхъ Писаніяхъ нѣтъ разно- гласія.	116
Раздѣленіе молитвы всѣхъ познаній	119
О смиренномудріи	121
О безстрастіи	122
Наилучшее распознаніе семи тѣлесныхъ дѣланій	127
О разсужденіи	130
О чтеніи по Богу	134
Объ истинномъ разсужденіи	140
О томъ, что не должно отчаяваться, хотя бы и много кто согрѣшилъ	142
Краткое ученіе о приобрѣтеніи добродѣтелей и удаленіе отъ страстей	145
О томъ, какъ можетъ кто либо приобрѣсти истинную вѣру	149
О томъ, что страстнымъ наиболее полезно безмолвіе	155
О томъ, что истинное покаяніе есть великое благо	159
О общихъ и особенныхъ благодѣяніяхъ Божіихъ	162
О томъ, что Богъ сотворилъ все къ пользѣ нашей	164
О томъ, что слово Божіе не есть многословіе	167
О томъ, что безъ смиренномудрія невозможно спастись	169
О назиданіи души добродѣтелями	177

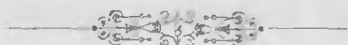
III

	СТР.
О томъ, что любовь и совѣтъ со смиреніемъ есть вели- кое благо	182
О томъ, что частое напоминаніе Божественнаго Писанія не есть многословіе	187
Изъясненіе о лжеименномъ знаніи	191
Исчисленіе добродѣтелей	210
Исчисленіе страстей	213
О различіи помысловъ и прилоговъ	217

КНИГА ВТОРАЯ.

Слово 1. О духовной мудрости	227
Слово 2. О вѣрѣ	230
Слово 3. О страхѣ (Господнемъ), ввѣдномъ и совершен- номъ	235
Слово 4. О благочестіи	239
Слово 5. О терпѣніи	244
Слово 6. О надеждѣ (будущаго).	249
Слово 7. О безпристрастіи	255
Слово 8. Объ умерщвленіи страстей	260
Слово 9. О честныхъ страданіяхъ Христовыхъ	266
Слово 10. О смиреніи	274
Слово 11. О разсужденіи	280
Слово 12. О вѣдѣніи чувственныхъ твореній	287
Слово 13. О вѣдѣніи мысленнаго	291
Слово 14. Объ истинномъ безстрастіи	294

Слово 15. О любви.	296
Слово 16. О вѣдѣніи Бога	300
Слово 17. О мудрости.	302
Слово 18. О цѣломудріи	304
Слово 19. О мужествѣ	305
Слово 20. О правдѣ	306
Слово 21. О совершенномъ мирѣ помысловъ.	308
Слово 22. О духовной радости	309
Слово 23. О Божественныхъ Писаніяхъ, что въ нихъ нѣтъ разногласія	315
Слово 24. О томъ, какъ человѣкъ приходитъ въ чувство, и познаетъ полезное	323

КНИГА ПЕРВАЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ИЗДАНІЮ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Въ предисловіи къ творенію святаго Петра Дамаскина, изданному въ 1782 году въ Венеціи, на греческомъ языкѣ, вмѣстѣ съ другими писаніями Святыхъ Отцевъ, и составившему большую книгу in folio, названную *φιλολογία τῶν ἱερῶν υἱῶν τῶν ἁγίων*, съ которой сдѣланъ настоящій переводъ, жизнь Преподобнаго Писателя отнесена въ VIII вѣку, и самъ онъ называется священномученикомъ и епископомъ Дамасскимъ.

Въ греческомъ же Синаксарикѣ ¹⁾, изданномъ въ прошедшемъ столѣтіи, извѣстнымъ своими учеными трудами Святогорцемъ Никодимомъ ²⁾ послѣдній говорить, что было два священномученика Петра Дамасскихъ. Первый—упоминаемый въ приведенномъ на-

¹⁾ См. *Συναξαριστής τῶν δώδεκα μηνῶν. Τόμος. ἕκτος. Ἐν Κωνσταντινουπόλει*. 1842. Стран. 38 и 39.

²⁾ См. О жизни и трудахъ Никодима Святогорца. Москва. 1865. Стран. 28.

ми предисловіи *φιλολογία*, и другой, скончавшейся отъ меча. Нѣкоторые, продолжаетъ Никодимъ, приписываютъ сочиненіе книги о духовной жизни первому, а другіе противорѣчатъ этому, на основаніи того, что писатель ея упоминаетъ о Симеонѣ Метафрастѣ, жившемъ въ X столѣтіи, и полагаютъ, что книгу о духовной жизни сочинилъ второй, священномученикъ Петръ, жившій позднѣе. Преосвященный Филаретъ Черниговскій, въ своемъ «Историческомъ ученіи объ Отцахъ Церкви» говоритъ также, что Петръ Дамаскскій, сочинитель книги о духовной жизни, жилъ позднѣе VIII вѣка¹⁾.

На основаніи всѣхъ свѣдѣній, имѣющихся о святомъ Петрѣ Дамаскинѣ, писатель предлагаемой нынѣ въ русскомъ переводѣ книги, можно съ достовѣрностію сказать, что онъ былъ шокъ, удостоенный священнаго сана, и въ послѣдствіи мученикъ. Время, въ какое онъ жилъ, неизвѣстно достовѣрно, но достовѣрно то, что память его, по греческому Синаксарику и древнему славянскому мѣсяцеслову, упоминаемому преосвященнымъ Филаретомъ, почитается 9 Февраля.

Въ подобномъ сочиненіи конечно важно не время жизни писателя и не іерархическая степень, ко-

¹⁾ См. Историческое ученіе объ Отцахъ Церкви. Томъ III. § 310. Стран. 436. С.П.Б. 1859.

торую онъ занималъ, а нравственная польза, доставляемая его твореніемъ. Въ этомъ великомъ достоинствѣ нельзя отказать книгѣ святаго Петра. Предлагаемая теперь благочестивому вниманію читателей первая часть ея составляетъ одно непрерывное сказаніе или «напоминаніе душѣ своей», какъ говоритъ самъ Святой, въ началѣ ея. Вѣроятно потому она и не имѣетъ особеннаго перечисленія главъ (какъ вторая часть); между отдѣлами, написанія которыхъ сдѣланы можетъ быть въ послѣдствіи, существуетъ тѣсная связь и вся книга образуетъ одно цѣлое. Только прочитавъ *всю* ее со вниманіемъ, можно составить себѣ должное понятіе о глубокой духовной мудрости и практической пользѣ, которыми прещеполнено это «напоминаніе святаго Петра». Въ немъ виденъ писатель, не заимствовавшій только слова у другихъ, какъ онъ говоритъ о себѣ, ко глубокому своему смиренію, но самъ, по собственному опыту, ясно познавшій истины внутренней жизни, уразумѣвшій множество тонкихъ сѣтей, окружающихъ внутреннюю и внѣшнюю дѣятельность христіанина-подвижника; виденъ ратоборецъ, выходявшій изъ нихъ неуловимымъ, и потому неложно указывающій путь другимъ, желающимъ подвизаться.

При переводѣ имѣлось въ виду: держаться какъ можно ближе греческаго подлинника, не оставляя безъ вниманія и славянскій переводъ, сдѣланный виро-

чемъ ранѣе¹⁾ нежели книга святаго Петра Дамаскина была напечатана на греческомъ языкѣ. Наболѣе замѣчательныя различія выставлены въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Мѣстами оказалось нужнымъ жертвовать чистотою слога—точности перевода и терминологіи, усвоенной постоянными читателями твореній Святыхъ Отцевъ подвижниковъ, обращающими прочитанное въ самое дѣло.

Повторяя это предисловіе, написанное нами въ 1874 году, считаемъ нужнымъ прибавить, что въ немъ вкралась неточность. На страницѣ II-й, послѣ различныхъ мнѣній о времени жизни писателя Петра Дамаскина сказано, что «время въ какое онъ жилъ неизвѣстно достоверно». Въ отвѣтъ на это въ Братскомъ Словѣ за 1876 годъ, книга 3-я, стран. 196-я, было упомянуто и удостовѣрено тремя греческими рукописями, что писатель Петръ Дамаскинъ жилъ въ XII вѣкѣ. Съ этимъ соглашаемся и нисколько сему не противорѣчимъ.

*Ювеналій, Архіепископъ
Литовскій и Виленскій.*

25 Августа 1901 г.
Вильна.

¹⁾ См. Житіе и писанія старца Пансіа. Москва. 1847. Стран. 221.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПОДЛИННИКА.

Преподобный отецъ нашъ Петръ, бывший епископомъ Дамаска, жилъ въ царствованіе Константина Копронима въ 775 году. Проходя сначала уединенную и отшельническую жизнь, онъ былъ такъ нестяжательнъ, что не имѣлъ даже и книги, собственно ему принадлежавшей, какъ самъ онъ о себѣ свидѣтельствуешь. Но получая отъ другихъ книги Св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, великихъ учителей Церкви и вообще всякихъ другихъ подвижныхъ и богоносныхъ Отцевъ, былъ такъ трудолюбивъ, что, поучаясь въ законъ Господни день и ночь и напоюаемый отсюда животочными струями, оказался поистиннѣ, согласно слову Псалмошѣвца, древошъ высокимъ и небеснымъ, посажденнымъ при самыхъ *исходницахъ* Духа. Однако то однажды, въ свое время, даетъ плодъ свой, а это—не такъ, но во всякое время непрестан-

но, пребывая неоскудѣвающимъ и всегда цвѣтущимъ произрастаетъ духовные плоды, прекрасные для зрѣнія, сладкіе для вкуса, благовоиные для обонянія, питающіе всякое чувство души и тѣла протекающими изъ нихъ безсмертными и благовоиными сладостями. Многіе и великіе плоды принесъ онъ въ жизни своими подвижническими трудами, но еще большіе и величайшіе при смерти полученіемъ вѣнца мученическаго. (За обличеніе злославной ереси Манихеевъ и Арабовъ, Валидъ, сынъ аравійскаго начальника Пенма, урѣзалъ ему языкъ и отправилъ его въ заточеніе въ счастливую Аравію, гдѣ св. Петръ, чисто говоря и священнодѣйствуя скончался). Еще гораздо большіе и по превосходству величайшіе плоды приноситъ онъ намъ по смерти, оставивъ, какъ отеческое и неотъемлемое наслѣдство, сію истиннѣйшую и превосходящую добра книгу, тщательно и съ неизъяненной благодарностію имъ трудолюбиво сочиненную,—общее и душевнеспасительное восхваленіе всѣхъ добродѣтелей, сокровищницу вѣдѣній, собраніе духовныхъ дарованій, высоту Божественныхъ блаженствъ, жертвенникъ тѣлесныхъ дѣяній, тончайшій разборъ страстей, родъ изобилія подвижнической жизни, вмѣстилище Божественнаго познанія и премудрости, и чтобы сказать вкратцѣ:

краткое изложеніе священнаго трезвенія. Зная это сродство ея съ подлежащею книгою (Добротолубіемъ), много содѣйствующее исполненію принятаго нами намѣренія, мы сочли за нужное соединить и ее (книгу св. Петра) съ прочими, какъ справедливо скажетъ кто либо—кругъ съ кругомъ, добротолюбіе съ добротолюбіемъ, великое съ большимъ, сокращенное съ пространнѣйшимъ. Невозможнымъ показалось намъ раздѣлять такую, какъ мы сказали, цѣнь духовныхъ плодовъ,—собраніе Божественнаго лица священныхъ подвижниковъ (и самая эта книга обличила бы насъ въ невѣдѣніи добра, не терпя своего отдѣленія отъ знающихъ и любящихъ ее Отцевъ, чего да не будетъ), дабы намъ съ этой стороны не уменьшить купли, по необходимости требующей и сего прибавленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не лишить братій нашихъ великой пользы, ибо всегда умноженіе добраго производитъ по обычаю и большее благодѣяніе.

Если же кто желаетъ получить два крыла духовнаго голубя, которыхъ Давидъ искалъ, но не нашелъ, тотъ пусть трудолюбиво прочитываетъ эту книгу. Чудесно найдетъ онъ въ ней одно крыло дѣяній, все посеребренное, и другое вѣдѣній, все золотое: возвышаясь, съ помощію обоихъ, отъ

VIII

всего земного, возлетитъ онъ къ небесной высотѣ и, какъ добрая голубица, поселившись въ горнихъ мѣстахъ, упокоится въ небесномъ блаженствѣ.

Начало съ Богомъ содержанія книги преподобнаго и богоноснаго отца нашего священномученика Петра Дамаскина.

Многихъ и великихъ даровъ сподобившись отъ Бога, по благодати, и не сдѣлавъ ничего добраго, я бѣдный убоялся, чтобы по лѣности и праздности не пришли для меня въ забвеніе такіе дары и столькія благодѣянія Божіи и мои прегрѣшенія, и не оказался я неблагоразумнымъ и неблагодарнымъ къ Благодѣтелю. Потому и написалъ это «напоминаніе ¹⁾» въ обличеніе бѣдной души моей, и помѣстилъ въ немъ по именамъ всѣ тѣ творенія, жизнеописанія и слова Святыхъ Отцевъ, которыя я, прочитавъ съ тѣмъ, чтобы это служило мнѣ хотя отчасти воспоминаніемъ ихъ словъ. Самъ я не имѣлъ и не пріобрѣлъ для себя ни одной книги, но получалъ ихъ отъ христіанскихъ людей, также какъ и все нужное для тѣла, ради любви Божіей. Прочитывая книги тѣ со всевозможнымъ вниманіемъ, я возвращалъ ихъ владѣльцамъ. Это

¹⁾ Τὸν ὑπόμνημα.

были книги Ветхаго и Новаго (Завѣтовъ). Ветхаго: Псалтирь, четыре книги Царствъ, шесть книгъ Премудрости, Пророчества, Паралипоменонъ;—Дѣянія Апостоловъ, св. Евангелія ¹⁾, и толкованія всего исчисленнаго. Отческія и учительныя книги всѣ— великихъ Отцевъ, какъ то: Діонисія, Аѳанасія, Василія, Богослова, Златоуста, Григорія Нисскаго, Антонія, Арсенія, Макарія, Нила, Ефрема, Исаака, Марка, Дамаскина, Лѣтвичника, Максима, Дорофея, Филимона и всѣхъ святыхъ жизнеописанія и слова. И удостоился я недостойный перечитать всѣ эти книги ²⁾ съ полною свободою и со вниманіемъ, ища начала спасенія и погибели человѣка, и—всякое ли начинаніе или занятіе спасаетъ человѣка, или нѣтъ? И что есть искомое всѣми? И какъ въ древности и въ новѣйшее время люди угождали Богу: въ богатствѣ и въ бѣдности, живя посреди многихъ грѣшниковъ и въ пустынѣ; въ супружествѣ и въ дѣвствѣ; и просто: какъ во всякомъ мѣстѣ и начинаніи находимъ мы жизнь и смерть, спасеніе и погибель. И не только (вообще), но и унасъ—монаховъ находимъ различныя устроенія: повиновеніе Отцу тѣломъ и душою, безмолвіе,

¹⁾ Въ Слав. Добротолубіи: Исходъ, четыре книги Царствъ, Паралипоменонъ, Псалтирь, Пророчества, св. Евангелія, Дѣянія Апостоловъ.

²⁾ *κατὰ πᾶσης ᾠδείας.*

очищающее душу; духовный совѣтъ, вмѣсто повиновенія, игуменство и архіерейство: и между всѣми находимъ спасающихся и погибающихъ. И не этому только я удивлялся, но и тому, что древній ангелъ, бывшій на небѣ, невещественный по природѣ, премудрый и добродѣтельный, вдругъ сдѣлался діаволомъ, тмою и неразуміемъ, началомъ и концемъ всякой злобы и лукавства. Потомъ и Адамъ—въ такой чести и наслажденіи благами, жившій съ Богомъ, украшенный премудростію и добродѣтелію, въ раю, одинъ съ Евою, внезапно былъ изгнанъ, подвергся страстямъ и смерти, и работалъ съ трудомъ и отягощеніемъ, въ потѣ, и съ большою скорбію. И отъ него происшедшіе Каинъ и Авель, два только брата на всей землѣ; какъ одного изъ нихъ побѣдила зависть и коварство, и произвела убійство, проклятіе и трясеніе.—Потомъ происшедшихъ отъ нихъ поглотилъ потопъ за множество согрѣшеній; но Богъ, по челоуѣколюбію Своему, спасъ бывшихъ въ ковчегѣ, изъ которыхъ одинъ только Хаанаанъ, сынъ согрѣшившаго Хама, былъ проклятъ. Праведный Ной, чтобы не превратить благословенія Божія, проклятъ сына вмѣсто отца.—Послѣ нихъ удивлялся я бывшимъ при столпотвореніи, Содомлянамъ, Израильтянамъ, Соломону, Ниневитянамъ, Гіезиц, Іудѣ и всѣмъ бывшимъ въ добрѣ и уклонившимся въ злое. И какъ всеблагій и милосердый Богъ, будучи

благъ, попустилъ бытъ въ міръ многимъ и много-различнымъ скорбямъ и искушеніямъ? И нѣкото-рыхъ изъ нихъ Онъ желаетъ попустительно, какъ-то: трудовъ покаянія, говорю, жажды, алчбы, плача, лишенія себя нужныхъ вещей, воздержанія отъ сла-достнаго, удрученія тѣла подвигами, бдѣнія, трудовъ болѣзней, многихъ и горькихъ слезъ, стесненій; стра-ха: смерти, испытанія, словонестязанія, обитанія съ демонами во адѣ, страшнаго дня суднаго, стыда предъ всею тварію, трепета, горькаго обличенія дѣлъ, словъ и помышленій, угрозъ и гнѣва, много-различныхъ и вѣчныхъ мукъ; безполезнаго рыданія, непрестанныхъ слезъ, неосвѣщаемой тьмы, страха, страданія, отпаденія (блаженства), печали, стѣсненія и мученія души въ нынѣшнемъ вѣкѣ и въ буду-щемъ: вмѣстѣ съ бѣдствіями, міра сего кораблекру-шеніями, многоразличными болѣзнями, ударами мол-ніи и грома, градомъ, землетрясеніями, голодомъ, наводненіями, несвоевременными смертями, и кратко сказать: всѣми бѣдствіями, невольно, вслѣдствіе поущенія Божія, съ нами случающимися. Другаго же не хочетъ Богъ, но мы и демоны, какъ-то: войнъ, страданій, многоразличныхъ грѣховъ, имена кото-рыхъ будутъ показаны въ продолженіи этого сло-ва,—отъ неразумія до отчаянія и совершенной по-тибели, нападенія демоновъ, браней мучительства страстей, оставленій, мятежей, перемѣлъ жизни,

гнѣва, клеветъ, и всякихъ оскорбленій, которыя мы сами себѣ и другъ другу наносимъ произвольно, вопреки воли Божіей. И опять, какъ среди столь-кихъ золъ многіе спаслись, и ничто не могло имъ воспренятствовать, а другіе потибли, вопреки воли Божіей. Съ трудовъ поститая все это и многое боль-шее изъ Божественнаго Писанія, я сокрушался ду-шею, *яко вода излихся* (Ис. 21, 15), и многократно приходилъ въ недоумѣніе, хотя и далеко не чув-ствовалъ, какъ бы должно было чувствовать того, что говорю.

Если же бы почувствовалъ, то не могъ бы остаться въ этой жизни, полпой зла и преслушанія Бога, отъ котораго (преслушанія) произошло все ужасное и въ настоящемъ и въ будущемъ. Однако получивъ отъ благодати (Божіей) желаніе изыска-ній, нашелъ я такіа разсужденія Св. Отцевъ: Начало всякаго блага есть естественное вѣдѣніе, получаемое человекомъ отъ Бога, или изъ Писаній чрезъ чело-вѣка, или чрезъ Ангела хранителя, получаемого при Божественномъ крещеніи, для охраненія души каждаго вѣрнаго, и называемого совѣстію;¹⁾ и — для напominанія Божественныхъ Христовыхъ заповѣ-дей, которыми сохраняется крещенному, если захо-

¹⁾ Слич. преп. Отца нашего Іоанна Лѣствица. Изд. 1 Москва, 1862 г. Слово 26 § 62 стран. 288.

четь исполнять ихъ, благодать Св. Духа. Послѣ же вѣдѣнія произволеніе человѣка. Оно есть начало спасенія, т. е. чтобы человѣкъ оставилъ свои хотѣнія и разумѣнія, и исполнилъ Божіи хотѣнія и разумѣнія. И если онъ успеетъ это сдѣлать, то не найдется во всей твари вещь, или дѣло, или мѣсто, которое бы могло воспренятствовать ему содѣлаться такимъ, какимъ угодно было Богу въ началѣ, т. е. по образу и по подобію Его,—и положеніемъ быть какъ Богу по благодати: безстрастнымъ, праведнымъ, благимъ и премудрымъ и въ богатствѣ и въ бѣдности, и въ дѣвствѣ и супружествѣ, и въ начальствованіи и на свободѣ, и въ подчиненіи и въ рабствѣ, и просто: во всякое время, на всякомъ мѣстѣ, при всякомъ дѣлѣ. Потому и прежде Закона и въ Законѣ и въ благодати много находится праведниковъ, что они предпочли познаніе Божіе и Божію волю своимъ разумѣніямъ и хотѣніямъ: и опять многихъ въ тоже время, при тѣхъ же начинаніяхъ, находимъ погибшими, потому что они свои хотѣнія и разумѣнія предпочли Божіимъ. И это такъ (несомѣнно).

Но мѣста и занятія различны. Потому каждый долженъ пріобрѣсти разсужденіе, или даруемое отъ Бога чрезъ смиренномудріе, или чрезъ вопрошеніе имѣющихъ дарованіе разсужденія. Ибо совершаемое нами безъ разсужденія не есть добро, хотя мы по невѣдѣнію и почитаемъ его за добро. Чрезъ разсуж-

деніе же человѣкъ познаетъ свою силу и предпріятіе, къ которому онъ хочетъ приступить, и такимъ образомъ начинаетъ дѣломъ благоугождать Богу. Но во всемъ, какъ сказано, должно ему отречься отъ своихъ хотѣній, чтобы постигнуть Божіе намѣреніе, то есть какія дѣланія угодно Богу, чтобы мы проходили; если же не такъ, то не можетъ онъ спастись никакимъ образомъ. Ибо послѣ преступленія Адамова мы все возрастаемъ страстными, и отъ навыка въ страстяхъ, не желаемъ благаго съ радостію, не воздѣлываемъ познанія Божія, и не дѣлаемъ этого съ любовію, какъ безстрастные, но болѣе любимъ страсти и лукавыя дѣла, а благаго вовсе не желаемъ, развѣ только по нуждѣ, изъ страха мученій,—и то только твердо вѣрующіе и охотно принимающіе слово Господне, остальные же и такъ хотятъ. Но вмѣняя ни во что и скорби настоящей жизни и будущія мученія, отъ всей души рабѣютъ страстямъ, а нѣкоторые, не чувствуя горечи страстей, по нуждѣ и нехотя, проходятъ труды добродѣтелей. Достойное ненависти, по безумію нашему, сдѣлаюсь для насъ вожелѣннымъ. Какъ больнымъ нужны бѣваютъ рѣзанія и прижиганія для возвращенія здоровья, которое они потеряли; такъ и намъ нужны искушенія, и труды покаянія, и страхъ смерти и мученій, чтобы возвратить первозданное здоровье души, и отвергнуть недугъ, который произвело въ

насъ безуміе наше. И вообще что даетъ намъ Врачъ душъ нашихъ произвольный или невольный трудъ, то должны мы принимать съ радостью, и быть благодарными Его человеколюбію. Благодарствуя намъ, Онъ умножилъ скорби: произвольныя чрезъ покаяніе, и невольныя чрезъ искушенія и наказанія, чтобы желающіе произвольно потерпѣть, избавлялись отъ болѣзни и будущихъ, а можетъ быть и настоящихъ мученій; неразумныя же, хотя по страху мученій и многоразличныхъ искушеній, испѣлялись благодатию Врача. Итакъ любящіе болѣзнь и закоспѣвающіе въ ней, по справедливости бываютъ сами себѣ виновны вѣчнаго мученія: уподобившись демонамъ, они праведно будутъ съ ними терпѣть и вѣчныя мученія, уготованныя (имъ демономъ); потому что сами пожелали быть съ ними, и сдѣлались неблагодарными своему Благодарителю. Не все мы одинаково принимаемъ благодѣянія, но нѣкоторыя принимаютъ огонь Господень, то есть слово Его, и сами бываютъ, чрезъ дѣланіе, какъ воскъ, мягки сердцемъ; а нѣкоторые по лѣности бываютъ какъ земля—тверды и окаменѣлы. И когда мы не принимаемъ (благодѣяній), одинаково никого изъ насъ не принуждаетъ Господь; но какъ солнце испускаетъ лучи и освѣщаетъ весь міръ,— и желающій видѣть его, видимъ бываетъ и имъ, а не желающій видѣть его, не бываетъ имъ къ тому принуждаемъ, и никто не оказывается ви-

новнымъ въ лишеніи свѣта, кромѣ самого не пожелавшаго имъ воспользоваться: ибо Богъ создалъ солнце и глазъ, а человекъ имѣетъ власть. Такъ и здѣсь Богъ просвѣщаетъ всехъ познаніемъ, какъ лучами, а послѣ знанія даровалъ и вѣру, какъ глазъ: произволяющій чрезъ вѣру получаетъ истинное познаніе, дѣлами сохраняетъ памятованіе, и Богъ даруетъ ему большее усердіе, знаніе и силу. Изъ естественнаго познанія рождается усердіе въ произволяющемъ имѣть оное, отъ усердія же сила дѣлать (доброе), и дѣланіемъ сохраняется памятованіе; отъ памятованія бываетъ большее дѣланіе, и ради сего даруется большее знаніе, а отъ этого знанія, называемаго мудростію, рождается воздержаніе страстей и терпѣніе скорбей; отъ нихъ пропеваютъ труды о Богѣ и познаніе даровъ Божіихъ и своихъ согрѣшеній, отъ которыхъ—благоразуміе, чрезъ него—страхъ Божій, отъ страха Божія—храненіе заповѣдей, т. е. плачь, кротость, смиренномудріе, отъ которыхъ рождается разсужденіе (разсудительность), а отъ разсужденія прозрѣніе, то есть (дарованіе) предвидѣть будущія согрѣшенія, и отсѣкать ихъ прежде времени вслѣдствіе опытности и воспоминанія, ради чистоты ума, о прежде сдѣланномъ, въ настоящее время совершаемомъ и бывающемъ по забвенію. Отъ сихъ (добродѣтелей) надежда, отъ нея—безпристрастіе и совершенная любовь. Такой (человекъ) ничего уже

тогда не желаетъ кромѣ воли Божіей, но и самую временную жизнь эту оставляетъ съ радостію, ради любви къ Богу и ближнему, премудростію и вселеніемъ Св. Духа, и сыноположеніемъ для того, чтобы быть распятымъ, погребеннымъ и воскреснуть и вознестись духовно со Христомъ подражаніемъ Ему то есть пребыванію Его въ мірѣ. И просто, дѣлается сыномъ Божиимъ по благодати и получаетъ залогъ тамошняго блаженства, какъ говоритъ Богословъ въ словѣ о восьми помыслахъ: дѣлается безстрастенъ, праведенъ, благъ и премудръ, имѣя Бога въ себѣ, какъ сказалъ Самъ Христосъ (Іоан. 14, 21), чрезъ соблюденіе Его св. заповѣдей, въ порядѣ, начиная съ первой—и прочихъ, о которыхъ скажу послѣ этого, какъ должно совершаться исполненіе заповѣдей. Но такъ какъ мы сказали о вѣдѣніи¹⁾ добродѣтелей, то скажемъ и о страстяхъ.

Вѣдѣніе озаряетъ насъ какъ солнце, и безумный самовольно закрываетъ глаза, т. е. произволеніе невѣріемъ и лѣнностію, и тотчасъ предаетъ вѣдѣніе забвенію, чрезъ праздность, рождающуюся отъ нерадѣнія. Ибо отъ неразумія происходитъ нерадѣніе,²⁾ отъ нерадѣнія—праздность; отъ праздности—забвеніе, а отъ забвенія самолюбіе т. е. любленіе своихъ

¹⁾ γνῶσις.

²⁾ ῥαθυμία: Въ Слав. «уныніе».

хотѣній и своихъ разумѣній, называемое сластолюбіемъ и славолюбіемъ;—отъ нихъ сребролюбіе—корень всѣхъ золъ: ибо отъ него происходитъ попеченіе о житейскомъ, отъ котораго—совершенное невѣдѣніе даровъ Божіихъ и своихъ согрѣшеній, а отсюда водвореніе другихъ страстей, т. е. восьми главныхъ: чревоугодія, говорю, отъ котораго—блудъ,—чрезъ нихъ сребролюбіе, а отъ него гнѣвъ, когда кто не достигаетъ желаемого, т. е. своей воли. Отъ этого печаль, чрезъ которую уныніе; потомъ тщеславіе, отъ котораго гордость. и отъ этихъ восьми—всякое зло, страсть и грѣхъ, чрезъ которые приходитъ (человѣкъ) въ отчаяніе и совершенную погибель и отпаденіе отъ Бога, и дѣлается подобнымъ демонамъ, какъ было сказано.

Среди этихъ двухъ путей стоитъ человѣкъ, то есть праведности и грѣха, и на какой хочетъ,—вступаетъ и идетъ по нему. Стезя же, которою онъ пошелъ, и ведущіе его по ней, или Ангелы и люди о Богѣ, или демоны и злые люди доводятъ его до самаго конца пути того и противъ желанія. Добрые—къ Богу и въ царство небесное, а грѣшныя—къ діаволу и въ вѣчное мученіе. Но никто не причиною гибели, какъ только своя воля; спасенія же—Богъ, даровавшій не только бытіе, но и благое бытіе, вѣдѣніе и силу, чего не можетъ имѣть человѣкъ безъ благодати Божіей. Но и діаволъ ничего не можетъ произвести для нашей гибели: ни произволенія

противнаго, ни изнеможенія, ни невѣдѣнія непронзвольнаго, ни отнюдь чего-либо инаго къ принужденію человѣка, а влагаетъ только напоминаніе зла. И такъ, дѣлающій доброе, долженъ приносить благодареніе Богу, даровавшему намъ все вмѣстѣ съ бытіемъ: избирающій же и дѣлающій противное, пусть обвиняетъ только себя самого; ибо никто насильно не можетъ его принудить. Богъ создалъ его самовластнымъ, чтобы удостоить его похвалъ, видя, какъ онъ добровольно предпочитаетъ благое, а не по принужденію природы, подобно безсловеснымъ и бездушнымъ держится добра; но какъ прилично разумному (существо), какимъ Богъ удостоилъ его быть. Мы же произвольно и по собственной мысли предпочитаемъ и дѣлаемъ зло, научившись сему отъ изобрѣтателя зла. И не принуждаетъ насъ всеблагій Богъ, чтобы мы принуждаемые и ослушиваясь, не подпали большому осужденію, но не отнимаетъ и самовластія нашего, которое по благодати даровалъ намъ. И такъ желающій дѣлать доброе, пусть проситъ Бога молитвою, и тотчасъ дается ему вѣдѣніе и сила, чтобы видна была благодать, праведно испосланная Богомъ. Ибо, хотя бы и безъ молитвы даровалъ Онъ, какъ и по молитвѣ; но какъ ни заслуживаетъ похвалы тотъ, кто получаетъ воздухъ для жизни, хотя и знаетъ, что безъ него не можетъ жить (и потому не благодаритъ Бога), тогда какъ онъ

долженъ много благодарить Сотворившаго его, и даровавшаго дыханіе и здоровье, для принятія воздуха и жизни. Такъ и мы должны много благодарить Бога, что Онъ и молитву, и вѣдѣніе, и силу и добродѣтели, и насъ самихъ, и все касающееся до насъ сотворилъ по благодати. И не только это, но и не перестаетъ всячески нещись побѣдить злое въ насъ и враговъ нашихъ—демоновъ. Потому что діаволъ чрезъ неразуміе и гордость, лишившись вѣдѣнія, дарованнаго Богомъ, по нуждѣ сдѣлался несмысленнымъ, и самъ собою не можетъ знать, что должно дѣлать; но смотритъ, что дѣлаетъ Богъ для спасенія нашего, и изъ этого научается и ухитряется дѣлать подобное къ гибели нашей. Онъ ненавидитъ Бога, не въ состояніи будучи ничего сдѣлать противъ Него, воюетъ противъ насъ, созданныхъ по образу Его, думая этимъ мстить Богу; и находитъ насъ послушными волѣ своей, какъ говоритъ Златоустъ. Видя, что Богъ сотворилъ Еву на помощь Адаму, діаволъ сдѣлалъ ее содѣйствующею въ преступленіи и преслушаніи. Богъ далъ заповѣдь, чтобы Адамъ, исполняя ее, сохранилъ памятованіе о столькихъ дарованіяхъ, и былъ признателемъ къ Благодѣтелю; діаволъ же сдѣлалъ заповѣдь эту причиною преслушанія и смерти, и вмѣсто пророковъ (возбуждалъ) лжепророковъ, вмѣсто апостоловъ лжеапостоловъ, вмѣсто закона беззаконіе, вмѣсто добродѣтелей зло, вмѣсто

заповѣдей преступленія, вмѣсто всякой праведности всякій грѣхъ, и вмѣсто правильныхъ догматовъ— гнусныя ереси. И опять, видя, что Христосъ по крайней благодати Своей снисходитъ къ св. мученикамъ и преподобнымъ Отцамъ, являясь имъ или Самъ, или чрезъ Ангеловъ, или инымъ неизъясненнымъ образомъ (домостроительства), какъ Онъ сказалъ (Іоан. 14, 21); началъ и діаволъ представлять нѣкоторымъ многія обольщенія въ погибель. Потому и написали разсудительные отцы, что ничего такого не должно принимать: никакихъ-либо изображеній, ни свѣта, ни огня, ни иного какого-либо обольщенія. Ибо діаволъ ухищряется хотя этимъ обольстить насъ въ сновидѣніяхъ, или чувственно. И если мы и это ¹⁾ принимаемъ, то заставляеть умъ отъ самомнѣнія и крайняго перазумія мечтательно представлять себѣ нѣкоторые образы, или виды, дабы онъ подумалъ, что это явленіе Бога или Ангеловъ. Многократно показываетъ и демоновъ въ сновидѣніяхъ и чувственно, какъ бы побѣждаемыхъ, и просто всякую кознь устраиваетъ къ нашей гибели, въ покоряющихся ему. Когда же діаволъ, сдѣлавъ это, не достигаетъ того, чего надѣялся: ибо Св. Отцы говорятъ, что во время молитвы умъ долженъ быть безвиднымъ, невообразительнымъ, необразовиднымъ, и ни-

¹⁾ Въ Слав. «аще же ниже сіе приедемъ».

какъ ничего не приемиющихъ: ни свѣта, ни огня, ни другого чего-либо; но должно заключать мысль въ однихъ только произносимыхъ словахъ. Ибо молящійся только устами, воздуху молится, а не Богу: Богъ обращаетъ вниманіе на умъ, а не на слова, какъ люди. *Духомъ*, говоритъ Христосъ, *и истинною Богоу достоинъ кланяться* (Іоан. 4, 24). И (Апостолъ): *хочу пять словесъ рещи умомъ, нежели тмы языкомъ* (1 Кор. 14, 19). Тогда діаволъ, недоумѣвая о всемъ этомъ, влагаетъ въ насъ помысль отчаянія (говоря), что нныя тѣ были времена, и иные люди, въ которыхъ Богъ явилъ чудеса ради вѣры, а теперь не то время и нѣтъ надобности дѣлать ихъ. Вотъ мы всѣ христіане и удостоились крещенія; а *уже отру иметъ и крестится*, говоритъ Св. Писаніе, *спасенъ будетъ* (Марк. 16, 16). И такъ чего еще нужно? Если же мы послушаемся этого и останемся такъ, то лишимся всего, нося только имя христіанина, не разумѣя, что увѣровавшій и крестившійся долженъ соблюдать всѣ заповѣди Христовы; и когда все исполнить, говорить: *я рабъ неотребный* (Лук. 17, 10). Какъ Господь сказалъ Апостоламъ: *учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ* (Матѣ. 28, 20). Всякій при крещеніи отрекается, говоря: отрицаюся сатаны и всѣхъ дѣлъ его; сочетаваюся Христу и всѣмъ заповѣдямъ Его. Гдѣ же будетъ наше отреченіе, если мы не оставимъ всякой страсти и всякаго грѣха, котораго хо-

четь діаволь? Но скорѣе возненавидимъ это отъ всей души и возлюбимъ Христа соблюденіемъ заповѣдей Его. Какъ же сохранимъ заповѣди Его, если не отвергнемся всякаго хотѣнія своего и всякаго разумѣнія? Разумѣній же и хотѣній тѣхъ, которыя противны заповѣдямъ Божиимъ. Ибо часто случается, что или отъ природы¹⁾, или отъ навыка любить доброе въ нѣкоторыхъ вещахъ, а злое ненавидятъ. Есть и хорошія разумѣнія, имѣющія свидѣтельство отъ Св. Писанія, но и онѣ требуютъ еще разсужденія опытныхъ. Безъ разсужденія и то, что мы почитаемъ хорошимъ, не есть добро, или потому, что оно не своевременно, или не нужно, т. е. не соответственно, или потому, что мы неправильно²⁾ понимаемъ сказанное. И не только Св. Писаніе, но и какой-либо случившійся вопросъ, если не внимательно оба: вопрошающій и вопрошаемый, далеко отходитъ отъ смысла сказаннаго и наноситъ неизбѣжный вредъ. Ибо и я много разъ терпѣлъ это, спрашивая другихъ и спрашиваемый другими. Когда же я понималъ сказанное какъ должно, то послѣ, познавъ это, удивлялся, какъ при похожихъ между собою словахъ мысли далеко отстоятъ одна отъ другой. Такъ и во всемъ прочемъ мы имѣемъ нужду

¹⁾ *κράσις* темпераментъ.

²⁾ *ἀνωμαλως*.

въ разсужденіи,—какъ надобно поступать, чтобы исполнить волю Божию. Ибо Богъ знаетъ вполне нашу природу, какъ Творецъ всего, и устроилъ и узаконилъ для насъ полезное и не чуждое природѣ нашей, а собственное ей кромѣ того, что для достиженія совершенства (заповѣдуетъ) желающимъ добровольно возвыситься къ Нему, превышеестественно, т. е.: дѣвство, нестяжаніе и смиренномудріе; но не благоразуміе¹⁾, ибо благоразуміе естественно, смиренномудріе же вышеестественно. Смиренномудрый совершаетъ всякую добродѣтель, и, ничѣмъ не будучи долженъ, считаетъ себя должникомъ и низшимъ всѣхъ. Благоразумный же, будучи долженъ, признаетъ долгъ. Какъ и подающій милостыню подаетъ ее изъ того, что онъ имѣетъ, и не есть превыше естества, какъ нестяжательный. Также и вступившій въ супружество,—не то, что дѣвственникъ; ибо это дарованіе превыше естества. И такъ, одинъ если оставитъ свои пожеланія и исполняетъ волю Божию, спасется, а другой получитъ отъ Бога вѣнецъ терпѣнія и славу: ибо онъ не только оставилъ воспрещенное закономъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ побѣдилъ свою природу съ помощію Божіею, (ставъ) превыше природы, возлюбилъ Бога отъ всей души, и по силѣ своей подражалъ Его безстрастію.

¹⁾ *εὐρωμοσύνη* сознательность.

Но такъ какъ мы не разумѣемъ не только насъ самихъ и ради насъ совершающагося, но и цѣли этого, и искомаго всѣми (нами); потому и Божественное Писаніе и слова древнихъ Святыхъ мужей, Пророковъ, говорю, и Праведныхъ, и новыхъ Св. Отцевъ кажутся намъ несогласными (между собою); и нынѣ желающіе спастись несогласны другъ съ другомъ, чего быть не можетъ.

Вотъ изъ малыхъ словъ и изъ естества вещей мы видимъ, что всякому человѣку, если онъ захочетъ спастись, ничто не можетъ воспрепятствовать: ни время, ни мѣсто, ни начинаніе. Только, чтобы онъ поступалъ какъ дѣло требуетъ, какъ должно съ разсужденіемъ, направляя всякую мысль къ намѣренію Божію. Ибо не то собственно нужно, что дѣлается, а для чего дѣлается. Мы невольно не согрѣшаемъ, если несогласимся прежде произвольно съ помысломъ, и не впадемъ въ плѣненіе; тогда (помысль) этотъ плѣненнаго имъ невольно, и противъ воли его приводитъ къ паденію. Подобно сему и согрѣшенія, случающіяся по невѣдѣнію, происходятъ отъ тѣхъ, которыя мы совершаемъ въ вѣдѣніи (въ сознаніи). Если кто не уищется виномъ, или похотью, не теряетъ сознанія. Но отъ пьянства умъ начинаеть помрачаться; отъ этого—грѣшить; а отъ грѣха умираеть. Итакъ не невѣдомо (безсознательно) пришла смерть, по пьянство, совершенное въ вѣдѣніи, наве-

ло смерть невѣдомую. И много подобнаго найдетъ всякій, особенно въ отношеніи мыслей, что отъ произвольныхъ мы впадемъ въ невольныя и отъ вѣдомаго въ невѣдомое. Но потому что первое кажется намъ легкимъ и сладкимъ; мы приходимъ и во второе невольно и невѣдомо для насъ. Если бы мы сначала пожелали сохранить заповѣди и оставаться такими, какими содѣлались чрезъ крещеніе, то не впали бы въ это зло, и не нуждались бы въ трудахъ и въ скорбяхъ покаянія. Однако и опять если желаемъ, вторичная благодать Божія, т. е. покаяніе, можетъ возвести насъ къ первой добротѣ. Если же и о покаяніи не стараемся, то по необходимости, подобно нераскаяннымъ демонамъ, пойдѣмъ съ ними въ вѣчную муку, болѣе по своей волѣ, нежели невольно. Не на гнѣвъ создалъ насъ Богъ, но для (полученія) спасенія, чтобы мы, насладившись Его благами, были благодарны и благомыслищи въ отношеніи къ Благодѣтелю. Но нерадѣніе наше о познаніи даровъ Его, привело насъ въ лѣность, а лѣность предала забвенію, отъ котораго воцарилось въ насъ неразуміе.

Когда же мы пожелаемъ положить начало обращенію нашему туда, откуда мы ниспали, то нужно намъ много труда; потому что мы не желаемъ оставить нашихъ хотѣній,—и думаемъ, что съ волею Божіею можемъ совмѣстить и нашу: но это невозможно. Самъ Господь сказалъ: *не да творю волю мою, но*

волю пославшаго мя Отца (Іоан. 6, 38), хотя и едина есть воля Отца и Сына и Духа, какъ единого нераздѣльнаго Естества; но это связано ради насъ и относительно воли плоти (человѣческой). Ибо, если плоть не будетъ умерщвлена, и человѣкъ не будетъ весь водимъ Духомъ Божиимъ, то не можетъ онъ исполнять воли Божіей безъ понужденія себя. Когда же воцарится въ насъ благодать Духа, тогда уже не будемъ имѣть своей воли, но все что ни бываетъ съ нами, есть воля Божія. Тогда миръ имѣемъ, и сынами Божиими назовутся таковыя; ибо они любятъ волю Отца, какъ и Сынъ Божій и Богъ. Но этого невозможно никому достигнуть безъ соблюденія заповѣдей, которыми всякія наслажденія¹⁾, т. е. пожеланія свои отсѣкаетъ (подвизающійся) и всякія огорченія²⁾ отъ сего происходящія терпитъ. Отъ безумія рождаются наслажденія и огорченія, какъ прежде сказано, и отъ нихъ—всякое зло; ибо безумный бываетъ самолюбивъ, и не можетъ быть братолюбивъ, ни Боголюбивъ, и не имѣетъ ни воздержанія, отъ наслажденій, т. е. угодныхъ ему хотѣній, ни терпѣнія огорченій. Но иногда, по исполненіи своей воли, умножаются въ немъ наслажденіе и надменность; иногда же, не достигнувъ исполненія своей воли, и

¹⁾ ἡδονή въ слав. «сласть».

²⁾ ὀδυνη въ слав. «болѣзнь».

терзасмый скорбію о семъ, приходитъ онъ въ малодушіе и душевное удушеніе—залогъ¹⁾ теенны. Отъ вѣдѣнія же, т. е. мудрости, происходитъ воздержаніе и терпѣніе. Ибо мудрый удерживаетъ свою волю и терпитъ происходящее отъ сего огорченіе, но почитая себя недостойнымъ наслажденій, бываетъ благодаренъ и благодаренъ Благодарителю, боясь, чтобы ради многихъ благъ, которыя даровалъ ему Богъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ, не лишиться въ будущемъ. Итакъ онъ трудится въ воздержаніи и въ другихъ добродѣтеляхъ, считая себя должникомъ во всемъ. И ничего, даже и малаго, не находитъ, что могъ бы воздать своему Благодарителю, но и самыя добродѣтели почитаетъ большимъ долгомъ; ибо получаетъ, а не отдаетъ. Самое то, что онъ удостоился приносить благодареніе Богу, и Богъ принимаетъ его благодареніе, почитаетъ онъ большимъ долгомъ, и всегда благодаритъ, дѣлая всякое добро, и всегда смиренномудрствуя, считаетъ себя большимъ должникомъ и ниже всѣхъ. Радуюсь о Богѣ, Который ему благодарствуетъ, и веселясь съ трепетомъ, восходитъ къ Божественной, неотпадающей любви—смиренномудріемъ. Принимаетъ скорбное, какъ достойный того, и считаетъ себя заслужившимъ большихъ (скорбей), нежели тѣ, которыя съ нимъ слу-

¹⁾ ἀρράβων «обрученіе», въ слав. «предначинаніе».

чаются, и радуется, что удостоился немного поскорбѣть въ нынѣшнемъ вѣкѣ, въ облегченіе многихъ мученій, которыя приготовилъ себѣ въ будущемъ: познаетъ въ этомъ немощь свою и не возносится; но отъ того, что удостоился это знать, и, по благодати Божіей, потерпѣть, приходитъ въ любовь къ Богу. Смиреномудріе есть порожденіе вѣдѣнія¹⁾, а вѣдѣніе—есть порожденіе искушеній. Познавшему себя дается вѣдѣніе всего²⁾. И повинующійся Богу покоряетъ себѣ всякое мудрованіе плоти; а послѣ сего повинуетъ ему все, когда смиреніе воцарится въ членахъ его. Познавшій себя, какъ говорятъ святые Василій и Григорій, находится посреди величія и смиренія: какъ имѣющій разумную душу и смертное, земное тѣло, онъ никогда не возносится и не отчаивается; но стыдясь разумности души, отвращается отъ всего постыднаго, и познавая немощь свою, удаляется отъ всякаго возношенія. Познавшій немощь свою, изъ многихъ искушеній, и тѣлесныхъ и душевныхъ страстей, познаетъ безконечное могущество Бога, какъ Онъ избавляетъ смиренныхъ, вопіющихъ къ Нему притрудною молитвою отъ сердца. И таковому молитва бываетъ уже сладостна. Видя, что безъ Бога ничего не можетъ сдѣлать, и страшась

¹⁾ Τῆς γνώσεως.

²⁾ Τῶν πάντων.

паденія, онъ подвизается быть неотступно при Богѣ; удивляется же, помышляя, какъ Богъ его избавилъ отъ столькихъ искушеній и страстей, и благодаритъ Могущаго избавить его, а съ благодареніемъ получаетъ смиреніе и любовь, и отнюдь никого не смѣетъ судить, зная, что какъ Богъ помогъ ему; такъ можетъ и всѣмъ помочь, когда восхощетъ, какъ говорить св. Максимъ. Можетъ быть иной и успѣваетъ бороться со многими страстями и побѣждаетъ ихъ, а себя считаетъ немощнымъ. (И думаетъ, что) Богъ вскорѣ помогъ ему для того, чтобы не погибла душа его совершенно. И познавая иное большее, и рассуждая о своей помощи, пребываетъ безъ паденій. Но невозможно кому-либо достигнуть этого, если не перенесетъ онъ многихъ искушеній, душевныхъ и тѣлесныхъ. И силою Божіею укрѣпляемый въ терпѣніи,—научается онъ опыту. Таковъй вовсе не держитъ исполнять свою волю, или составлять свое разумѣніе, безъ вопрошенія опытныхъ. Ибо какая въ этомъ надобность тому, кто не желаетъ сдѣлать, или помыслить что-либо иначе, какъ только для жизни тѣлесной, или для спасенія душевнаго? Если же кто не знаетъ, какое желаніе, или какое разумѣніе должно оставить, то да испытываетъ всякое дѣло и всякое разумѣніе удаленіемъ и воздержаніемъ отъ него, и что приноситъ безнокобство и при исполненіи своемъ наслажденіе, а при возбраненіи огорченіе,

то худо. И его надобно презрѣть, прежде нежели оно въ насъ замедлитъ, ибо иначе придется потрудиться, чтобы побѣдить его, когда уже почувствуется отъ него вредъ. Это говорю о всякомъ дѣлѣ и о всякомъ разумѣніи, безъ которыхъ мы можемъ быть живы тѣломъ и благоутодить Богу. Ибо привычка, закоснѣвая въ насъ, получаетъ силу природы; а если не даемъ ей свободы, то ослабѣваетъ, и мало по малу истребляется. И хорошую привычку и худую ищетъ время, какъ дрова питаютъ огонь. Потому намъ и должно всею силою поучаться въ добромъ, и дѣлать доброе, чтобы получить въ немъ навыкъ; и тогда само собою, по привычкѣ, безъ труда будемъ дѣлать представившееся добро, какъ и Отцы чрезъ малое побѣдили великое. Ибо не желающій имѣть необходимаго для тѣла, но отвергающій это, для того, чтобы идти тѣснымъ и прискорбнымъ путемъ;— когда предастся любостыжанію? Впрочемъ не то только, чтобы имѣть многое—есть любостыжаніе, но и имѣть что-либо по пристрастію, или безъ нужды, или сверхъ потребности. Многіе изъ древнихъ святыхъ, хотя имѣли много богатства, какъ Авраамъ, Товъ, Давидъ и многіе другіе, но не было въ нихъ пристрастія; они имѣли вещи, какъ Божія, и чрезъ нихъ оказались наиболѣе угодившими Богу. Господь же пресовершенный и единая Самопремудрость и корень сего пристрастія отсѣкъ. Ибо послѣдующимъ Ему подра-

жаніемъ высочайшей добродѣтели не только не повелѣлъ имѣть денегъ и имѣній, но и души своей, т. е. воли и разумѣнія. Зная это Отцы убѣгали міра, какъ препятствующаго совершенству,—и не только міра, но и хотѣній своихъ; ибо никто изъ Отцевъ не исполнялъ никогда своей воли. Но нѣкоторые изъ нихъ пребывали въ повиновеніи тѣлесномъ, имѣя вмѣсто Христа, отца духовнаго, для всякаго разумѣнія. Нѣкоторые въ пустынѣ и совершенномъ удаленіи отъ людей, самаго Бога имѣли учителемъ, за Котораго, по произволенію, желали потерпѣть и смерть. Нѣкоторые же держались царскаго пути, т. е. пребывая въ безмолвіи съ однимъ, или двумя, имѣли другъ друга благими совѣтниками, для благоугожденія Богу. Нѣкоторые же послѣ повиновенія, повелѣніемъ Отца, будучи поставлены начальствовать надъ другими братіями, жили какъ бы въ повиновеніи, сохраняя преданія тѣхъ же Отцевъ, и всякое начинаніе (прохожденіе подвига) было хорошо. А теперь, такъ какъ мы, и въ повиновеніи находящіеся и начальствующие не жалаемъ оставить своихъ хотѣній; потому никто и не приходитъ въ преуспѣяніе. Однако осталось и есть еще удаленіе отъ людей и отъ дѣлъ житейскихъ, для того, чтобы идти царскимъ путемъ, и, пребывая въ безмолвіи, съ однимъ или съ двумя, и поучаться заповѣдямъ Христовымъ и всякому Св. Писанію день и ночь,

чтобы хотя (такимъ образомъ) человѣкъ, обличаемый совѣстію и Св. Писаніемъ, чрезъ внимательное чтеніе и молитву, могъ достигнуть первой заповѣди, т. е. страха Божія, происходящаго отъ вѣры и поученія въ Божественныхъ Писаніяхъ. А чрезъ сіе пришелъ въ плачь, чрезъ который и въ остальные заповѣди, названныя Апостоломъ: вѣру, надежду и любовь. Ибо вѣрующій Господу, боится мученія, а боящійся мученія соблюдаетъ заповѣди; соблюдающій заповѣди, терпитъ скорби, а терпящій скорби, пріобрѣтаетъ надежду на Бога;—надежда эта удаляетъ умъ отъ всякаго пристрастія, а удалившійся отъ него пріобрѣтаетъ любовь къ Богу. Если кто либо захочетъ дѣлать это, тотъ спасется, гдѣ бы то ни было. Безмолвіе же, какъ начало очищенія души, безъ труда укрѣпляетъ произволящаго ко всѣмъ заповѣдямъ. Бѣги, сказано было одному отцу ¹⁾, молчи и безмолствуй: ибо это корни безгрѣшія. И еще: бѣгай людей, и спасешься; потому что бесѣды не дозволяютъ уму ни своихъ согрѣшеній видѣть, ни коварствъ демоновъ, чтобы человѣкъ могъ сохранить себя самого,—ниже благодѣяній Божіихъ и дѣйствій Его промысла, чтобы чрезъ это пріобрѣлъ онъ познаніе Бога и смиреніе.

¹⁾ Арсенію Великому. См. Достопамятныя сказанія о подвижничествѣ Св. Отцевъ. Стр. 13. Изд. 1-е. Москва 1845 г.

Итакъ желающій идти ко Христу краткимъ путемъ, т. е. безстрастіемъ и вѣдѣніемъ, и съ радостію достигнуть совершенства, долженъ идти не иначе, т. е., не уклоняясь на правую или лѣвую сторону, но во всемъ своемъ пребываніи, старательно идти насквозь путемъ, крѣпко удаляясь преувеличенія и недостаточности (въ подвигахъ); ибо и то, и другое возбуждаетъ сластолюбіе ¹⁾; не помрачать умъ изнѣществомъ брашенъ и бесѣдъ, и не ослѣплять его заботами; но и не возмущать мысль продолжительнымъ постомъ и бдѣніемъ. Но хорошо и съ терпѣніемъ, исполняя семь видовъ тѣлеснаго дѣланія, пусть восходитъ, какъ по лѣстницѣ, разъ навсегда соблюдая эти семь, и, идя къ нравственному дѣланію, чрезъ которое вѣрующему даются благодатію Божіею духовныя вѣдѣнія, какъ говоритъ Господь (Марк. 9, 23. Іоан. 1, 18; гл. 7, 38). *Всяко Писаніе Богодухновенно и полезно* (2 Тим. 3, 16); и ничто не можетъ воспрепятствовать желающему спастись, и никто другой не имѣетъ надъ нимъ власти, кромѣ одного, сотворившаго насъ Бога, который и готовъ на помощь и на сохраненіе отъ всякаго искушенія воищущихъ къ Нему, и желающихъ исполнять Его святую волю. Ибо безъ Него никто не можетъ дѣлать добраго, ни зла невольно терпѣть, если не попуститъ Богъ, для на-

¹⁾ ἡδονή. Въ слав. «сласти».

казанія согрѣшающаго, и для спасенія души его. Лукавыя дѣла принадлежатъ намъ, и проеиходятъ отъ нашей лѣности и содѣйствія демоновъ. Но всякое вѣдѣніе, добродѣтель и крѣпость есть благодать Божія, какъ и все остальное. По благодати далъ Онъ всѣмъ власть чадами Божиими быть (Іоан. 1, 12), чрезъ соблюденіе Его заповѣдей. Заповѣди эти болѣе сохраняютъ насъ,—и суть благодать Божія; ибо безъ благодати Его, мы и ихъ не можемъ соблюсти, и ничего не можемъ воздать Ему, какъ только одну вѣру и произволеніе. И просто: сохраняя всѣ правыя догматы отъ твердой вѣры и слуха,—должно начинать дѣланіе по порядку, какъ науки въ училищахъ; и такимъ образомъ старательно на самомъ дѣлѣ обучать себя семи прежде упомянутымъ дѣланіямъ, которыя суть:

Необходимое и весьма полезное указаніе семи тѣлесныхъ дѣланій.

Первое—безмолвіе, т. е. безпечительный образъ жизни, чуждый всякой житейской заботы, чтобы человѣкъ удаленіемъ отъ людей и попеченій могъ избѣгать молвы; и *яко лъви, рыкающаго и пиущаго кого поглотити* (1 Петр. 5, 8) бесѣдами и заботами житейскими. И имѣлъ одну заботу—какъ угодить Богу, и приготовить душу не быть осужденною въ часъ смертный; и со всякимъ стараніемъ (могъ) познавать, какъ

окрадываютъ насъ демоны, и наши собственные согрѣшенія, превышающія числомъ песокъ морской и, по тонкости своей, какъ пыль, многимъ невѣдомыя. Такъ живущій всегда плача, сѣтуетъ о естествѣ человеческомъ, и бываетъ утѣшаемъ отъ Бога, какъ благоразумный, и успокоивается, что достигнулъ видѣть то, чего не надѣялся видѣть, живя нѣкогда въ своей келліи. И познавъ свою немощь и силу Божию, страшится и надѣется, чтобы сдѣлавшись дерзновеннымъ, не пасть отъ неразумія; и забывъ чело-вѣколюбіе Божіе, не придти въ отчаяніе, если что—либо съ нимъ случится.

Второе—умѣренный постъ, т. е. разъ въ день ѣсть и не насыщаться: простою пищею, одного вида, о которой не много надобно заботиться, и которой не желаетъ душа; исключая того случая, когда нѣтъ другой, чтобы побѣдить чревоугодіе, угожденіе гортани и вожделѣніе, и пребывать безпечительнымъ ¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ и не удаляться совершенно ни отъ чего, безразсудно, отвергая то, что Богъ сотворилъ весьма хорошимъ, и не ѣсть всего неводержно и сластолюбиво; но каждый день ѣсть по одному разу ²⁾, съ воздержаніемъ, и употреблять все въ славу

¹⁾ Ἀπειρωδότης. Въ слав. «безпристрастна».

²⁾ Ἐν εἰδός καὶ ἐκάστην ὥρην ἓν. Одного вида ежедневно по разу.

Божію, ни отъ чего не удаляясь, какъ отъ худаго, какъ дѣлають проклятые еретики.

Вино же полезно ¹⁾ въ свое время: при старости, немощи и охладѣвшемъ сложеніи оно весьма полезно, но и тогда мало; въ молодости же, природной ²⁾ теплотѣ и здоровьѣ вода лучше; но и ея—очень мало, потому что жажда лучше всѣхъ тѣлесныхъ дѣланій.

Третье—умѣренное бдѣніе, то есть половину ночи употреблять на сонъ и половину на псалмопѣніе, молитву, стенанія и слезы: чтобы чрезъ умѣренный постъ и бдѣніе тѣло было благопокорно душѣ, здорово и готово на всякое благое дѣло, а душа приобрѣла мужество и просвѣщеніе, дабы видѣть и дѣлать должное.

Четвертое—псалмопѣніе, то есть тѣлесная молитва, исполняемая чтеніемъ псалмовъ и земными поклонами, чтобы утомилось тѣло и смирилась душа, убѣждали враги наши демоны и приблизились помощники наши ангелы, и да познаетъ человѣкъ откуда онъ получаетъ помощь, чтобы, не зная этого, онъ не вознесся, думая, что самъ совершаетъ дѣланія, и не былъ оставленъ Богомъ, для познанія своей помощи.

Пятое—духовная молитва, совершаемая умомъ, удаленная отъ всякихъ мыслей, при которой умъ,

¹⁾ «Полезно» нѣтъ въ греч. текстѣ.

²⁾ Природной нѣтъ въ греч. текстѣ.

пребывая въ томъ что онъ произноситъ, съ неисповѣдимымъ сокрушеніемъ повергается предъ Богомъ, и того одного проситъ, да будетъ воля Божія во всѣхъ его начинаніяхъ и разумѣніяхъ, никакъ не принимая ни помысла, ни образа, ни вида, ни огня, ни свѣта, ни чего—либо инаго отнюдь. Но, какъ видимый Богомъ и съ Нимъ единымъ бесѣдующій, умъ бываетъ тогда безвиденъ, необразовиденъ и невообразителенъ. Ибо такова чистая молитва, приличная проходящему еще дѣятельную жизнь, а достигнувшему вѣдѣнія предлежитъ иное, большее сего.

Шестое—чтеніе словъ и жизнеописаній Отцевъ; безъ всякаго вниманія къ чуждымъ или какимъ либо другимъ, особенно же еретическимъ, ученіямъ, чтобы читающій могъ уразумѣть, изъ Божественныхъ Писаній и изъ разсужденій Отцевъ, какъ побуждать страсти и приобрѣтать добродѣтели, и чтобы умъ его наполнился словами Духа Святаго и забылъ прежнія неприличные слова и разумѣнія, которыя онъ слышалъ, будучи внѣ келліи, и чтобы чрезъ многое упражненіе въ молитвѣ и чтеніи пришелъ въ благія мысли: ибо молитвѣ помогаетъ чтеніе въ безмолвіи, и чтенію—чистая молитва, когда кто цѣлностью читаетъ или поетъ, хотя и не можетъ исполнѣть, какъ бы должно, познать силу произносимаго, отъ помраченія страстями. Но мы часто обольщаемся самооправданіемъ, особенно же тѣ изъ насъ, которые думаютъ,

что имѣютъ мудрость міра сего, не зная того; что намъ потребно дѣятельное познаніе, для уразумѣнія сего, а не отъ одного только слышанія получаетъ пользу желающій научиться вѣдѣнію Бога: ибо иное слышаніе и иное дѣланіе. Какъ отъ одного слуха никто не можетъ сдѣлаться мастеромъ, но—чрезъ то, что видитъ и дѣлаетъ, и много ошибается, и бываетъ исправляемъ опытнымъ, чрезъ терпѣніе и отсѣченіе своихъ хотѣній, послѣ долгаго времени, приходитъ въ навыкъ мастерства; такъ и духовное познаніе не отъ одного только поученія рождается, но отъ Бога, по благодати, даруется смиренномудрымъ. Если читающій Писаніе, быть можетъ, думаетъ, что знаетъ (читаемое) хотя отчасти,—это не удивительно, особенно если онъ проходитъ дѣятельную жизнь, но таковой еще не имѣетъ вѣдѣнія Божія, но слышалъ слова имѣющихъ вѣдѣніе; ибо многіе писавшіе имѣли вѣдѣніе Божіе, какъ пророки, но этотъ еще не имѣетъ. Подобнымъ образомъ и я (написалъ), собравъ изъ Божественныхъ Писаній, а не отъ Духа сподобившись услышать, но отъ слышавшихъ отъ Него услышалъ, какъ нѣкоторые слышать о городѣ или о человѣкѣ отъ знающихъ его.

Седьмое—вопрошеніе опытныхъ о всякомъ словѣ и начинаніи, чтобы отъ неопытности и самоугодія не обманываться часто, иное, вмѣсто должнаго, помышляя и дѣлая, и не впадая въ самомиѣніе ду-

мающему, что знаетъ, но еще не познавшему какъ должно, по слову апостола (1 Кор. 8, 2).

Потомъ, вмѣстѣ съ этими семью¹⁾ тѣлесными дѣланіями, должно имѣть терпѣніе во всемъ, случающемся съ нами, что Богъ попуститъ для наученія, опыта и познанія нашей немощи, и не быть дерзновеннымъ, но и не отчаяваться, чтобы ни случилось, хорошее или худое. Всякаго же сновидѣнія и всякаго слова и дѣла празднаго всегда должно отворачиваться. Поучаться же въ имени Божіемъ болѣе нежели дышать, во всякое время, на всякомъ мѣстѣ и при всякомъ дѣлѣ, и повергаться предъ Богомъ отъ души, отвлекая умъ отъ всѣхъ помысловъ о мірѣ и лица только исполненія воли Божіей. Тогда умъ начинаетъ видѣть свои согрѣшенія—какъ несокъ морской, и это есть начало просвѣщенія души и знакъ ея здоровья. И просто: душа дѣлается сокрушенною и сердце смиреннымъ, и считаетъ себя по истинѣ ниже всѣхъ и начинаетъ познавать благодѣянія Божія, особенныя и общія, обрѣтаемыя въ Божественныхъ Писаніяхъ и собственные недостатки. Соблюдаетъ и заповѣди разумно, отъ первой и прочія; ибо Господь положилъ ихъ какъ бы на лѣстницѣ, и никто не можетъ, переступивъ одну, когда либо достигнуть другой; но, какъ по ступенямъ, отъ первой

¹⁾ «Семью» нѣтъ въ греч.

переходить ко второй, отъ второй къ третьей, пока не содѣлаютъ онѣ человека богомъ, по благодати Даровавшаго ихъ произволяющимъ.

О томъ, что желающій соблюдать заповѣди долженъ начинать со страха Божія, чтобы не поскользнуться въ пропасть.

Если кто желаетъ преуспѣть, то болѣе (всего) да покажетъ свое стараніе на исполненіи сихъ заповѣдей, а не на другомъ чемъ либо; потому что (иначе) онъ будетъ низверженъ, и даже болѣе упадетъ въ пропасть; ибо какъ въ семи дарахъ Духа кто не начинается со страха, тотъ никогда не достигнетъ другихъ, такъ и въ блаженствахъ Господнихъ. *Начало премудрости*, говоритъ Давидъ, *страхъ Господень* (Пс. 110, 10). Другой же пророкъ, начавъ свыше, сказалъ о семъ: *Духъ премудрости и разумъ, Духъ совѣсти и крепости, Духъ свѣдѣнія и благочестія. Духъ страха Божія* (Ис. 11, 2. 3). И Господь прежде началъ учить о страхѣ, ибо говоритъ: *блаженни нищій духомъ* (Матѳ. 5, 3), т. е. да будетъ каждый весь проникнутъ страхомъ Божиимъ, имѣя несповѣдимое сокрушеніе души. Господь положилъ эту заповѣдь, какъ основаніе, зная, что безъ нея, если бы кто нибудъ и на небѣ жилъ, не получить пользы, имѣя гордость ¹⁾,

¹⁾ Ἀσέβεια безуміе, въ слав. гордость.

черезъ которую діаволъ и Адамъ и иные многіе пали. Поэтому желающій исполнить первую заповѣдь, т. е. страхъ, какъ сказано, долженъ со многими стараніемъ, внимательно размышлять о упомянутыхъ нами прежде различныхъ случаяхъ въ жизни и, превосходящихъ всякую мѣру, неизслѣдимыхъ благодѣянійхъ Божіихъ и о всемъ, что Богъ сдѣлалъ и дѣлаетъ ради насъ, черезъ видимое и невидимое: заповѣдями и ученіями, угрозами и обѣтованіями, сохраняя, питающъ насъ, промышляя о насъ, оживляя насъ, избавляя отъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ; молитвами и ходатайствомъ святыхъ Своихъ врачующъ болѣзни, которыя наносятъ намъ безпорядочная жизнь наша, долготерпя всегда о нашихъ грѣхахъ, нечестіяхъ и беззаконіяхъ и о всемъ, что мы сдѣлали и дѣлаемъ и впередъ готовы сдѣлать, отъ чего да избавитъ насъ благодать Его. И сколько прогнѣваемъ Его словами, дѣлами и помышленіями, но Онъ не только поддерживаетъ насъ, но еще болѣе благодѣтельствуетъ намъ Самъ Собою, черезъ ангеловъ, писанія, праведныхъ, пророковъ, апостоловъ, мучениковъ, учителей и преподобныхъ Отцевъ. И разсматривая иныхъ страданія и иныхъ подвиги, потомъ, удивляясь снисхожденію Господа нашего Іисуса Христа, жизни Его въ этомъ мірѣ, пречистымъ страданіямъ Его, кресту, смерти, погребенію, воскресенію, вознесенію, пришествію Св. Ду-

ха, неизреченнымъ чудесамъ, всегда и ежедневно совершающимся: раю, вѣнцамъ, усыновленію, котораго Онъ насъ удостоилъ (Іоан. 1, 12), приводя себѣ на мысль все, что содержится въ Божественномъ Писаніи, и большее, ужасается, размышляя о чловѣколюбіи Божіемъ, трепещетъ и удивляется долготерпѣнію и снисхожденію Его къ намъ и стѣнуетъ о потерѣ, которую понесло естество наше; ангеловидномъ, говорю, безстрастіи, о раѣ и о вѣхъ благахъ, отъ которыхъ мы отпали, и о всемъ зломъ, въ которое ввали, о демонахъ, говорю, о страстяхъ и о грѣхѣ, и сокрушается душою, размышляя, сколько золь произошло отъ худаго нашего дѣйствія¹⁾ и отъ коварства демоновъ.

О второй заповѣди и о томъ что страхъ рождаетъ плачь.

И такимъ образомъ даруетъ ему *Богъ блаженный плачь*, т. е. вторую заповѣдь. *Блаженный*, говоритъ (Спаситель), *плачущій* (Матѣ. 5, 4), то есть, плачущій о себѣ самомъ и о ближнемъ, изъ любви и состраданія. И плачетъ (такой) какъ надъ умершимъ, отъ страшныхъ размысленій о томъ, что бываетъ предъ смертію и по смерти. Плачетъ со стенаніями, изъ глубины сердца, со многими горькими и притрудными слеза-

¹⁾ Πρατήρας ὀνυχίας.

ми и неисповѣдимыми рыданіями. И не заботится ни о чести, ни о безчестіи, но и самую жизнь презираетъ и многократно, отъ болѣзнованія сердцемъ и постоянныхъ рыданій, забываетъ и самую пищу. И такъ благодать Божія и общая вѣхъ мать даруетъ ему кротость и начало подражанія Іисусу Христу, то есть, третію заповѣдь, какъ говоритъ Господь: *блаженни кротцыи* (Матѣ. 5, 5). И дѣлается опъ какъ камень, утвержденный и никакъ непоколебимый вѣтромъ или волнами житейскими; но всегда пребываетъ одинаковъ: и въ изобиліи и въ скудости, и въ благополучіи и въ злополучіи, и въ чести и въ безчестіи, и просто: во всякое время и при всякомъ дѣлѣ, разсудительно знаетъ, что все проходитъ: пріятное и прискорбное, и жизнь эта есть путь къ будущему вѣку, и что хотя мы и не желаемъ, но совершающееся совершится съ нами, и мы напрасно смущаемся, терпимъ вѣнецъ терпѣнія и оказываемся противниками опредѣленія Божія. Ибо все, что дѣлаетъ Богъ, весьма хорошо (Быт. 1, 31), но мы не разумѣемъ этого. *Наставникъ бо* говоритъ (Св. Писаніе) *кроткія на судъ* (Ис. 24, 9), болѣе же на разсужденіе дѣлѣ. Но и во время огорченія такой ни мало не смущается, но скорѣе радуется, что нашелъ время пользы и любовмудрія. Приводитъ себѣ на мысль, что не безъ причины пришло искушеніе: но или Бога, или брата своего, или иного кого либо (прежде самъ) онъ оскор-

билъ, въ невѣдѣніи, или въ вѣдѣніи, и нашелся поводъ къ прощенію его, чтобы хотя ради терпѣнія получилъ онъ прощеніе во многомъ худомъ (имъ сдѣланномъ), и—что если онъ не проститъ брату своему долговъ его, то и Отецъ Небесный не проститъ ему его долговъ, и что иѣтъ кратчае этой добродѣтели, то есть заповѣди о прощеніи грѣховъ, ибо сказано: оставите и оставите вамъ (Матѣ. 6, 15). Радуется и тому, что удостоился познать это и исполнять, изъ подражанія Христу, содѣлавшись кроткимъ, благодатию заповѣди. Сѣтуетъ же о братѣ, что ради грѣховъ его¹⁾ онъ искушается отъ общаго врага, къ уврачеванію его немощи: ибо всякое искушеніе, какъ врачевство, попускается Богомъ, для излеченія немоществующей души, потому что даруетъ прощеніе преждебывшихъ и настоящихъ золъ и удерживаетъ будущія. Но ни діаволъ, ни искушающій, ни искушаемый не заслуживаютъ похвалы: діаволъ достоинъ пенависти, какъ дѣлатель зла, ибо онъ дѣлаетъ это не изъ попеченія (о насъ). Искушающій достоинъ помилуванія отъ искушаемаго, не потому, чтобы онъ дѣлалъ это изъ любви, но какъ насилуемый и угнетаемый. Искушаемый же за свои согрѣшенія терпитъ скорби, а не за другаго, такъ что не заслуживаетъ похвалы; ибо онъ не безгрѣшенъ, если же и безгрѣшенъ, что

¹⁾ Въ слав. «своихъ».

невозможно, то терпитъ въ надеждѣ воздаянія и по страху мученій. И эти всѣ,—такимъ образомъ; Богъ же, ни въ чемъ неимѣющій нужды и всѣмъ устраивающій полезное, достоинъ благодаренія, ибо и діавола и худые поступки людей долготерпѣливо переноситъ, вознаграждая за всякое благо и прежде грѣха и послѣ грѣха кающихся. Такъ, достигнувъ разсудительности¹⁾ во всемъ, сподобившійся быть хранителемъ третьей заповѣди не бываетъ уже поруганъ (демонами) въ вѣдѣніи или въ невѣдѣніи, но, получивъ дарованіе смиренія, считаетъ себя за ничто. Кротость есть начало смиренія, смиреніе же есть дверь безстрастія, а чрезъ безстрастіе неотпадающую и совершенную любовь пріобрѣтетъ познавшій свое естество—что онъ былъ прежде рожденія и что будетъ по смерти. Ибо человѣкъ есть не иное что какъ только малое и скороисчезающее зловоніе и худшій всей твари. Никакая иная тварь, ни бездушная, ни одушевленная, никогда не извращала опредѣленія Божія, но (только)—человѣческое естество, много благодѣтельствовавшее и всегда много прогнѣвляющее Бога. И такъ удостоивается (подвизающійся) четвертой заповѣди, то есть желанія къ пріобрѣтенію добродѣтелей. *Блаженъ*, говоритъ (Св. Писаніе) *алчущій и жаждущій правды* (Матѣ. 5, 6), и бываетъ—какъ

¹⁾ *δύναμις*, въ слав. разсужденіе.

жаждущій и алчущій всякой правды, то есть добродѣтели тѣлесной и нравственной—душевной. Если кто не вкуситъ какой либо вещи, то не знаетъ чего онъ лишается, говоритъ Великій Василій, но вкусившій сильно желаетъ. Такъ и вкусившій сладости заповѣдей и знающій, что онѣ скоро приводятъ его къ подражанію Христу, сильно желаетъ пріобрѣсти и прочія, такъ что ради ихъ часто презираетъ и смерть. Ощутивъ же немного изъ тайнъ Божіихъ, сокровенныхъ въ Божественныхъ Писаніяхъ, сильно жаждетъ познать ихъ, и на сколько получаетъ познаніе,—болѣе жаждетъ и разгорается, какъ пьющій пламень; и поелику Божественное всеѣмъ непостижимо, то всегда пребываетъ жаждущимъ. Ибо что здоровье и болѣзнь для тѣла, то добродѣтель и порокъ¹⁾ для души и познаніе и невѣдѣніе для ума; и на сколько кто либо старается о благочестіи, то есть о дѣланіи, на столько умъ его просвѣщается въ познаніи, и такъ сподобляется онъ милости, чрезъ пятую заповѣдь, какъ говоритъ Господь: *благосени милостивіи* (Матѣ. 5, 7). Милостивъ тотъ, кто милуетъ ближняго тѣмъ, что самъ получилъ отъ Бога: или деньгами, или пищею, или силою, или полезнымъ словомъ, или молитвою, если имѣетъ возможность помиловать просящаго у него, считая себя

¹⁾ κακία. въ слав. «злѣба».

самого должникомъ, ибо онъ получилъ болѣе того, что отъ него требуется. И (помышляя) что онъ удостоился, подобно Богу, быть названнымъ милостивымъ, и это—отъ Христа и въ нынѣшнемъ вѣкѣ и въ будущемъ, предъ всею тварію; и что чрезъ брата Богъ у него проситъ и дѣлается ему должникомъ. Бѣдный можетъ быть живъ и безъ того, чего у него проситъ, но онъ, безъ того, чтобы быть милостивымъ, по возможности, не можетъ быть живъ или спастись: ибо если не хочетъ умилосердиться надъ подобнымъ себѣ по природѣ, то какъ проситъ Бога, чтобы Онъ умилосердился надъ нимъ? Размышляя о семъ и многомъ цномъ удостоившійся заповѣдей отдаетъ не только то, что имѣетъ, но и душу свою за ближняго, ибо въ этомъ и состоитъ совершенная милостыня, какъ и Христосъ претерпѣлъ смерть ради насъ, всеѣмъ показавъ образъ и примѣръ, чтобы и мы умирали другъ за друга, и не только за друзей, но и за враговъ, во время¹⁾ надобности.

Не надобно имѣть вещь, для того именно, чтобы оказывать милость; это скорѣе великая немощь, но и вовсе не имѣющій чѣмъ оказать милость долженъ имѣть милосердіе ко всеѣмъ, и тѣмъ можетъ помочь нуждающимся, сдѣлавшись безпристрастнымъ къ *вещамъ житѣйскимъ*, а къ людямъ имѣя сострада-

¹⁾ καὶροῦ καλῶντος въ Слав. «времени требующу».

ніе. Но и учить не должно изъ тщеславія, не показавъ сперва (самимъ) дѣломъ, чтобы, врачуя души немощныхъ, не оказаться самому еще болѣе немощнымъ, нежели нуждающіеся во врачеваніи: потому что всякое дѣло требуетъ времени и разсудительности,¹⁾ чтобы не произошло что либо безвременно или безъ надобности. Немощному лучше удаление отъ всего; и нестяжаніе гораздо лучше милостыни. Ради безпристрастія (подвизающійся) удостоивается шестой заповѣди, какъ говоритъ Господь: *блаженни чистии сердцемъ* (Матѳ. 5, 8), то есть всякую добродѣтель совершившіе, при святыхъ помысленіяхъ, и достигшіе того, чтобы видѣть вещи по естеству (ихъ); и такимъ образомъ достигаетъ (подвизающійся) мира помысловъ. *Блаженни*, говоритъ (Св. Писаніе) *миротворцы* (Матѳ. 5, 9), то есть умиротворяющіе душу и тѣло подчиненіемъ плоти духу, да не востаетъ плоть противъ духа, но благодать Св. Духа да царствуетъ въ душѣ, и да руководитъ ею какъ хочетъ, даровавъ Божественное познаніе, съ помощію котораго таковой можетъ переносить гоненіе, поношеніе и озлобленіе *правды ради, и радоваться яко мзда его многа на небесахъ* (Матѳ. 5, 12). Всѣ блаженства дѣлаютъ богомъ по благодати человека, сдѣлавшагося кроткимъ, жаждущимъ всякой правды, милостивымъ, безстрастнымъ, миротвор-

¹⁾ διακρίνω въ слав. разсужденія.

цемъ, терпящимъ всякую скорбь¹⁾ съ радостію, ради любви къ Богу и ближнему. Итакъ, это суть дары Божіи и мы должны много благодарить Бога за нихъ и за предложенныя намъ воздаянія: царствіе небесное въ будущемъ и утѣшеніе здѣсь, полноту всякаго блага и милости отъ Бога: явленіе Божіе вѣдѣніемъ тайнъ, сокровенныхъ въ Божественныхъ Писаніяхъ и во всѣхъ тваряхъ Его, и многую мзду на небесахъ, подражаніе Христу на землѣ и блаженство каждой заповѣди, то есть высочайшее изъ благъ, крайній предѣлъ желаній. Ибо, по слову апостола (1 Тим. 6, 15. 16), Самъ Богъ единъ только блаженъ, живущій во свѣтѣ неприступномъ, а мы должны соблюдать заповѣди, или болѣе быть ими соблюдены, но человеколюбивый Богъ вѣрующему Ему, согласно²⁾ заповѣди, даруетъ воздаянія и здѣсь и тамъ.

Когда совершается все это, происходящее отъ блаженнаго плача, умъ получаетъ облегченіе отъ страстей, примиряясь съ Богомъ во грѣхахъ своихъ горькими и многими слезами, и мысленно распинаясь со Христомъ нравственнымъ дѣланіемъ, то есть соблюденіемъ заповѣдей, какъ сказано, и храненіемъ пяти чувствъ, чтобы онѣ ничего отнюдь не дѣлали, безъ надобности.

¹⁾ ὁδύνην въ слав. болѣзнь.

²⁾ ἅπα—посредствомъ.

Удерживая неразумныя стремленія умъ начинаетъ обуздывать близкія ему страсти; раздражительность, говорю, и воздержаніе; и иногда свирѣющую раздражительность утѣляетъ мягкостію воздержанія, иногда же суровостію раздражительности успокоиваетъ воздержаніе. Пришедши въ себя умъ познаетъ свое достоинство, что онъ самодержецъ, и получаетъ (силу) видѣть вещи по естеству ихъ. Ему открывается лѣвый глазъ, который ослѣпилъ діаволъ обладаніемъ страстей, и человѣкъ сподобляется мысленно погребсти себя со Христомъ отъ вещей міра, и не бываетъ болѣе окрадываемъ вѣншною красотою, но смотритъ на золото, серебро и дорогіе каменья и знаетъ, что они изъ земли, какъ и прочіе, бездушные деревья и камни. Подобно сему смотритъ и на человѣка, какъ на тѣніе и малый прахъ,—по смерти, въ гробѣ, и все сладостное въ жизни считаетъ за ничто; всегда видитъ измѣненіе этого, со многими *свѣтлыми*, протекающимъ изъ познанія, и дѣлается мертвымъ міру и съ радостію умерщвляется ему, и не имѣетъ болѣе понужденія себя, но скорѣе покой и безпристрастіе.

И такимъ образомъ, ради чистоты души, сподобляется мысленно воскреснуть со Христомъ, и получаетъ крѣпость безстрастно смотрѣть на вѣншнюю красоту вещей и прославляетъ ради ея Сотворив-

шаго все и, видя въ чувственныхъ тваряхъ силу и промыслъ Божій, благость и премудрость Его, по апостолу (Рим. 1, 20); видя тайны, сокровенныя въ Божественныхъ Писаніяхъ, умъ сподобляется вознесенія со Христомъ, вѣдѣніемъ мысленныхъ созданій, то есть познаніемъ умныхъ Силъ и разумѣя, чрезъ многія слезы познанія и радости, отъ видимаго умо-заключаетъ о невидимомъ, отъ временнаго—о вѣчномъ. Если этотъ временный міръ, называемый мѣстомъ изгнанія и осужденія преступившихъ заповѣди Божію, такъ прекрасенъ, во сколько же разъ болѣе—вѣчныя и непостижимыя блага, которыя Богъ уготовалъ любящимъ Его! И если тѣ блага непостижимы, по своему превосходству, во сколько же болѣе—Богъ, все сотворившій изъ ничего!

Если кто либо освободитъ себя отъ всего и старается о тѣлесныхъ и душевныхъ дѣланіяхъ, которыя Отцы называютъ благочестіемъ, не довѣряетъ никакому сну и собственному разумѣнію, не засвидѣтельствованному Писаніемъ и удаляется отъ всякой праздної бесѣды, чтобы совершенно не слышать и не чштать чего либо прайднаго, тѣмъ болѣе о ереси, то умножатся у него слезы разума¹⁾ и радости, такъ что онъ будетъ пить ихъ, по множеству ихъ, и придетъ въ другую молитву чистую, приличную умо-

¹⁾ Τῆς συνέσεως.

зрительному. Ибо какъ тогда должно было упражняться въ иномъ чтеніи и въ иныхъ слезахъ, такъ и теперь (въ иныхъ). Поелику умъ его достигнулъ духовныхъ вѣдѣній, то онъ долженъ отнынѣ читать все Божественное Писаніе, не опасаясь неудобопонятныхъ словъ Писанія, какъ—еще дѣятельные и немощные—ради невѣдѣнія. Ибо продолжительнымъ пребываніемъ и подвигами въ тѣлесныхъ и нравственныхъ дѣланіяхъ онъ расцѣлся со Христомъ, и погребъ себя съ Нимъ, познаніемъ вещей по естеству и (ихъ) измѣненія; воскресъ со Христомъ, чрезъ безстрастіе и вѣдѣніе Божественныхъ таинъ, заключающихся въ чувственныхъ Его твореніяхъ, и чрезъ сіе вѣдѣніе восшелъ со Христомъ въ превысшее міра, познаніемъ мысленныхъ и въ Божественныхъ Писаніяхъ сокровенныхъ таинствъ. Отъ страха (приходить подвизающійся) въ благочестіе, отъ благочестія—въ вѣдѣніе ¹⁾ отъ вѣдѣнія—въ совѣтъ, то есть разсудительность ²⁾, отъ нея—въ крѣпость, отъ крѣпости—въ разумъ ³⁾, и отъ разума приходитъ въ премудрость. Чрезъ всѣ упомянутыя дѣланія и вѣдѣнія сподобляется человѣкъ чистой и совершенной молитвы, происходящей отъ мира, любви къ Богу и

¹⁾ ἡ γνώσις.

²⁾ ἡ διακρισις.

³⁾ ἡ σύνεσις.

вселенія Св. Духа. И это есть сказанное: «пріобрѣти Бога въ себѣ», и—явленіе и вселеніе Божіе, какъ сказала Златоустъ, чтобы тѣло и душа были, по возможности, какъ у Христа, безгрѣшны, и чтобы умъ по Христѣ мыслилъ согласно благодати Духа и премудрости, что и составляетъ вѣдѣніе Божественныхъ и человѣческихъ вещей.

О четырехъ добродѣтеляхъ души.

Видовъ премудрости четыре: мудрость, то есть знаніе того, что должно дѣлать и чего не должно, и бдительность ума; цѣломудріе, то есть, чтобы умъ былъ цѣлъ и могъ удерживать себя вѣдѣніи всякаго дѣла, слова и помысленія неугоднаго Богу; мужество, то есть крѣпость и терпѣніе въ трудахъ по Богу и въ искушеніяхъ; правда, то есть распредѣленіе, отдающее каждой изъ сихъ (добродѣтелей) по ровну. Эти четыре главные добродѣтели рождаются отъ трехъ душевныхъ силъ, такимъ образомъ: отъ разумной части, то есть ума,—двѣ: мудрость и правда, то есть разсудительность; отъ вождѣлвательной—цѣломудріе; отъ раздражительной—мужество. Каждая изъ нихъ находится между двухъ страстей (сущихъ) вѣдѣніи естества. Мудрость—выше чрезмѣрнаго мудрствованія ¹⁾ и ниже неразумія. Цѣломудріе—вы-

¹⁾ Τοῦ ὑπερφρονεῖν. слич. Рим. 12, 3.

ше окаменѣнія (сердца) и ниже невоздержанности. Мужество—выше дерзости и ниже боязливости. Правда—выше недостаточности и ниже излишества. И эти четыре суть образъ небеснаго, а тѣ восемь—земнаго. Все же это въ точности знаетъ Богъ, какъ и преждебывшее, настоящее и будущее, отчасти же (знаетъ) и тотъ, кто, по благодати Божіей, дѣломъ научился отъ Него, и сподобился быть по образу и по подобию Его. Но говорящій, что знаетъ сіе, какъ должно, отъ одного слуха,—обманывается: ибо умъ человѣческій безъ руководителя не можетъ когда либо взойти на небо, а не возшедши туда и не видѣвъ, не можетъ сказать о чемъ либо ему невѣдомомъ. Если же онъ слышалъ что либо изъ Писанія, то объ этомъ только и долженъ говорить съ благоразуміемъ, какъ о слышанномъ, и назвать отца этого слова, какъ сказалъ Великій Василій. Кто думаетъ, что онъ имѣетъ знаніе, тотъ пребываетъ худшимъ невѣжды, ибо мнѣніе не попускаетъ быть мнимому, говоритъ св. Максимъ. Похвально же бываетъ и невѣдѣніе, какъ говоритъ Златоустъ, если кто разумно знаетъ—что онъ не знаетъ. Есть же невѣжество, превосходящее всякое невѣжество: когда кто либо не знаетъ и того, что онъ не знаетъ. Бываетъ и знаніе лжеименное, когда кто думаетъ, что онъ знаетъ, ничего не зная, по слову Апостола (1 Кор. 8, 2).

О дѣятельномъ знаніи.

Есть истинное знаніе и есть совершенное невѣдѣніе, лучше же всего дѣятельное знаніе. Ибо какая польза человѣку, если онъ имѣетъ все знаніе, и даже получилъ его отъ Бога, по благодати, какъ Соломонъ, такъ что невозможно и быть когда либо другому такому (какъ онъ), но если онъ пойдетъ въ вѣчное мученіе, если не получилъ отъ дѣлъ, твердой вѣры и свидѣтельства совѣсти, удостовѣренія, что онъ освобождается отъ будущаго мученія, ибо не зазираетъ себя, что вознерадѣлъ о чемъ либо изъ должнаго, по силѣ своей, какъ говоритъ св. Іоаннъ Богословъ: *аще сердце наше не зазритъ насъ, осужденіе имамы къ Богу* (1 Іоан. 3, 21); впрочемъ если и самая совѣсть, какъ говоритъ св. Нилъ, не обманывается, будучи унижена омраченіемъ страстей, по слову Лѣтвичника. Если и одинъ худой поступокъ обыкновенно помрачаетъ умъ, какъ говоритъ Великій Василій, и мнѣніе о себѣ ослабляетъ и не попускаетъ быть мнимому, то что сказать о служащихъ страстямъ? Думаютъ ли они, что имѣютъ чистую совѣсть? Особенно, видя апостола Павла, имѣвшаго въ себѣ Христа словомъ и дѣломъ и говорившаго: *ничесоже въ себѣ съимъ, то есть грѣховнаго, но ни о семъ оправдаюся* (1 Кор. 4, 4). Многіе (изъ насъ), по великой безчувственности, думаемъ, что значимъ нѣ-

что, тогда какъ мы ничто. Но *егда*, говоритъ Апостолъ, *рекутъ миръ, тогда внезапно нападеши на нихъ всегубительство* (1 Сол. 5, 3): ибо не имѣли мира, говорить Златоустъ, но только говорили и думали, что имѣють его, по великой безчувственности, и, какъ пишетъ св. Іаковъ братъ Божій о таковыхъ, что они *забытливый бываютъ* (Іак. 1, 25) о своихъ согрѣшеніяхъ. Не зная себя, многіе изъ гордыхъ, говорить Лѣтвичникъ¹⁾, думаютъ, что имѣють безстрастіе. И я, тренеца трехъ исполнновъ діавольскихъ, о которыхъ написалъ св. Маркъ²⁾ подвижникъ, то есть, лѣности, забвенія и невѣдѣнія, всегда ими обладаемый, боясь, чтобы не забыть мнѣ свою мѣру (духовнаго возраста), и не уклониться съ праваго пути, какъ говоритъ св. Исаакъ, написалъ настоящее слово³⁾. Отвергающій обличеніе обнаруживаетъ страсть гордости, говоритъ Лѣтвичникъ, а кто принимаетъ его, тотъ разрѣшился отъ узъ гордыни. И Соломонъ сказалъ: *несмысленному вопросившу о мудрости, мудрость взымается* (Притч. 17, 28). Потому и наименованія книгъ и святыхъ означилъ я вначалѣ, чтобы, говоря о каждомъ (изреченіи), чье оно, не продлить слова. Ибо и Святые Отцы слова Божественныхъ

1) См. Лѣтвицу Сл. 23 § 36. Изд. 1852. Москва.

2) См. Слова преп. Марка, стр. 291. Изд. 1858. Москва.

3) *αλλοτρί* собраніе, сборникъ.

Писаній часто приводили такъ какъ онѣ есть; Григорій Богословъ—слова Соломона и прочія, и—какъ логотетъ Симеонъ Метафрастъ сказалъ о Златоустѣ: несправедливо оставлять его слова и говорить мои, если бы я и могъ это, ибо отъ того же Святаго Духа получили все, а нѣкоторыхъ (писателей) называютъ по имени, какъ бы украшаясь этимъ, по смирению, и предпочтая слова Писаній своимъ собственнымъ, нѣкоторыхъ же оставляютъ безъ наименованія, по множеству, чтобы не слишкомъ продлить слово.

О томъ, что тѣлесныя добродѣтели суть орудія душевныхъ.

Но такъ какъ частое напоминаніе сильнѣе, то начну говорить еще болѣе сказаннаго. Но не мое это, а Божественныхъ Писаній и святыхъ мужей слова и разсужденія. Дамаскинъ говоритъ, что тѣлесныя добродѣтели или скорѣе орудія добродѣтелей, нужны, когда кто либо со смирениемъ и духовнымъ познаніемъ ихъ проходитъ, ибо безъ этого не совершаются и душевныя добродѣтели; если же не такъ, но сами по себѣ—то онѣ не приносятъ никакой пользы, какъ растенія безъ плодовъ. Безъ упражненія и отеѣченія хотѣній никто не можетъ хорошо и твердо обучиться мастерству; потому послѣ дѣланія нужно намъ и знаніе, и для всего—*ураздненіе* по

Богу (Псал. 45, 11) отъ всего, и стараніе о (чтеніи) Божественныхъ Писаній, безъ котораго никто не можетъ когда либо приобрѣсти добродѣтель. И удостоившійся совершенно и всегда *успражнятися* достигаетъ высочайшаго блага, а кто и не такъ,—то, по крайней мѣрѣ, отчасти да не будетъ перадивъ. Но блаженны совершенно *успражняющіеся*, или въ повиновеніи кому либо дѣятельному и разумно безмолвствующему, или въ безмолвіи и безночигительности отъ всего, повинуваясь волѣ Божіей въ точности и съ совѣтомъ опытныхъ во всякомъ начинаніи (относительно) словъ и помышлений: желающіе болѣе (всего) безъ труда достигнуть безстрастія и духовнаго познанія, совершеннымъ *успражненіемъ* отъ всего о Богѣ, какъ Самъ Онъ сказалъ чрезъ пророка: *успрадитесь и разумейте, яко Азъ есмь Богъ* (Пс. 45, 11). Но люди житейскіе, живущіе въ мірѣ, говорю, и тѣмъ болѣе монахи, успрадимся хотя отчасти, какъ древніе праведники, чтобы испытать бѣдную душу прежде смерти и приобрѣсти ей исправленіе или смиреніе, а не совершенную погибель полнымъ незнаніемъ и въ вѣдѣніи и въ невѣдѣніи бывающими согрѣшеніями. Ибо Давидъ хотя былъ и царь, но *на всякую нощь* орошалъ слезами ложе свое и постелю свою (Пс. 6, 7) отъ чувства Божественнаго страха ¹⁾; какъ

¹⁾ «Страха» нѣтъ въ греч. книгѣ.

говоритъ Іовъ: *ужасомся ми власи* и проч. (Іов. 4, 15). И мы хотя нѣкоторую часть дня и ночи, какъ люди житейскіе, *успрадимся* и рассмотримъ, что будемъ мы отвѣчать праведному Судіи въ страшный день суда Его? И объ этомъ, какъ необходимо, по страху вѣчнаго мученія, болѣе будемъ заботиться, нежели о томъ, какъ будутъ жить бѣдные и обогащаться—сребролюбивые ¹⁾: не будемъ все наше стараніе прилагать неразумно къ житейскимъ дѣламъ, какъ говоритъ Божественный Златоустъ, что дѣлать должно, но *не немая и молвити о мнози*, какъ Господь сказалъ Марѣ (Луки 10, 41). Ибо житейскія заботы не допускаютъ (человѣка) заботиться о душѣ своей, и познать въ какомъ онъ находится устроеніи, какъ то знаетъ *успражняющійся* и внимающій себѣ самому, по сказанному въ Законѣ: *внемли себѣ* (Втор. 15, 9) и проч. Изреченіе, о которомъ Великій Василій написалъ досточудное слово, исполненное всякой премудрости.

О томъ, что невозможно спастись иначе, какъ только строгимъ вниманіемъ и храненіемъ ума.

Безъ вниманія и бдительности ума невозможно намъ спастись и избавиться, какъ говоритъ Дамас-

¹⁾ Въ греч. *οι φιλάργυροι*, вѣроятно опечатка. Въ слав. «сребролюбцы».

кинѣ, отъ діавола, *яко лъва, рыкающа и ищуща кого поглотити* (1 Петр. 5, 8). Потому и Господь часто говорилъ ученикамъ (Своимъ: *бдите и молитесь, яко не вѣсте* и проч. (Марк. 13, 33), предвозвѣщая чрезъ нихъ веѣмъ о памятованіи смерти, чтобы мы были готовы къ доброму¹⁾ отвѣту, который бываетъ слѣдствіемъ дѣлъ и вниманія. Демоны, какъ говоритъ св. Иларіонъ, невещественны, безснлы и употребляютъ веѣ старанія, чтобы нападать на насъ, и погубить наши души словами, дѣлами и помыслами; но мы не таковы, а иногда заботимся о наслажденіяхъ и преходящей славѣ, иногда о житейскихъ дѣлахъ и о многомъ другомъ всегда, и никакой части времени не хотимъ удѣлнить на испытаніе нашей жизни, чтобы умъ могъ чрезъ это придти въ навыкъ и безъ *упраздненія* чаще внимать себѣ, по слову Премудраго²⁾ *посредъ свѣтей многихъ ходити* (Спр. 9, 18). Златоустъ написалъ о нихъ, изъясняя съ большою точностію и полнѣйшею премудростію, что такое эти свѣти. Господь же, желая отсѣчь всякое попеченіе, повелѣлъ намъ презирать и самую пищу и одежду, чтобы мы имѣли одну только заботу—какъ бы спастись, подобно сернѣ отъ ловца и птицѣ отъ свѣтей, и чтобы мы безпечительностію достигли остро-

¹⁾ *θεῖον* достойный принятія.

²⁾ Въ греч. *Σολομών*.

зрѣнія этого животнаго и высокопаренія пернатыхъ. И чудно, что Соломонъ сказалъ это, будучи царемъ, и отецъ его, также какъ онъ, говорилъ и дѣлалъ. И при такомъ вниманіи и многихъ подвигахъ, пребывая во всякой премудрости и добродѣтели, при столькихъ дарованіяхъ и явленіи Божіемъ,—увы! они были побѣждены грѣхомъ, такъ что одинъ оплакивалъ вмѣстѣ и прелюбодѣяніе и убійство (2 Цар. 11, 4. 15), а другой впалъ въ столь ужасныя дѣла (3 Цар. 11, 3). Не преисполнено ли это трепета и ужаса, для имѣющихъ умъ, какъ говорятъ: Лѣтвичникъ и Филимонъ подвижники. Какъ же мы не укасаемся и не убѣгаемъ, по немощи нашей, отъ житейскихъ заботъ, мы—ничего незначащіе, но остаемся нечувствительными, какъ безсловесныя животныя! И о, еслибы я, бѣдный, сохранилъ естество свое, какъ безсловесныя! Несъ лучше меня¹⁾ и проч.

О томъ, что желающіе видѣть самихъ себя, въ какомъ они устроеніи нравственномъ не иначе могутъ этого достигнуть, какъ удаленіемъ отъ своихъ хотѣній, повиновеніемъ и безмолвіемъ, особенно же обладаемые страстями.

Если мы желаемъ видѣть самихъ себя, въ какомъ мы смертоносномъ устроеніи находимся, то будемъ

¹⁾ Вѣроятно здѣсь приведены слова другаго писателя неоконченныя, какъ и въ другихъ подобныхъ мѣстахъ, поставлено и проч.

убѣгать отъ своихъ хотѣній и житейскихъ дѣлъ и, чрезъ удаленіе отъ всего,—пребывать, съ трудомъ, въ блаженномъ *упраздненіи* о Богѣ (Ис. 45, 11) ища каждый своей души, поученіемъ въ Божественныхъ Писаніяхъ, или въ совершенномъ повинновеніи души и тѣла, или во всеславномъ пребываніи ангельскомъ—безмолвіи; особенно же страстные, немогущіе удерживать своихъ пожеланій, малыхъ и великихъ.

Сиди, сказано, въ келіи твоей, и она всему тебя научитъ, и опять: безмолвіе есть начало очищенія души, какъ говоритъ Великій Василій и Соломонъ (сказалъ): *попеченіе лукаво даде Богъ сыновомъ человеческимъ* (Еккл. 1, 13), т. е. заботы о суетномъ, очевидно для того, чтобы отъ неразумной и страстной праздности не уклонились въ худшее. Избавившійся же благодатію Божіею отъ обихъ (сихъ) стремившійся и сподобившійся быть монахомъ, носящій ангеловидный иноческій образъ, чтобы быть чрезъ то подражателемъ единому Богу, по возможности своей, дѣломъ и словомъ, какъ говоритъ Великій Діонисій, не долженъ ли всегда *упраздняться*, и быть внимательнымъ къ уму, во всякомъ дѣлѣ, и имѣть нѣкоторое непрестанное поученіе о Богѣ, смотря по кустроенію, акого достигъ, какъ говорятъ къ новоначальнымъ Св. Отцы: Ефремъ и другіе. Одинъ долженъ имѣть въ устахъ псаломъ, другой какой-либо стихъ, пные должны со вниманіемъ произносить въ

умѣ псалмы и тропари, какъ не сподобившіеся еще придти въ нѣкоторе вѣдѣніе, т. е. познаніе (духовное), чтобы никто,—работаетъ ли онъ, путешествуетъ ли, или ложится отдыхать, отнюдь не оставался безъ нѣкотораго поученія (внутренняго); но, исполнивъ назначенное ему молитвенное правило, долженъ тотчасъ же заключить умъ въ нѣкоторое поученіе, чтобы врагъ, найдя его празднымъ, безъ памяти о Богѣ, не вложилъ въ него своего зловреднаго. Это сказано ко всѣмъ вообще. Когда же кто-либо многими подвигами тѣлесными, говорю, и душевными добродѣтелями, благодатію Христовою, уснѣетъ мысленно взойти въ духовное, т. е. мысленное дѣланіе,—въ плачь о душѣ своей, то такому должно мысль, приносящую приболѣзненные слезы, хранить какъ зѣницу ока, пока, какъ говоритъ Гѣсевичникъ¹⁾ огонь и вода не отойдутъ промыслительно, т. е. за возношеніе. Огонь есть сердечное болѣзнованіе и теплая вѣра, а вода—слезы. Не всѣмъ дается это, говоритъ Великій Анастасій, но (только) сподобившимся видѣть ужасное, бывающее прежде смерти и по смерти, непрестаннымъ памятованіемъ о семъ въ безмолвіи; какъ говоритъ Исаія: ухо безмолвствующаго услышитъ дивное; и еще: *упразднится и разумѣете* (Ис. 45, 11).

¹⁾ Сл. 28-е § 49.

Это одно поражаетъ въ насъ обычно познаніе Бога, какъ могущее наиболѣе помочь и очень страстнымъ и немощнымъ, чрезъ пребываніе безъ попеченій и удаленіе отъ людей и помрачающихъ умъ бесѣдъ и заботъ, не только житейскихъ, но и ничтожныхъ, и кажущихся безгрѣшными; какъ говоритъ Дѣствичникъ¹⁾: малый волосъ безпокоитъ глазъ и проч. И св. Исаакъ: не думай, что только имѣніе золота или серебра есть сребролюбіе, но если и къ чему-либо привязанъ помысль. И Господь сказалъ: *идѣже сокровище ваше, ту и сердце ваше будетъ* (Матѳ. 6, 21) или въ Божественныхъ, или въ земныхъ дѣлахъ и помышленіяхъ.

Потому и прилична всѣмъ безпопечительность, и то чтобы *ураздниться* о Богѣ житейскимъ людямъ отчасти, какъ было сказано, чтобы они могли мало по малу достигнуть мудрости и духовнаго познанія, а могущимъ совершенно *ураздниться* и все попеченіе имѣть о томъ, какъ благоугодить Богу, чтобы Богъ, видя произволеніе ихъ, даровалъ имъ покой чрезъ духовное познаніе и ввелъ ихъ въ поученіе перваго вѣдѣнія, дабы пріобрѣсти имъ неизреченное сокрушеніе души и быть пищими духомъ. И такъ, мало по малу, возводя ихъ и въ другія вѣдѣнія, сподобилъ ихъ соблюденія блаженствъ,

¹⁾ Сл. 27-е § 51.

пока достигнуть они мѣра помысловъ, который есть мѣсто Божіе, какъ говоритъ св. Нилъ, взявъ это слово¹⁾ изъ Псалтири: *и бысть въ мирѣ мѣсто Его* (Пс. 75, 3).

О восьми мысленныхъ вѣдѣніяхъ.

Духовныхъ вѣдѣній, какъ полагаю, восемь. И семь изъ нихъ—нынѣшняго вѣка, а восьмое есть дѣланіе будущаго вѣка, какъ говоритъ св. Исаакъ. Первое есть познаніе²⁾ скорбей и искушеній этой жизни, какъ говоритъ св. Дорофей, и сѣтованіе о всемъ, что естество человѣческое потерпѣло чрезъ грѣхъ.

Второе—познаніе²⁾ своихъ согрѣшеній и благодареній Божіихъ, какъ говоритъ Дѣствичникъ, св. Исаакъ и многіе другіе изъ Отцевъ.

Третіе—познаніе²⁾ ужаснаго, бывающаго передъ смертію и послѣ смерти, какъ то (находимъ) въ Божественныхъ Писаніяхъ.

Четвертое—уразумѣніе³⁾ жизни въ этомъ мірѣ Господа нашего Іисуса Христа и учениковъ Его и прочихъ святыхъ, мучениковъ и преподобныхъ Отцевъ,—дѣлъ ихъ и словъ.

¹⁾ *Τὴν γῆρσιν*, мѣсто изъ писателей, приводимое въ доказательство.

²⁾ *γνώσις*.

³⁾ *ἡ κατανόησις*.

Пятое—познаніе ¹⁾ естества и измѣненія вещей, какъ говорятъ св. Отцы Григорій и Дамаскинъ.

Шестое—вѣдѣніе существующаго, т. е. познаніе и уразумѣніе чувственныхъ созданій Божіихъ.

Седьмое—уразумѣніе ²⁾ мысленныхъ созданій Божіихъ.

Восьмое—познаніе ¹⁾ о Богѣ, называемое богословіемъ.

Изъ этихъ восьми вѣдѣній, три первыя причинны проходящему дѣятельную добродѣтель, дабы онъ успѣлъ многими и горькими слезами очистить душу свою отъ всѣхъ страстей и получить отъ Бога, по благодати и прочія (вѣдѣнія); пять же перешедшему къ вѣдѣнію, т. е. получившему познаніе (духовное), за доброе храненіе и всегдашнее исполненіе тѣлесныхъ и нравственныхъ, т. е. душевныхъ дѣланій; чрезъ что и сподобляется ихъ ощущенія явно и мысленно. Отъ перваго получаетъ дѣлатель начало познанія и, по мѣрѣ того какъ онъ послѣ этого старается о дѣланіи, и поучается въ данныхъ ему разумѣніяхъ, преуспѣвая въ нихъ, пока не придетъ въ навыкъ ихъ,—само собою является въ умѣ его иное познаніе, и подобно сему и прочія.

Но чтобы передаваемое мною было ясно, скажу отчасти,—хотя и не могу говорить,—о каждомъ вѣ-

¹⁾ γνῶσις.

²⁾ ἡ κατανόησις.

дѣній, въ чемъ состоитъ познаваемое и изъясняемое; чтобы мы имѣли возможность познать себя, т. е. какъ мы должны поступать, когда благодать начнетъ отверзать очи душевныя и мы начнемъ уразумѣвать, приходя въ изумленіе отъ мыслей и реченій, могущихъ вселить въ насъ, какъ прежде было сказано, страхъ, т. е. сокрушеніе души.

Необходимое изъясненіе о первомъ познаніи и о томъ, какъ должно начинать оное.

Первое познаніе есть то, ради котораго даруются произволяющему и послѣдующія; сподобившійся достигнуть его долженъ поступать такимъ образомъ. Сѣсть (лицемъ) къ востоку, какъ иѣкогда Адамъ, и поучаться такъ. Сѣлъ тогда Адамъ и плакалъ передъ раемъ сладости, руками билъ себя по лицу и говорилъ: Милостивый! помилуй меня падшаго! Также и другой икося: видя Адамъ ангела, изгнавшаго (его) и затворившаго дверь Божественнаго вертограда, глубоко воздохнулъ и сказалъ: Милостивый! помилуй меня падшаго! Потомъ, размышляя о совершающемся (нынѣ) начинаетъ тогда (дѣлатель) сѣтованіе ¹⁾ такимъ образомъ: воздыхая отъ всей души и качая головою своею, съ болѣзнованіемъ сердечнымъ говорить:

Увы мнѣ грѣшному! что я пострадалъ! Увы мнѣ! Что я былъ и чѣмъ сдѣлался! Увы мнѣ! Что я по-

¹⁾ Τὸν θρῆνον

терялъ и что нашель! Въ мѣсто рая,—тѣнный сей міръ; вмѣсто Бога и пребыванія съ ангелами—дѣвола и нечистыхъ демоновъ; вмѣсто покоя—трудъ; вмѣсто наслажденія и радости—скорбь міра сего и печаль; вмѣсто мира и непрестаннаго веселія—страхъ и прискорбныя слезы; вмѣсто добродѣтелей и праведности—неправду и грѣхи; вмѣсто благодати и безстрастія—лукавство и страсти; вмѣсто премудрости и усвоенія Богу—неразуміе и изгнаніе; вмѣсто попечительности и свободы—многозаботливую жизнь и горчайшее рабство. Увы! Увы! Я былъ сотворенъ царемъ и чрезъ безуміе мое сдѣлался рабомъ страстей. Увы мнѣ несчастному! Какъ я преслушаніемъ вмѣсто жизни навлекъ (себѣ) смерть. Горе! Горе! Увы мнѣ! Увы мнѣ! Что пострадалъ я окаянный, отъ своей безразсудности! Что мнѣ дѣлать? Отсюда брани и отсюда смущенія. Отсюда болѣзни и отсюда искушенія. Отсюда опасности и отсюда кораблекрушенія. Отсюда страхи и отсюда печали. Отсюда страсти и отсюда грѣхи. Оттуда горечи и отсюда стѣсненія. Увы мнѣ несчастному! Что мнѣ дѣлать? Куда бѣжать? *Тѣсно ми отъсюду*, какъ сказала Сусанна (Дан. 13, 22). Не знаю чего, мнѣ искать? Если буду искать жизни—боюсь ея искушеній, перемѣнъ ея и случайностей¹⁾. Вижу ангела—сатаню. Прежде сіяваго

какъ денницу, сдѣлавшагося дѣволомъ и такъ называемымъ. Первозданнаго—изгнаннымъ. Каина—братоубійцею. Ханаана—проклятымъ. Содомлянъ—сожженныхъ огнемъ. Псава—отпадшимъ. Израилѣтянъ—подпавшихъ гнѣву. Гіезію и апостола Іуду—отпадшихъ, по болѣзни сребролюбія. Великаго пророка и царя—плачущимъ о двухъ грѣхахъ. Соломона, при такой премудрости,—отпадшимъ. Бывшихъ изъ числа семи діаконъ и сорока мучениковъ—отпадшихъ. Какъ говоритъ Великій Василій: съ радостію похитилъ злоначальникъ изъ двѣнадцати злосчастнаго Іуду, изъ Едема человѣка и изъ сорока мучениковъ—отпаднаго. Оплакивая котораго, снова тотъ же (св. Василій) говоритъ: суетумудрый и достойный плача! Онъ лишился и сей и оной жизни, ибо, растаявъ отъ огня, онъ перешелъ къ огню неугасимому. И другихъ безчисленно-многихъ вижу падшихъ, не только изъ невѣровавшихъ, но и многихъ изъ Отцевъ, послѣ многихъ подвиговъ. Кто же я, худшій изъ всѣхъ, безчувственнѣйшій и немощнѣйшій! Что скажу о себѣ самомъ? Авраамъ называетъ себя *землемъ и пеломъ* (Быт. 18, 27). Давидъ—*исомъ умершимъ и блгою во Израиль* (1 Цар. 24, 15). Соломонъ—*малымъ отрокомъ, неразумѣющимъ праваго и лѣваго*. Три отрока говорили: *студъ и поношеніе быхомъ* (Дан. 3, 33). Пророкъ Псаія говоритъ: *окаяненъ есмь азъ* (Ис. 6, 5). Іере-

¹⁾ Τῇ συντυχίᾳ

мія¹⁾ пророкъ говорить: *отрокъ есмь азъ* (Іер. 1, 6). Апостоль называетъ себя первымъ изъ грѣшниковъ, и всѣ прочіе говорятъ о себѣ, что они ничто. Что же дѣлать мнѣ? Куда я скроюсь отъ множества золъ моихъ? Что будетъ со мною ничтожнымъ и худшимъ самаго ничтожества? ибо ничтожество не согрѣшило и не было подобно мнѣ облагодѣтельствовано. Увы! Какъ я докопчу остальное время моей жизни? или какъ успѣю избѣжать сѣтей діавольскихъ? Демоны безсонны и невещественны. Смерть близка, а я немогущъ. Господи! помози мнѣ! Непусти созданію Твоему погибнуть, ибо Ты печешься о мнѣ несчастномъ! *Скажи ми, Господи, путь, въ онъ же пойду, яко къ Тебѣ взяхъ душу мою* (Пс. 142, 8). *Не остави мене, Господи Боже мой, не отступимъ отъ мене. Воими въ помощь мою Господи спасенія моего* (Пс. 37, 22. 23). И такимъ образомъ душа сокрушается отъ таковыхъ словъ, если хотя сколько нибудь имѣть чувства. Пребывая въ семъ (дѣланіи), и пришедши въ навыкъ страха Божія, умъ начинаетъ постигать слова втораго вѣдѣнія и поучаться въ нихъ, которыя суть слѣдующія:

О второмъ вѣдѣніи.

Увы мнѣ несчастному! Что мнѣ дѣлать? Что со мною будетъ? Много я согрѣшилъ, много былъ облаго-

дѣтельствовавъ, много немогущую. Искушеній много. Лѣньность связала меня. Забвеніе помрачаетъ меня и не попускаетъ мнѣ видѣть самого себя и множество золъ моихъ. Невѣдѣніе—худо. Преступленіе въ вѣдѣніи—еще хуже. Добродѣтель неудобосовершаема. Страстей много. Демоны лукавы. Грѣхъ удобенъ. Смерть близко. Отданіе отчета горько. Увы мнѣ! Что мнѣ дѣлать? Куда убѣгу отъ себя самого? Ибо я самъ причиною своей гибели: я почтенъ самовластіемъ и никто не можетъ меня принудить. Я согрѣшилъ и всегда согрѣшаю, и пребываю въ нерадѣніи о всеомъ благомъ дѣлѣ, а принуждающаго меня—нѣтъ. Кого же мнѣ обвинять? Богъ благъ и человеколюбивъ и всегда желаетъ моего къ Нему обращенія и покаянія. Ангелы любятъ и охраняютъ меня. Люди также желаютъ мнѣ преуспѣянія; демоны не могутъ принудить никого, нехотящаго погибнуть, по нерадѣнію или отчаянію; итакъ, кто же причиною?—Только я самъ, окаянный. Вотъ я немного позналъ, что душа моя погибаетъ и не хочу положить начала благочестія. Почему ты нерадишь о себѣ, душа моя? почему не стыдишься, согрѣшая предъ Богомъ и Его ангелами, какъ стыдишься людей? Увы мнѣ несчастному! Увы мнѣ! Увы мнѣ! ибо не стыжусь я Творца моего и Владыки даже и такъ, какъ стыжусь человека. И передъ однимъ человекомъ не могу согрѣшить, но употребляю всѣ хитрости, чтобы показать себя поступающимъ пра-

¹⁾ Въ греч. и слав. «Аввакумъ».

ведно, но, стоя предъ Богомъ, помышляю лукавое и говорю часто, не стыдясь. О (каково) безуміе мое! Дѣлая злое, не боюсь Бога, видящаго сіе, и одному человѣку не могу сказать касающагося меня—для исправленія. Увы мнѣ! Увы мнѣ! О мученіи знаю, а каяться не хоху. Небесное Царство люблю, а добродѣтели не приобретаю. Въ Бога вѣрую, а заповѣдей Его всегда ослушиваюсь. Діавола ненавижу, а дѣлать угодное ему не перестаю. Если молюсь, предаюсь лѣности и пребываю безчувственнымъ. Если пощусь, предаюсь возношенію и еще болѣе подвергаюсь осужденію. Если бодрствую, думаю, что нѣчто дѣлаю, такъ что и это не бываетъ полезно. Если читаю, одно изъ двухъ зломъ совершаю, безчувственный: или дѣлаю это ради многознанія и тщеславія и болѣе помрачаюсь, или, зная и не исполняя, еще болѣе заслуживаю осужденія. Ежели дѣломъ, по благодати Божіей, и перестаю грѣшить, по словомъ всегда согрѣшать не перестаю; если же и отъ этого благодать покроетъ меня, то помыслами всегда прогнѣвляю Бога, окаянный. Горе! Горе! Что мнѣ дѣлать? Куда ни пойду—нахожу грѣхи. Повсюду демоны. Отчаяніе хуже всего. Прогнѣвалъ я Бога; ангеловъ также опечалилъ; людямъ многократно причинялъ вредъ и соблазнъ. Хотѣлъ я слезами омыть рукописаніе согрѣшеній моихъ, Господи, и въ остальное время жизни покаяніемъ благоутудить Тебѣ, но врагъ оболь-

щаетъ меня и бореть душу мою. Господи! прежде нежели совершенно погибну, спаси меня!

Согрѣшилъ я предъ Тобою, Спаситель, какъ блудный сынъ. Прими меня, Отче, кающагося и помилуй меня, Боже!

Воцію къ Тебѣ, Христе, Спасителю, гласомъ мытаря: очисти и меня какъ (очистилъ Ты) онаго и помилуй меня, Боже!

Но что будетъ въ послѣднее время, или что меня ожидаетъ? Увы мнѣ несчастному! Увы мнѣ! *Кто дастъ главѣ моей вою и очесамъ моимъ источникъ слезъ* (Іер. 9, 1). Кто возможетъ достойно меня оплакать? ибо я самъ не могу этого сдѣлать. Приидите, горы, покройте меня несчастнаго! Горе! Горе! Что мнѣ сказать? О сколько добра сдѣлалъ мнѣ Богъ, (добра) которое Онъ только знаетъ, и сколько зла показало мое неразуміе! Словомъ, дѣломъ и мыслію всегда прогнѣвляю я моего Благодѣтеля: и насколько Онъ долготерпитъ, настолько я нерадѣю, окаянный и безчувственнѣйшій бездушныхъ камней. Однако не отчаяваюсь, но познаю Твое человѣколюбіе.

Покаянія не приобретаю я, не приобретаю и слезъ; потому умоляю Тебя, Спаситель, прежде конца обрати меня и дай мнѣ покаяніе, чтобы мнѣ избавиться отъ муки.

Господи, Боже мой! Не оставь меня. Я ничто предъ Тобою, но грѣшенъ весь и гдѣ найду я чув-

ство многихъ моихъ золъ? (самое то, что я не дѣлаю (добра) есть для меня великое осужденіе. Для меня—небо и земля. Для меня—четыре стихіи и все, отъ нихъ происходящее, какъ говоритъ Богословъ. Объ остальномъ же умолчу, ибо недостойнъ я говорить что либо, по множеству золъ моихъ. Оказанныя мнѣ благодѣянія, превосходящія всякую мѣру, кто можетъ познать, хотя бы и ангельскій умъ сподобился имѣть. Но за нераскаянный мой нравъ я всего лишусь, несчастный. И такъ, поучающійся въ этомъ, приходитъ черезъ нѣсколько времени въ третіе познаніе, и всегда плача говоритъ:

О третьемъ вѣдѣніи.

Увы мнѣ! Какой подвигъ имѣетъ душа, различаясь съ тѣломъ! Увы мнѣ! Сколько проливаетъ тогда слезъ и нѣтъ милующаго ее! Къ ангеламъ обращаетъ взоры и напрасно умоляетъ. Къ людямъ простираетъ руки и нѣтъ помогающаго ей!

Плачу и рыдаю, когда помышляю о смерти и вижу лежащую въ гробахъ, по образу Божію созданную нашу красоту,—безобразную, безславную и не имѣющую вида. О чудо! Какое это таинство совершилось надъ нами? Какъ мы предались тлѣнію? Какъ совокупились со смертію? По истинѣ Божіимъ повелѣніемъ, какъ написано. Горе! Горе! Что буду дѣлать я, всебѣднѣйшій, во время смерти, когда де-

моны окружать бѣдную мою душу, держа записи всего злаго, мною сдѣланнаго, въ вѣдѣніи и въ невѣдѣніи, словомъ, дѣломъ и помышленіемъ, и требуя отъ меня отчета во всемъ этомъ? Но, увы мнѣ! и безъ другихъ грѣховъ, я подлежу великому осужденію за заповѣди, которыхъ не сохранилъ, и—по справедливости (осужденъ буду)!

О окаянная душа моя, скажи мнѣ теперь, гдѣ обѣты крещенія? Гдѣ сочетаніе со Христомъ и отреченіе отъ сатаны? Гдѣ соблюденіе заповѣдей Божіихъ? Гдѣ подражаніе Христу, тѣлесными и душевными добродѣтелями, ради Котораго я названъ христіаниномъ, и обѣщаніе ипоческаго образа? Если ты, можетъ быть, будешь оправдываться тѣлесною немощью, то гдѣ вѣра, возлагающая всякое попеченіе на Бога, которою ты могла бы и горы переставлять, если бы пріобрѣла ее въ горчичное зерно (Матѣ. 17, 20). Гдѣ совершенное покаяніе, удаляющееся отъ всякаго лукаваго дѣла и слова? Гдѣ сокрушеніе души и совершеннѣйшій плачъ? Кротость, милосердіе, чистота сердца отъ лукавыхъ помысловъ? Всеобъемлющее воздержаніе, удерживающее всякій членъ тѣла, всякую мысль и пожеланіе, за исключеніемъ нужнаго только употребленія ко спасенію души или жизни тѣла? Гдѣ терпѣніе, переносящее много-различныя скорби, ради Царства небеснаго? Гдѣ благодареніе за все, непрестанная молитва, попече-

піе о смерти, слезы сѣтованія, если ты еще не достигла слезъ любви? Гдѣ мудрость по Богу, охраняющая душу отъ сѣтей враговъ и противниковъ? Гдѣ цѣломудріе, удаляющееся отъ всего, не по Богу совершаемаго или произвольно помышляемаго? Гдѣ мужество, переносящее терпѣливо все злое и дерзновенное противъ враговъ—ради надежды? Гдѣ правда, отдающая каждому должное¹⁾? Смиреномудріе, знающее свою немощь и неразуміе и Божіе чело-вѣколюбіе, которыя (смиреномудріемъ) ты могла бы избавитися отъ всѣхъ козней вражескихъ? Гдѣ безстрастіе и совершенная любовь? Миръ, превосходящій всякъ умъ (Филип. 4, 7), ради котораго я былъ бы нареченъ сыномъ Божиимъ? Все это и безъ тѣлесной крѣпости желающій можетъ имѣть, ради одного произволенія. Что я скажу на это? Что буду дѣлать окаянный, когда вдругъ нападетъ на меня страхъ ради неизвѣщенія, поелику я совершенно нерадѣлъ о томъ, что долженъ былъ, по возможности исполнять, то буду въ адѣ, какъ говоритъ Великій Аѳанасій. Горе крайней моей бѣдности! Что я самъ себѣ нанесъ, не только тѣмъ, въ чемъ согрѣшилъ, но еще болѣе тѣмъ, въ чемъ не захотѣлъ покаяться. Если бы я раскаялся, какъ блудный сынъ, то чадолюбивый Отецъ принялъ бы мое обращеніе, и если

¹⁾ Тѣ ієωω равнос.

бы я сдѣлался благоразумнымъ, какъ мытарь, осуждая только себя самого, а не иного кого либо, то и я получилъ бы отъ Бога прощеніе грѣховъ: особенно если бы помолился отъ всей души, какъ мытарь. А теперь вовсе не такимъ себя вижу, потому и страшусь пребыванія съ демонами въ адѣ и будущаго суда. Ибо тамъ—рѣка огненная, престолы и книги открыты: ангелы предшествуютъ и все естество живущихъ предстоитъ; все облачено и явно предъ страшнымъ и праведнымъ Судією.

Увы мнѣ! какъ я перенесу обличеніе и нетодованіе страшнаго и неподкупнаго Судіи; стеченіе безчисленнаго множества ангеловъ, требованіе отчета, со страшною угрозою, приговоръ неизмѣнный, непрестанный плачъ, бесполезныя слезы, неосвѣщаемую тьму, червь неусыпающій, неугасимый огонь и многообразныя муки, отпаденіе отъ Царства и разлученіе со святыми, удаленіе отъ ангеловъ, отчужденіе отъ Бога, лишеніе надежды, вѣчную смерть, страхъ, болѣзнь, печаль и стыдъ, угрызеніе совѣсти. Увы мнѣ грѣшному! Что я пострадалъ! Зачѣмъ такъ страшно погибаю? Еще имѣю время для покаянія. Владыка призываетъ меня, а я откладываю! Доколѣ душа моя пребываетъ въ согрѣшеніяхъ, доколѣ откладываешь покаяніе? Приведи себѣ на умъ будущій судъ, воззови ко Христу Богу: Сердцевѣдец! согрѣшилъ я, прежде нежели осудишь меня, помилуй

меня! Въ страшное пришествіе Твое, Христе, да не услышимъ *не вѣмъ васъ* (Луки 13, 25), ибо упованіе возложили мы на Тебя, Спаситель, хотя и не сохранили Твоихъ повелѣній, по перадѣнію нашему, но молимъ: помилуй души наши! Увы мнѣ, Господи, я опечалилъ Тебя и не почувствовалъ того; но вотъ, благодать Твоя дала мнѣ немного почувствовать; потому и недоумѣваю, окаянный. Востренетала бѣдная душа моя! Проживу ли я еще немного, чтобы горько оплакать и омыть оскверненное тѣло мое и душу? Или опять, поплачу одинъ часъ и тотчасъ же перестану, съ безчувствіемъ, какъ и всегда? Что мнѣ дѣлать, чтобы пріобрѣсти непрестанное болѣзнованіе души? Буду ли поститься и бодрствовать? но безъ смиренія не получу пользы. Буду ли пѣть одними устами или читать? но страсти помрачили мой умъ и не могу понимать силы произносимаго. Буду ли повергаться предъ Тобою, Податель благъ, но не имѣю дерзновенія. Отчаянна жизнь моя! Погибла душа моя! Господи! помоги мнѣ и прими меня, какъ мытаря. Подобно блудному сыну согрѣшилъ я на небо и предъ Тобою, и какъ блудница, плакавшая, о которой сказано. Отчаянная по жизни и извѣстная по нраву, носящая муро, приступила къ Тебѣ взывающи: не отвергни меня блудную, Родившійся отъ Дѣвы; не презри моихъ слезъ—Радость ангеловъ; но прими меня кающуюся, которую не отринуть,

Ты, Господи, согрѣшавшую, ради великой Твоей милости! И я, бѣдный, отчаянный ради многихъ грѣховъ моихъ и познанный Тобою, по неизреченному челоуѣколюбію Твоему и неизмѣримой пучинѣ щедротъ Твоихъ, въ которую ввергаю отчаяніе души моей, осмѣливаюсь собирать умъ въ святое памятованіе о Тебѣ и воставъ, хотя одну молитву совершу, со страхомъ и трепетомъ многимъ, чтобы сподобиться и мнѣ недостойному быть рабомъ Твоимъ и, по благодати, имѣть умъ безвиднымъ, невообразительнымъ, необразовиднымъ и невестественнымъ, и предъ Тобою единымъ Богомъ и Творцемъ всяческихъ повергаться, какъ нѣкогда Даниилъ предъ ангеломъ Твоимъ, на колѣни и длани рукъ (Дан. 8, 17), и приносить Тебѣ: сперва благодареніе, потомъ исповѣданіе. И такъ начинаю молить о всесвятой волѣ Твоей, я окаянный, принося Тебѣ благодареніе за все блага, которыхъ сподобилъ Ты меня—персть, прахъ и пепель! И что сподобился я, весь земной, однимъ умомъ предстать Тебѣ и, какъ видимый Тобою, отъ всей души взываю и говорю: Владыко многомилостивый! благодарю Тебя, прославляю Тебя, воспѣваю Тебя и поклоняюсь Тебѣ, что сподобилъ меня недостойнаго въ часъ сей благодарить Тебя и всячески услышать о нѣкоторыхъ чудесахъ Твоихъ и благодѣяніяхъ, которыя Ты совершилъ и совершаешь ради насъ, по благодати: душевныхъ и тѣлесныхъ, безконечныхъ

и неизслѣдимыхъ, явныхъ и неявныхъ, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ намъ. Исповѣдаю благодать. Не скрываю благодареній. Проповѣдую Твои милости. *Исповѣмся Тебѣ, Господи, всѣмъ сердцемъ моимъ и прославлю имя Твое во вѣки, яко милость Твоя велика на мнѣ* (Пс. 85, 12, 13), и неизреченно снисхожденіе и долготерпѣніе Твое ко множеству беззаконій и согрѣшеній моихъ, нечестій и лукавствъ, которыя я сдѣлалъ и дѣлаю, и еще бы сдѣлалъ, если бы благодать Твоя не избавила меня отъ нихъ,—въ вѣдѣніи и невѣдѣніи, словомъ и дѣломъ и помышленіемъ, которыя Ты знаешь, Сердцевѣдецъ, Господи, отъ рожденія моего, до конца жизни моей, въ которыхъ осмѣливаюсь, я всебѣднѣйшій, принести Тебѣ исповѣданіе. Согрѣшилъ я, беззаконничалъ, нечестиво поступалъ и лукавое дѣлалъ предъ Тобою и недостойно взирать на высоту небесную и видѣть ея; но, упова¹⁾ на неизреченное Твое человеколюбіе и превысшую ума благодать Твою и милосердіе—повергаясь предъ Тобою, умоляю Тебя: *помилуй мя, Господи, яко немощенъ есмь* (Пс. 6, 3), прости мнѣ множество злыхъ дѣлъ моихъ, не попусти мнѣ еще согрѣшать или заблуждаться съ праваго пути Твоего, ни—оскорбить или опечалить кого либо; но обуздай во мнѣ всякое зло и лукавую привычку и неразум-

¹⁾ θαρρώ въ слав. дерзая.

ное стремленіе души и тѣла, и раздражительности и вожделѣнія, и научи меня исполнять волю Твою. Помилуй братію и отцевъ моихъ и всѣхъ повсюду: монаховъ и священниковъ, родителей моихъ, братьевъ и родственниковъ, служащихъ намъ и служившихъ, молящихся о насъ и заповѣдавшихъ намъ молиться о нихъ, ненавидящихъ и любящихъ насъ, которыхъ я оскорбилъ или которымъ сдѣлалъ вредъ, и всѣхъ когда либо поступившихъ такъ со мною, или имѣющихъ поступить, и всѣхъ вѣрующихъ въ Тебя. И прости намъ всякое согрѣшеніе произвольное и невольное; соблюди нашу жизнь и неходи изъ этого міра отъ нечистыхъ духовъ и отъ всякаго искушенія, и всякаго грѣха и лукавства, самомнѣнія и отчаянія, невѣрія и безумія, возпошенія и боязни, обольщенія, мучительства, ограденія и сѣти діавольской. И даруй полезное душамъ нашимъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ и въ будущемъ, какъ благоволишь Твое человеколюбіе. Упокой прежде отшедшихъ отцевъ и братій нашихъ. И молитвами всѣхъ ущебри мою бѣдность, умилосердись надо мною погибающимъ. Возри на мое безсиліе¹⁾ во всемъ; исправь мой образъ жизни, управь жизнь мою и конецъ ея въ мирѣ, и сдѣлай меня такимъ, какимъ Ты желаешь, и какъ Ты желаешь; хочу ли я того или не хочу,

¹⁾ Τῆς κατὰ φύσιν.

только да не буду отлученъ отъ стоянія одесную Тебя въ день судный, Господи Іисусе Христе, Боже мой, хотя я и послѣдній изъ всѣхъ спасающихся рабовъ Твоихъ; и умиротвори міръ Твой и помилуй всѣхъ какъ знаешь. Сподоби меня и причащенія пречистаго тѣла Твоего и честной крови Твоей, во оставленіе грѣховъ, въ приобщеніе Св. Духа, въ залогъ жизни вѣчной въ Тебѣ со избранными Твоими, молитвами всепречистой Твоей Матери, святыхъ и небесныхъ Силъ Твоихъ и всѣхъ Твоихъ святыхъ, ибо благословенъ Ты во вѣки вѣковъ. Аминь.

Пресвятая Владычица Богородица, всѣ небесныя Силы святыхъ ангеловъ и архангеловъ и всѣ святые, молитѣ Бога о мнѣ грѣшномъ!

Владыко, Боже, Отче Вседержителю, Сыне Единородный Іисусе Христе и Святый Душе и проч.

И тотчасъ говоритъ къ своимъ помысламъ: Приидите поклонимся и припадемъ Царевѣ нашему Богу: трижды, и начинаетъ читать псалмы, произнося на каждый антифонъ Трисвятое, и заключая умъ въ произносимомъ. По окончаніи же: Господи, помилуй,—сорокъ разъ. При каждомъ антифонѣ, совершая молитву, говоритъ внутренно, съ поклономъ: согрѣшилъ я, Господи, прости меня! Одинъ разъ. Потомъ вставъ и воздѣвая руки: Боже, очисти меня грѣшного! Одинъ разъ. И когда помолится, долженъ произносить вторую молитву: Приидите поклонимся: три-

ды и другой антифонъ, такимъ же образомъ. Но когда благодать умиляетъ сердце его, тогда должно ему имѣть умъ наиболѣе въ помысленіяхъ, приносящихъ умиленіе, хотя и уста перестанутъ пѣть, и мысль будетъ плѣнена благимъ плѣненіемъ, какъ говоритъ св. Псаакъ, ибо тогда настаетъ время собирать (плоды), а не садить: посему должно останавливаться на такихъ помысленіяхъ, чтобы болѣе умилилось сердце и дало плодъ, т. е. слезы по Богѣ. Если ты, говоритъ Лѣствицникъ, въ какомъ либо словѣ молитвы почувствуешь умиленіе, то остановись на немъ, и пребывай въ немъ¹⁾. Ибо всякое дѣйствіе тѣлесное, постъ, говорю, и бдѣніе, пѣніе и чтеніе, безмолвіе и прочее совершается для очищенія ума; умъ же безъ плача не можетъ очиститься, чтобы соединяться съ Богомъ чистою молитвою, отвлекающею его отъ всѣхъ помысленій и дѣлающею его безвиднымъ и невообразительнымъ. Но все это хорошее (само по себѣ) бываетъ (истинно) хорошимъ, когда хорошо исполняется, какъ и на оборотъ. И всякое дѣло, для того, чтобы быть хорошимъ требуетъ разсужденія, и безъ разсужденія мы не познаемъ естества вещей. (Такъ) можетъ быть многіе изъ насъ соблазняются, видя разногласіе въ сказанномъ и сдѣланномъ Святými Отцами: т. е. Церковь приняла пѣть тропари

¹⁾ См. Лѣствицу Слово 28-е § 11. Изд. 1862 г.

со многими пѣснями и припѣвами, .Іѣсвичникъ же, восхваляя плачущихъ по Богу, говоритъ, что таковыя не воспоютъ и не воскликнутъ въ пѣсняхъ. И св. Исаакъ о чисто молящихся говоритъ: перѣдко бываетъ, что человѣкъ собираетъ умъ свой въ молитвѣ и тотчасъ падаетъ безъ понужденія на землю, на колѣни, какъ нѣкогда пророкъ Данилъ, и руки его бываютъ простерты, глаза его устремлены на крестъ Христовъ, а помыслы измѣняются и члены его разслабѣваютъ отъ новыхъ помышлений, самодвижно приходящихъ на умъ! И еще подобно сему многіе изъ Святыхъ Отцевъ пишутъ о нѣкоторыхъ таковыхъ, что они не только пѣсни и псалмопѣнія превзошли восторгомъ ума, но и самый умъ забывали, какъ говоритъ св. Нилъ. Церковь хорошо и богоугодно приняла пѣсни и прочіе тропари, ради немощи ума нашего, чтобы мы, привлекаемые сладостію пѣснопѣнія, какъ бы нехотя воспѣвали Бога — неразумные. А имѣющіе познаніе отъ вниканія умомъ въ произносимыя слова приходятъ въ умиленіе и, какъ по лѣстницѣ, восходятъ въ благія мысли, по слову Дамаскина. И насколько мы преуспѣваемъ въ навыкѣ мыслей по Богу, настолько Божественное желаніе влечетъ насъ достигнуть разумѣнія и поклоненія Отцу *духомъ и истинною* (Іоан. 4, 24), какъ сказалъ Господь. И по слову Апостола: *явѣ словесъ хочу умоумъ глаголати, нежели тмы языкомъ* (1 Кор.

14, 19). И еще: *хочу да молитвы творящъ мужіе на всякомъ лѣстѣ, возносяще прендобныя руки, безъ гнѣва и размыслиенія* (1 Тим. 2, 8). Итакъ одно служить врачевствомъ немощи, а другое (есть дѣло) совершенства ума. Вотъ разрѣшеніе таковыхъ изысканій. Ибо все хорошо въ свое время; не во время же — все кажется несогласнымъ для незнающихъ времени каждой вещи, по слову Соломона: *время всякой вещи* (Еккл. 3, 1). Однако когда кто-либо достигнетъ благихъ мыслей, то долженъ быть строго внимательнымъ, чтобы вѣдѣнія сіи оставались въ немъ, и не лишился онъ благодати, за нерадѣніе, или за возношеніе, какъ говоритъ св. Исаакъ. Если въ душѣ человѣка умножаются мысли по Богу и приводятъ его къ умиленію и большому смиренію, то онъ долженъ всегда благодарить и исповѣдывать благодать Божію, что сподобился такового познанія, почитая себя самого недостойнымъ; если же (такія помышленія) прекратятся и мысль ¹⁾ снова помрачается и теряетъ страхъ и печаль, то много надобно сѣтовать и смирять себя словомъ и дѣломъ, какъ оставленному благодатию, для того, чтобы позналъ немощь свою, приобрѣлъ смиреніе и постарался объ исправленіи себя, какъ говоритъ Великій Василій: Ибо если бы не вознерадѣлъ о плачѣ по Богу, то не ли-

¹⁾ ἡ διάνοια мыслительная сила.

шился бы слезъ, когда бы пожелалъ ихъ. Потому и должно намъ всегда познавать свою немощь и благодать Божию; и не отчаяваться, если что-либо случится съ нами, но и отнюдь не быть дерзновенными, думая, что мы значимъ что-либо, но болѣе уповать всегда на Бога, со смиреніемъ. И это прилично много плащущему слезъ словомъ и дѣломъ, ибо онъ удостоился таковой благодати и не сохранилъ предвѣдѣнія ¹⁾ Божія, бывшимъ, настоящимъ или будущимъ нерадѣніемъ или возношеніемъ, какъ было сказано. А произвольно оставившему такіа дарованія, т. е. плачь, слезы и свѣтосіяющія мысли, что прилично, какъ не одно только—горе! Поелику во всемъ мірѣ нѣтъ безумнѣе такого человѣка: сподобившись того, что уже за предѣлами естества, и будучи въ состояніи достигнуть чрезъ это, по благодати, превыше естественнаго, слезъ, говорю, разума ²⁾ и любви, чрезъ какія-либо ничтожныя вещи или странные помыслы и собственные пожеланія, онъ возвращается къ скотскому неразумію, какъ *несъ на свою блевотину* (2 Петр. 2, 22). Однако если пожелаетъ снова *упраздниться* по Богу, въ чтеніи Божественныхъ Писаній, со вниманіемъ и попеченіемъ о смерти, и будетъ въ молитвѣ, сколько возможно, сохранять умъ отъ сует-

¹⁾ ἐκ ἐφύλαξε τὴν πρόνοιαν τῆ θεοῦ.

²⁾ τῆς συνέσεως.

ныхъ помысловъ, то найдетъ потерянное. Особенно же если никогда ни на кого не огорчается, хотя бы и величайшее зло ¹⁾ многократно отъ него потерпѣлъ и никому не попускаетъ огорчаться на себя, но всею сплюю старается утрачивать его словомъ и дѣломъ: тогда особенно, наиболѣе веселится умъ, избавляемый отъ смущенія раздражительности. И дѣлается опытнымъ,—чтобы никогда не предаваться нерадѣнію о душѣ своей, боясь снова быть оставленнымъ, и ради страха пребываетъ безъ паденій, имѣя всегда слезы покаянія и плача, доколѣ не будетъ возведенъ въ слезы любви и радости, чрезъ которыя придетъ, благодатию Христовою, въ миръ помысловъ. И это все (происходитъ) такимъ образомъ. А мы, еще страстные и жестокосердые ²⁾ должны всегда поучаться въ словахъ плача и испытывать себя ежедневно: прежде установленнаго правила (молитвеннаго) и среди его, и по окончаніи. Или работая, будучи еще немощны для праздности о Богѣ и упраздненія отъ всего, какъ говоритъ св. Исаакъ, или праздные, для одного только этого сидяще, имѣя очи недремлющія и трезвящуюся мысль, какъ говоритъ Лѣтвичникъ: смотри, какой будетъ успѣхъ твой, чтобы сокрушилась душа твоя и начала про-

¹⁾ μέγιστα δεινὰ.

²⁾ βαρο—καρδία: Въ слав. тяжкосердѣніи.

ливать слезы, какъ говоритъ св. Доротея. Все это сказано нами о преждеупомянутомъ въ трехъ вѣдѣніяхъ, для того, чтобы мы удостоились достигнуть прочихъ вѣдѣній, изъ которыхъ четвертое.—

О четвертомъ вѣдѣніи.

Оно есть пониманіе ¹⁾ спусхожденія сладчайшаго Спасителя нашего Іисуса Христа и пребыванія Его въ этомъ мірѣ. (Размышляя о семъ) мы скоро забываемъ и самую пищу, какъ говоритъ Великій Василий; и какъ мы слышали о блаженномъ Давидѣ, что онъ забывалъ *снѣсти хлѣбъ свой* (Пс. 101, 5), когда мысль его, какъ говоритъ Мѣстичникъ, восхищалась къ чудесамъ Божиимъ, въ великомъ восторгѣ и недоумѣніи о воздаяніи, по слову небоявленнаго Василія. Что воздадимъ мы Господу за все, что Онъ воздалъ намъ? Ради насъ—Богъ среди людей. Ради истлѣвшаго естества—*Слово плоть бысть и вселися въ ны* (Іоан. 1, 14). Благодаритель—къ неблагодарнымъ. Избавитель—къ плѣненнымъ; къ сидящимъ во тмѣ—Солнце правды; на крестѣ—Безстрастный; во адѣ—Свѣтъ; въ смерти—Жизнь; воскресеніе—ради падшихъ. Воззовемъ къ Нему: Боже нашъ, слава Тебѣ! И Іоаннъ Дамаскинъ (говоритъ): ужаснулось о семъ небо и удивилась концы земли—Богъ явился лю-

¹⁾ *κατανοήσις*, въ слав. уразумѣніе.

дымъ тѣлесно и чрево Твое сдѣлалось пространнѣйшимъ небесъ: потому Тебя, Богородица, чины ангеловъ и людей величаютъ. И еще: утрашился всякій слухъ неизреченнаго спусхожденія Божіаго. Вышній добровольно снизшелъ даже до плоти и пѣзь Дѣвическаго чрева сдѣлался человѣкомъ, потому Пречистую Богородицу вѣрные возвеличимъ! Приидите, покоритесь мнѣ народы, взойдемъ на святую, превышую небесъ гору, невещественно станемъ во градѣ Бога живаго и увидимъ умомъ невещественное Божество Отца и Духа, во единомъ Сынѣ блистающее. Ты уладилъ меня любовію, Христе, и измѣнилъ меня Божественнымъ стремленіемъ къ Тебѣ, но попали невещественнымъ огнемъ грѣхи мои и удостои насытиться наслажденіемъ въ Тебѣ, чтобы, ликуя, возвеличилъ я два пришествія Твои, Благій!—Весь Ты, Спаситель, сладость, весь желаніе и любовь, по истинѣ непасыщаемая, весь—красота неизреченная!

Получившій, чрезъ тѣлесныя и душевныя добродѣтели, познаніе таковыхъ (ощущеній) и таинъ, сокровенныхъ въ словахъ святыхъ мужей и Божественныхъ Писаніяхъ, особенно же въ Святыхъ Евангеліяхъ, не перестаетъ уже сильно любить Бога и проливать многія слезы, всегда текуція безъ понужденія. А мы, только слышащіе о семъ изъ Писаній, должны всегда упражняться и поучаться, чтобы чрезъ долгое время впечатлѣлась въ сердцѣ нашемъ силь-

ная любовь къ Богу, какъ говоритъ св. Максимъ, и какъ дѣлали Отцы, прежде полученія ими самодѣйствующаго познанія. Все желаніе мучениковъ было простерто къ одному только Владыкѣ и, любовію соединяемое съ Нимъ, воспѣвало Его. И какъ Дамаскинъ сказалъ о трехъ Отрокахъ: за законы отеческіе блаженные юноши въ Вавилонѣ, въ виду опасности, презрѣли безумное повелѣніе властителя и, вверженные въ огонь, которымъ не опалились, пѣли пѣснь, достойную Вседержителя. И справедливо! Ибо когда кто либо чувствомъ познаетъ чудеса Божіи, то весь приходитъ въ восторгъ, и отъ уразумѣнія Божественныхъ Писаній, забываетъ и самую временную жизнь, какъ говоритъ св. Исаакъ. А не такъ какъ мы, которые можетъ быть и приходимъ нѣсколько въ умиленіе отъ (чтенія) Писаній, но по лѣности, забвенію и неразумію снова помрачаемся, и бываемъ безчувственны отъ страстей. Но очистившій себя отъ нихъ плачемъ познаетъ тайнства, сокровенныя во всѣхъ Писаніяхъ, и отъ всѣхъ приходитъ въ восторгъ; особенно же отъ Святаго Евангелія, отъ дѣлъ и словъ (въ немъ изображенныхъ). Какъ премудрость Божія неудобное сдѣлала удобнымъ, и мало по малу дѣлаетъ человека богомъ: благимъ, могущимъ любить и враговъ (Матѹ. 5, 44); милосердымъ, какъ Отецъ Небесный милосердъ (Лук. 6, 36); безстрастнымъ, какъ безстрастенъ Богъ, имѣющимъ всякую

добродѣтель и совершеннымъ, *якоже Отецъ совершенъ есть* (Матѹ. 5, 48). И просто: священная книга эта научаетъ человека тому, что прилично Богу, дабы сдѣлать и его богомъ, по сыноположенію. И кто не удивится дѣйствию Святаго Евангелія, что оно, ради одного только произволенія, даруетъ совершенный покой и въ настоящемъ и въ будущемъ вѣкѣ, съ большою честію, какъ говоритъ Господь: *смиряяй себе вознесетъся* (Ев. Луки 18, 14). И свидѣтелемъ сему Петръ, оставившій сѣти и получившій ключи Небесъ, и другіе апостолы, оставившіе—каждый то небольшое, что имѣлъ, и покорившіе¹⁾ весь міръ въ нынѣшнемъ вѣкѣ, а въ будущемъ (получившіе блага) *иже око не видѣтъ и ухо не слышитъ, и на сердце человеку не взыскаши* (1 Кор. 2, 9). И это совершилось не на однихъ только апостолахъ, но и донныѣ совершается на имѣющихъ произволеніе, какъ говоритъ пѣкто изъ Отцевъ, что хотя они и трудились въ пустынѣ, но имѣли большой покой, разумѣя подъ этимъ жизнь, чуждую смущеній и заботъ.

Да и кто, кажется, имѣетъ болѣе покой и честь: тотъ ли кто *утраждаетъ* о Богѣ и дѣлаетъ свое дѣло, или тотъ, кто пребываетъ въ смущеніяхъ, судахъ и житейскихъ заботахъ? Тотъ ли кто всегда бесѣдуетъ съ Богомъ, поученіемъ въ Божественныхъ

¹⁾ ὁπὸ χεῖρας ἑλαβον. Подъ руки получившіе.

Писаніяхъ, неразвлекаемою молитвою и слезами, или трудящейся и бодрствующей въ воровствѣ и беззаконныхъ дѣлахъ, не успѣвъ въ которыхъ, имѣетъ одинъ только трудъ, а можетъ быть и двоякую смерть. Вотъ, и смерть переносимъ мы съ большимъ трудомъ и безчестіемъ,—безъ приобрѣтенія! А иные и величайшій вредъ многократно терпѣли—ради душевной гибели. Разбойники, говорю, и потопляющіе въ морѣ, блудники и буйные, которые не захотѣли спасенія съ покоемъ, честію и приобрѣтеніемъ. Но, о ослѣпленіе! ради гибели тершимъ смерть, а ради спасенія не любимъ и жизни. Если же бы и смерть предстояла намъ ради Царства Небеснаго, то (рѣшаясь на нее), что мы дѣлаемъ болѣе разбойника, гробоконателя или воина, которые, ради одного только хлѣба, часто подвергаютъ себя смерти и въ будущемъ и въ настоящемъ вѣкѣ? Развѣ тѣмъ только (превосходимъ ихъ) что намѣреніе наше первое—ради Христа, за что и дается имѣющимъ произволеніе Царство Небесное. Въ настоящемъ вѣкѣ мысленно, тѣмъ, чтобы презирать все (вещественное), имѣть его себѣ рабомъ и царствовать не только надъ вещами, но и надъ собственнымъ тѣломъ,—презрѣніемъ его, и надъ смертію—благимъ дерзновеніемъ вѣры; а въ будущемъ вѣкѣ вѣчно царствовать со Христомъ, вмѣстѣ съ тѣломъ, благодатію общаго воскресенія. Смерть равно постигаетъ и грѣшника и

праведника, но различіе между ними большое. Какъ смертные, оба они умираютъ,—и неудивительно, но одинъ—безъ награды и можетъ быть осужденный, а другой—блаженъ и въ нынѣшнемъ и въ будущемъ вѣкѣ.

Да и великое ли дѣло—оставить имѣнія, которыя и невольно оставляетъ думающій, что имѣетъ ихъ, не только во время смерти, но часто и прежде ея, съ большимъ стыдомъ, трудомъ и прискорбіемъ. Можетъ быть и смерть потерпѣли нѣкоторые изъ имѣній, послѣ безчисленныхъ искушеній богатства, боязни, говорю, заботъ, всегдашней печали и смущенія, добровольныхъ и невольныхъ. Божія ¹⁾ же заповѣди избавляетъ человѣка отъ всего этого и подаетъ ему всякое спокойствіе и безбоязненность, а часто и веселіе невыразимое, особенно же тѣмъ, которые добровольно предпочитаютъ нестяжаніе. Что можетъ быть пріятнѣе для человѣка какъ—сдѣлаться безстрастнымъ, вовсе не подверженнымъ раздражительности или какому либо желанію мірскихъ вещей, но—для многихъ желаемое—считать за ничто, и, будучи превыше всего, жить какъ въ раю, или скорѣе на небѣ, превыше всякой нужды, по безпечительности и *упраздненію о Богѣ*. Ибо когда кто либо переноситъ все постигающее его съ радостію, то, что бы ни слу-

¹⁾ ἡ ἀγία ἐντολή, въ слав. Божія.

чилося съ нимъ, все его успокоиваетъ. И когда онъ любить всѣхъ, то и всѣ любятъ его; и когда презираетъ все—бываетъ превыше всего, не желая имѣть того, о чемъ другой ссорится и печалится, если не достигнетъ, а иногда, и получивъ желаемое, бываетъ, осужденъ. Не желающій же ничего самъ себя, чрезъ заповѣдь, освобождаетъ отъ всего тяжкаго въ нынѣшнемъ и въ будущемъ вѣкѣ. Поелику не желать имѣть что либо, чего не имѣешь,—выше всякаго покоя и богатства; точно также какъ и желать того, чего не имѣешь, есть величайшее мученіе, прежде вѣчной муки, и таковой есть рабъ, хотя бы онъ и считалъ себя царемъ и богатымъ. О какой же тягости говорятъ намъ заповѣди Господни, что мы—жалкіе, не исполняемъ ихъ безкорыстно и съ большимъ усердіемъ?

Кто успѣлъ познать отчасти благодать Святаго Евангелія и предложенное намъ въ немъ,—дѣянія, говорю, и ученія Господни, заповѣди Его и догматы, угрозы и обѣтованія, тотъ знаетъ, какое онъ нашелъ неоскудѣвающее сокровище, хотя и не можетъ объяснить этого какъ должно, ибо небесное неизреченно. Христосъ сокровенъ въ Евангеліи, и желающій найти Его долженъ продать прежде все свое имѣніе и купить Евангеліе, чтобы не только найти Его можетъ быть чтеніемъ, но и принять въ себя подражаніемъ Его жизни въ мірѣ. Ибо ищущему

Христа, говорить святой Максимъ, должно искать Его не внѣ, но внутри себя, то есть быть, по тѣлу и по душѣ, какъ Христосъ,—безгрѣшнымъ, по возможности человѣка, и всею силою хранить свидѣтельство совѣсти, чтобы воцариться вполнѣ надъ собственною волею и побѣдить ее презрѣніемъ, хотя бы въ мірѣ семъ онъ былъ и бѣденъ и безроденъ. Ибо какая польза тому, кто считаетъ себя царемъ, если онъ въ этой жизни бываетъ терзаемъ раздражительностію и вожделѣніемъ, а въ будущей найдетъ вѣчное мученіе, если не захочетъ исполнить заповѣди Божіи. Но о безуміе! Какъ мы не хотимъ за малое и временное получить великія и вѣчныя блага, но благое отвергаемъ, а противнаго желаемъ. Что менѣе чаша холодной воды или подація куска хлѣба или удержанія своего хотѣнія и малаго своего разумѣнія, за которыя ожидаетъ насъ Царство Небесное, благодатию Сказавшаго: *се бо царствіе Божіе внутри васъ есть* (Луки 17, 21.). Недалеко отстоитъ оно, говоритъ Дамаскинъ, и находится не внѣ насъ, но внутри. Только пожелаи побѣдить страсти, и вотъ, ты уже имѣешь его въ себѣ богоугодною жизнію. Если же не желаешь,—не имѣешь ничего; ибо царствомъ Божіимъ, говорятъ Отцы, называется богоугодная жизнь и первое пришествіе Господне и второе. О второмъ уже написано нами въ словахъ плача, первое же познавшій, по благодати, въ чувствѣ ду-

ши, съ великимъ изумленіемъ долженъ говорить: Великъ Ты, Господи, и чудны дѣла Твои и никакое слово недостаточно къ воспѣванію чудесъ Твоихъ! Вотъ, сладчайшій мой Владыка, рабъ Твой стоитъ предъ Тобою безгласенъ и празденъ. Ожидаю отъ Тебя просвѣщенія познанія, ибо Ты, Господи, сказалъ: *безъ Мене не можетъ творити ничесоже* (Іоан. 15, 5.). Ты и научи меня о Тебѣ. Для сего и осмѣлился я сѣсть при пречистыхъ ногахъ Твоихъ, какъ (нѣкогда) сестра друга Твоего Лазаря, чтобы услышать мысленно что либо, хотя и не о Божествѣ Твоемъ непостижимомъ, но о тѣлесномъ пребываніи въ мірѣ, дабы получить и мнѣ хотя малое ощущение того, что изображено въ Святомъ Евангеліи благодати Твоей. Какъ пребывалъ Ты съ нами *кротко и смиренъ сердцемъ*, какъ изрекши пресвятыя уста Твои, чтобы и намъ научиться сему отъ Тебя. И въ какой бѣдности (жилъ) Ты, богатый милостію! Въ произвольномъ трудѣ и жаждѣ,—воду живую Подавшій Самарянкѣ, какъ сказалъ Ты, Господи: *жаждай да грядетъ ко Мнѣ и да пьетъ* (Іоан. 7, 37), ибо Ты—источникъ исцѣленій. И кто можетъ воспѣть Твое пребываніе въ мірѣ? Но поелику Ты сподобилъ меня—землю, прахъ и пепелъ, преступника, самоубійцу, много Тебѣ согрѣшившаго и всегда согрѣшающаго, совершенно уразумѣть нѣчто изъ Твоихъ дѣяній и словъ, то и осмѣлился я спросить Тебя о

нихъ, вѣрою, какъ бы видя Тебя, невидимаго всему творенію. Прости мнѣ дерзновеніе мое! Ты знаешь, Сердцевѣдецъ, Господи, что я не изъ любопытства вопрошаю, но желаю научиться, вѣруя, что если удостоюсь получить отъ Тебя познаніе, какъ и любящіе Тебя, то Ты подашь мнѣ, Человѣкопобецъ, и дѣланіе по силѣ моей, чтобы подражалъ я Твоему пребыванію въ тѣлѣ, ради котораго и назваъ я, по благодати, христіаниномъ. Хотя и никто не можетъ, подобно ученикамъ Твоимъ, терпѣть смерть за враговъ и приобрѣсти Твою и ихъ нищету и добродѣтель, но отчасти (можетъ) каждый изъ насъ, по своему произволению. Если бы кто либо и ежедневно¹⁾ умиралъ за Тебя, то и такъ не освободился бы отъ своего долга. Ибо Ты, Господи, Богъ совершенный и человекъ совершенный безгрѣшно пожилъ въ мірѣ семъ и за всѣхъ все претерпѣлъ, а мы, если и терпимъ можетъ быть что либо, за себя и за свои грѣхи страдаемъ. Кто не изумится разсматривая неизреченное Твое снисхожденіе? Какъ Ты, Богъ непостижимый и всесильный, всесодержащій, сѣдящій на Херувимахъ, называемыхъ полнѣйшею²⁾ премудростію, ради насъ, много Тебя прогнѣвляющихъ отъ начала и издревле³⁾, смириль Себя, такъ что воспринялъ

1) καθ' ἑκάστην, въ слав. всякій часъ.

2) πληθυνομένην, въ слав. обильная.

3) ἀνωθεν, въ слав. свыше.

рожденіе и воспитаніе, гоненіе и метаніе камней, насмѣшки, поруганія, заушенія, біенія, стыдъ и оплеванія. Потомъ крестъ, гвозди, губу, трость, оцетъ и желчь, и—о чемъ недостойнъ я и слышать. Къ тому же пронзили копіемъ и нетлѣнное ребро Твое, изъ котораго источилъ Ты намъ вѣчную жизнь—честную кровь Твою и воду. Воспѣваю Твое рождество и Родившую Тебя, которую сохранилъ Ты Дѣвою и по рождествѣ, какъ прежде рождества. Поклоняюсь Тебѣ въ вертепѣ и въ ясляхъ, новитому пеленами. Прославляю Тебя, удаляющагося въ Египетъ съ Пречистою Дѣвою Матерію Твоею и жившаго въ Назаретѣ, повиновавшагося родителямъ по плоти: мномому отцу Іосифу и истинной Матери. Воспѣваю Тебя, Господи, крестившагося отъ Іоанна въ Іорданѣ, и свидѣтельствовавшаго о Тебѣ Отца и явившаго Тебя Святаго Духа и крещеніе Твое и Крестителя Іоанна пророка и раба Твоего. Прославляю Тебя, постившагося ради насъ, добровольно искушеннаго и побѣдившаго врага, въ тѣлѣ, которое Ты прицѣлъ отъ насъ и даровалъ намъ побѣду надъ врагомъ, неизреченною Твоею премудростію. (Прославляю Тебя) пребывавшаго съ учениками Твоими, очистившаго прокаженныхъ, исцѣлявшаго хромыхъ, и слѣпымъ даровавшаго свѣтъ, глухимъ и нѣмымъ подавшаго даръ слова и слышаніе; благословляющаго хлѣбы и ходящаго по морю, какъ по суху; учащаго народъ о

дѣланійхъ и видѣнійхъ; возвѣщающаго объ Отцѣ и Св. Духѣ и предсказавшаго о будущихъ угрозахъ и обѣтованіяхъ, и о всемъ, служащемъ къ нашему спасенію. Врага же предупреждающаго¹⁾ и совершенно исторгающаго страсти, всепремудрымъ ученіемъ. Простыхъ умудряющаго и коварныхъ дѣлающаго немудрыми безконечною Твоею премудростію; мертвыхъ воскрешающаго неизреченнымъ Твоимъ могуществомъ, и со властію изгоняющаго демоновъ, какъ Бога всяческихъ. И не только Самъ Ты совершалъ это, но и рабамъ Своимъ далъ власть дѣлать еще большее, чтобы мы болѣе удивлялись, какъ сказалъ Ты, Господи. Велика имя Твое, ибо ради Тебя совершаютъ все знаменія²⁾ и Святые Твои.

Владыко, Господи, Іисусе Христе, Сынь и Слово Божіе, сладчайшее имя спасенія нашего. Велика слава Твоя! Велики дѣла Твои, чудны слова Твои и сладчайшія наче меда и сота. Слава Тебѣ, Господи! Слава тебѣ! И кто можетъ воспѣть и прославить Твое спусхожденіе, Твою благодать, силу, премудрость, пребываніе въ мірѣ и ученіе? И какъ естественно и съ удобствомъ святые Твои заповѣди учатъ добродѣтельной жизни, по сказанному Тобою, Господи: *Оставьте и оставится вамъ* (Іук. 6, 37). И еще: *ищите и обрящите; толщите и отверзется вамъ; и елика хотите*

¹⁾ *προκαταλαμβάνοντα*. Впередъ понимающаго.

²⁾ *Τὰ τεράτια*. Въ слав. чудеса.

те да творятъ всѣхъ людей и вы творите иже такожде (Матѳ. 7, 7—8. 12). И кто, получившій ощущеніе Твоихъ заповѣдей и прочихъ изреченій, не удивится, размышляя о безпредѣльной Твоей премудрости, Премудрость Божія! Жизнь всяческихъ, Радость ангеловъ, Неизреченный Свѣтъ, Воскресеніе мертвыхъ, Пастырь добрый, положившій душу за овецъ Своихъ. Воспѣваю Твое преображеніе, распятіе, погребеніе и воскресеніе, вознесеніе и сѣдѣніе одесную Бога Отца, сошествіе Святаго Духа и второе пришествіе Твое съ великою и неистощимою силою и славою. Изнемогаю, Господи мой, предъ чудесами Твоими и въ недоумѣніи хочу прибѣгнуть къ молчанію. Но не знаю, что мнѣ дѣлать. Если умалчиваю, прихожу въ ужасъ; если же осмѣлюсь сказать что либо,—недоумѣю и изумляюсь. Считаю себя недостойнымъ неба и земли и достойнымъ всякаго мученія: не за то одно, въ чемъ согрѣшилъ, но гораздо болѣе за то, чѣмъ былъ благодѣтельствованъ,—неблагодарный и жалкій. Преблагій Господи! Ты наполнилъ душу мою всѣми благами; лишь отчасти позналъ я дѣла Твоя и мысль моя пришла въ изумленіе. Я самъ исчезаю совершенно, и вижу только Твое, Владыко! Но не мое это вѣдѣніе, не мое дѣланіе, а Твоя благодать! Потому и полатаю руку на уста мои, какъ некогда Іовъ, и отъ недоумѣнія, прибѣгаю,—бѣдный, ко Святѣмъ.

Благая Владычица міра! Ты знаешь, что мы грѣшныя не имѣемъ дерзновенія предъ Богомъ, рожденнымъ Тобою, но, въ упованіи на Тебя, рабы Твои повергаемся предъ Владыкою, ибо Ты имѣешь дерзновеніе къ Нему, какъ Сыну Твоему и Богу нашему. Сему и я недостойный вѣрую, и умоляю Тебя, Владычица, да подастся мнѣ чувство дарованій Твоихъ и прочихъ Святыхъ. Какъ вы явили¹⁾ такіа добродѣтели? О Тебѣ же то одно, что Ты родила Сына Божія, свидѣтельствуешь, что Ты превыше всего существующаго; ибо Опъ, вѣдающій все прежде бытія, какъ Творецъ всяческихъ, нашелъ въ Тебѣ мѣсто, достойное Своего вселенія. И никто не можетъ вопрошать о томъ, что касается Тебя, ибо это превышаетъ естества, превышаетъ ума и мысли. По истинѣ Богородицею исповѣдуемъ Тебя, спасенные Тобою, чистая Дѣва, и величаемъ Тебя, вмѣстѣ съ ликами безплотныхъ. Ибо: людямъ невозможно видѣть Бога, на Котораго и чины ангельскіе не смѣютъ взирать, но чрезъ Тебя, Всечистая, явилось людямъ воплощенное Слово, величая Которое, вмѣстѣ съ небесными воинствами, Тебя ублажаемъ. И: какъ назовемъ Тебя, Благодатная? Небомъ, ибо Ты возсіяла Солнце правды, и проч. Богородица! Ты истинная лоза, возрадившая намъ Плодъ жизни,

¹⁾ Ἀποδείξασθε.

Тебѣ молимся: молись, Владычица, со святыми апостолами и всеми Святыми о помилованіи душъ нашихъ, православно Богородицею Тебя исповѣдающихъ, и ублажающихъ Тебя присноблаженную, какъ предрекла Ты, Владычица. Ибо все роды ублажаемъ Тебя, единую Богородицу, честнѣйшую херувимовъ и славнѣйшую безъ сравненія серафимовъ, и проч. Но—не въ силахъ я уразумѣть касающагося до Тебя;—скажу съ удивленіемъ о томъ, что касается прочихъ Святыхъ. Какъ пребывалъ ты въ пустынѣ, Креститель и Предтеча Господень? И какъ назовемъ тебя? Пророкомъ или ангеломъ, апостоломъ или мученикомъ? Ангеломъ, ибо ты жилъ какъ безплотный. Апостоломъ, ибо ты уловилъ народы. Мученикомъ, ибо глава твоя отсѣчена за Христа; молись Ему о спасеніи нашихъ душъ. Соломонъ говоритъ: *память праведнаго съ похвалами* (Притч. 10, 7), тебѣ же, Предтеча, достаточно свидѣтельства Господня, ибо ты истиннѣй показался честнѣйшимъ пророковъ и проч. Святые апостолы и ученики Спасителя! Вы, бывшіе самовидцами тайнъ, проповѣдали о Невидимомъ и Неимѣющемъ начала; говоря: *въ началѣ бы Слово* (Іоан. 1, 1). Вы не были созданы прежде ангеловъ, и не отъ человѣковъ научились, но отъ горней Премудрости, и потому, имѣя дерзновеніе, молитесь о душахъ нашихъ—умоляемъ васъ! Удивляюсь я вашей любви къ Богу, какъ сказано въ древнихъ тро-

паряхъ: Господи, апостолы, чисто возлюбившіе Тебя, на землѣ все почитали соромъ, чтобы Тебя единого пріобрѣсти, и за Тебя предали тѣла свои на раны, потому они и прославлены и молятся о душахъ нашихъ. И какъ вы (св. апостолы), бывши такими же какъ мы людьми, и нося бременное тѣло, такіа явили добродѣтели, что и за убивавшихъ васъ терпѣли смерть. Какъ вы, малые числомъ, (превозмогли весь міръ, и, люди простые, неученные, побѣдили царей и вельможъ)¹⁾ и сдѣлали это—безоружные и обнаженные (отъ всего) и чрезъ то (побѣдили) невидимыхъ демоновъ, будучи бѣдны и подвержены тѣлесной немощи. Какая была это сила, или скорѣе вѣра, чрезъ которую вы получили силу Святаго Духа? Вы и святые мученики, доблественно пострадавшіе и увѣнчанные, молитесь Господу о помилованіи нашихъ душъ. Апостолы, мученики и пророки, святители, прендобные и проч. Кто не изумится, святые мученики, видя добрый подвигъ, которымъ вы подвизались? Какъ вы, будучи въ тѣлѣ, побѣдили безплотнаго врага, исповѣдая Христа и вооружившись крестомъ; потому вы и явились достойно—протопнителями демоновъ и поборающими противниковъ²⁾, молитесь непрестанно о спасеніи душъ нашихъ. Какъ

¹⁾ Словъ, заключенныхъ въ скобкахъ, нѣтъ въ славянскомъ переводѣ.

²⁾ Βαρβάρων ὁπλισμοί.

и прежде васъ бывшіе три Отрока, совершили подвигъ, не въ ожиданіи награды, а изъ любви къ Богу, какъ сами они сказали: если и не избавитъ насъ Богъ, и тогда не отвергнемся Его, какъ не избавляющаго. Удивляюсь я крайнему смиренію вашему, святые три Отрока, какъ вы, будучи среди огня, говорили, что недоумѣете благодарить Бога, и *нисть во время сіе князя, и пророка и вожда* и проч. (Дан. 3, 38), *но душею сокрушенною и духомъ смиреннымъ (да пріяты будемъ)* (ст. 39). Удивляюсь силѣ Божіей, проявившейся на васъ и на пророкѣ Іліи, какъ говоритъ Дамаскинъ: изъ пламени источилъ Ты, Христе, пренеподобнымъ росу и жертву праведнаго попалилъ водою, ибо все творишь Ты, чего только восхощеши. Но что разсмотрю я прежде? Книгу¹⁾ ли Святаго Евангелія или Дѣянія святыхъ апостоловъ, страданія святыхъ мучениковъ или подвиги святыхъ отцовъ, древнихъ или новыхъ, святыхъ мужей и женъ? Жизнь всѣхъ ихъ и слова, или толкованія ихъ и разсужденія? Недоумѣваю и прихожу въ изумленіе.

Но молю Тебя, Человѣколюбецъ, Господи, не поступи, чтобы, за недостойнство мое и неблагодарный нравъ мой, было мнѣ на осужденіе уразумѣніе такихъ таинъ, которыя Ты открылъ Святымъ Твоимъ, а чрезъ нихъ, и мнѣ грѣшному и недостойному

¹⁾ Τὴν ὁρθογραφίαν. Въ слав. писаніе.

рабу Твоему. Ибо вотъ, Владыко, рабъ Твой предъ Тобою празденъ отъ всего и безгласенъ, подобно мертвецу, не осмѣливается иное что либо сказать или безстыдно разсматривать (умомъ), но, по обычаю, повергается предъ Тобою, изъ глубины души взывая и говоря: Владыко многомилостивый, и прочія слова сей молитвы. Другою же молитвою и чтеніемъ псалмовъ должно прилежно заниматься, при храненіи правотъ души и тѣла, чтобы придти въ навыкъ Божественныхъ помышленій и съ глубокимъ чувствомъ уразумѣть всѣ заключающіяся въ Божественныхъ Писаніяхъ тайны и изумительныя дѣла, и, удивляясь дарамъ Божиимъ, достигнуть любви къ единому Богу и готовности съ радостію пострадать за Него, какъ и всѣ Святые: ибо Божественныя Писанія преполнены изумительнаго, какъ говоритъ Соломонъ.

Вмѣстѣ съ прочими чудесами удивляюсь я и силѣ манны Божіей, что она не сохранялась въ томъ же видѣ до другаго дня, но портилась и дѣлалась полною червей (Исх. 16, 20), чтобы невѣрующіе не заботились о завтрашнемъ днѣ, но въ сѣмѣи, находившейся въ Скинии манны всегда сохранялась невредимою. И опять: когда она некласть на огнѣ, не сгорала, а отъ малаго луча солнечнаго таяла, чтобы нещасытные не собирали болѣе необходимо нужнаго. О чудо! Какъ Богъ повсюду совершаетъ спасеніе лю-

дей, по сказанному Господомъ о промыслѣ Божіемъ: *Отецъ Мой до сего дѣлаетъ и Азъ дѣлаю* (Іоан. 5, 17). Кто упражняется въ этомъ о Богѣ, тотъ и научается чувственно—изъ Божественныхъ Писаній и мысленно—промысломъ Божіимъ. Опъ начинаетъ видѣть вещи по естеству, какъ говорятъ Григорій Нисскій и Дамаскинъ, и уже не бываетъ окрадываемъ внѣшнею красотою вещей міра сего: добротою, богатствомъ, проходящею славою и подобными и не обольщается болѣе тѣнью, на нихъ лежащею, какъ обольщаются еще страстные.

О пятомъ познаніи.

По причинѣ сего пятаго знанія, называемаго, по слову пророка *свѣтомъ* (Ис. 11, 2), человекъ познаетъ, какъ сказано было въ концѣ (слова) о блаженствахъ, естество и измѣняемость чувственныхъ твореній, что они изъ земли и снова возвращаются въ землю, по изреченію Екклесіаста: *суета суетъ и всяческая суета* (Еккл. 1, 2). И Дамаскинъ—также: суета все человѣческое, что не пребываетъ по смерти. Не пребываетъ богатство; не сопутствуетъ слава; съ приходомъ смерти это все истребляется. И еще: по истинѣ суета все, а жизнь только тѣнь и сонъ; ибо напрасно смущается всякій земнородный, какъ говоритъ Писаніе, когда міръ пріобрѣтемъ, тогда вселимся въ гробъ, гдѣ—вмѣстѣ—и цари и нищіе!

О шестомъ познаніи.

Когда (подвизающійся) придетъ въ навыкъ безпристрастія, тогда даруется ему шестое познаніе, называемое *крѣпостію* (Ис. 28, 11. Ис. 11, 2) и начинаетъ опъ безстрастно видѣть доброту чувственныхъ тварей. Пбо всѣ помыслы бываютъ трехъ устройствъ: человѣческій, демонскій и ангельскій. Человѣческій помыслъ бываетъ, когда взойдетъ на сердце простая мысль о какомъ либо созданіи, на примѣръ (вспомнитесь) человекъ, золото, или что либо иное, изъ чувственныхъ твореній. Демонскій же помыслъ бываетъ сложный—изъ мысли и страсти. При (мысли о) человекѣ побуждаетъ или къ неразумной дружбѣ, то есть любви къ другу, не ради Бога бывающей, или къ плотскому грѣху, или опять къ безразсудной ненависти, то есть злопамятности или порицанію кого либо. При (мысли о) золотѣ, подобнымъ же образомъ, побуждаетъ къ сребролюбію, или къ похищенію, грабежу, или къ чему либо такому, или къ ненависти и худѣ на дѣла Божіи, чтобы тѣмъ или другимъ привести къ гибели. Но если мы любимъ вещи не въ должной мѣрѣ, и предпочитаемъ любовь къ нимъ любви къ Богу, то ничѣмъ не отличаемся отъ идолослужителей, говоритъ св. Максимъ. И опять, если ненавидимъ ихъ, какъ не весьма хорошія (Быт. 1, 31), прогнѣвляемъ Бога. Ангельскій же помыслъ

есть безстрастное видѣніе вещей, то есть истинное знаніе,—середина, между обѣими стремнинами, охраняющее умъ и отдѣляющее правое намѣреніе отъ окружающихъ его шести сѣтей діавольскихъ. (Шести) говорю, то есть превышенія и униженія, отъ (уклоненія) въ правую сторону, и въ лѣвую, отъ (уклоненія) во внутрь или внѣ праваго намѣренія. Такъ истинное знаніе есть какъ бы средоточіе, находящееся среди упомянутыхъ шести сѣтей, которому ангелы научаютъ земнородныхъ, умертвившихъ себя міру, дабы умъ ихъ былъ безстрастенъ и видѣлъ вещи должнымъ образомъ. Не превышалъ праваго намѣренія возношеніемъ, полагая, что понимаетъ что либо собственною мудростію, но и не унижался неразуміемъ, какъ бы немогущій достигнуть совершенства; не уклонился въ правую сторону отвращеніемъ отъ вещей и ненавистію, и—въ лѣвую—неразумною привязанностію, то есть пристрастіемъ; не остался бы внутри праваго намѣренія совершеннымъ невѣдѣніемъ и лѣностію, и не (вышелъ бы) внѣ его многиспытаніемъ и неразумнымъ стараніемъ отъ пренебреженія и лукавства. Но съ терпѣніемъ и смиренномудріемъ и благою надеждою, да заимствуетъ вѣдѣніе отъ твердой вѣры. Дабы тѣмъ, что онъ отчасти уразумѣлъ, восходитъ къ любви Божіей и чрезъ разумное невѣдѣніе, по недомѣнію, пріобрѣтаетъ смиренномудріе, и постоянною

надеждою и вѣрою достигнуть цѣли некомаго дѣла. (Такой человекъ) ни къ чему отнюдь не питаетъ ненависти, какъ бы къ худому, но и напротивъ, не любитъ неразумно, а разсматриваетъ человека и удивляется, какъ умъ (его) есть безпредѣльный образъ невидимаго Бога, хотя и ограничивается тѣломъ, какъ говоритъ Великій Василій, и какъ достигаетъ онъ крайнихъ предѣловъ того, что имѣетъ образъ, какъ Богъ, промышляющій о мірѣ, ибо умъ преобразуется и начертывается по виду воспринимемаго имъ предмета, когда же сподобится быть въ Богѣ, превышемъ образа и вида, тогда и самъ бываетъ необразенъ и безвиденъ.

Потомъ удивляется, какъ всякую мысль умъ можетъ сохранить, и позднѣйшія помышленія не могутъ измѣнить первыхъ, и опять первыя мысли отнюдь не вредятъ позднѣйшимъ, но мыслительная сила, какъ сокровищница, все содержитъ въ себѣ незабвеннымъ; и умъ, когда пожелаетъ, языкомъ выражаетъ помышляемое, не только новое, но и за долго передъ тѣмъ пріобрѣтенное. И какъ опять слова всегда выходятъ, а умъ остается неоскудѣвающимъ. И еще: разсматривая тѣло, удивляется, какъ глаза, уши и языкъ извнѣ получаютъ пользование, по желанію души, одни свѣтомъ, другіе воздухомъ и никакое чувство не мѣшаетъ другому, и ничего не можетъ сдѣлать помимо намѣренія души.

И какъ бездушное тѣло, повелѣніемъ Божиимъ, соединилось съ умною и словесною душою, которая, какъ говоритъ Дамаскинъ, создана Святымъ Духомъ, чрезъ вдуповеніе; хотя нѣкоторые и не знаютъ этого, полагая, что душа—отъ пресущественнаго Божества, что невозможно. Златоустъ говоритъ: для того, чтобы умъ человѣческій не возмнилъ о себѣ, что онъ есть Богъ, Богъ вложилъ въ него забвеніе и невѣдѣніе, дабы умъ, чрезъ это, приобрѣлъ смиреніе. И еще: Создатель восхотѣлъ естественное смѣшеніе это сдѣлать способнымъ къ раздѣленію; и разумная душа, какъ говоритъ Дѣствичникъ, отходить или горѣ, то есть на небо, или—увы! долу то есть въ адъ, а земное тѣло возвращается въ землю, изъ которой оно взято. И оиатъ: благодатію Спасителя нашего Иисуса Христа, раздѣленное, во второмъ пришествіи Его соединится, чтобы каждый изъ насъ получилъ по дѣламъ своимъ. О чудо! кто, хотя мало ощутивъ сію тайну, не ужаснется? (Господь) оиатъ воздвигаетъ изъ земли человѣка, послѣ столькаго зла, имъ сдѣланнаго, и презрѣнія Его заповѣди и даруетъ ему безсмертіе, которое имѣлъ онъ прежде, но не сохранилъ тогда заповѣдь, сохранявшую его отъ смерти и тлѣнія, возгордился и навлекъ на себя смерть.

Удивляясь всему этому въ человѣкѣ, и многому другому, учимый мысленно дѣйствіемъ ангеловъ, человѣкъ приходитъ въ ужасъ. И оиатъ, видя кра-

соту золота и его употребленіе, удивляется, какъ изъ земли произошло такое (вещество) ради насъ, чтобы немощные (душею) раздавали имѣніе въ милостыню, а непожелавшіе сего, чрезъ искушенія, невольнио получали помощь ко спасенію, если съ благодареніемъ перепосытъ постигающее ихъ: и спасаются и тѣ и другіе. Предпочитающіе же нестяжаніе получаютъ вѣнцы, какъ совершающіе вышеестественное, также какъ и подвижающіеся въ дѣвствѣ, и тлѣнную и земную вещь не предпочитаютъ заповѣди Божіей, но (взирающіе на нее) какъ на твореніе Божіе, потребное для жизни тѣла и спасенія, достойную не ненависти, а воздержанія и любви. И просто: доброту всякой вещи и употребленіе ея безпристрастно видитъ—просвѣщаемый, и любитъ Творца. Разматривая же все, подлежащее чувствамъ, вышнія и нижнія созданія, небо, говорю, солнце, луну, звѣзды, облака, тучи, дожди, снѣгъ, градъ, и какъ, при такой теплотѣ, замерзаетъ вода (въ градѣ), послѣ того, громъ, молнію, вѣтры, воздухъ, перемѣну ихъ, времена, годы, дни, ночи, часы, мгновенія, землю, море, безчисленное множество скотовъ, четвероногихъ животныхъ, звѣрей и пресмыкающихся, многіе роды птицъ, источники и рѣки, безчисленные роды растений и травъ, садовыхъ и дикихъ, видѣтъ во всѣхъ порядокъ, устройство, величіе, доброту, число, соединеніе, согласіе, употребленіе, сходство, много-

различіе, красоту, положеніе, движеніе, цвѣтъ, образы, виды, возвращеніе опять въ то же, пребываніе въ тлѣніи; и просто: приводя себѣ на умъ всѣ чувственные созданія, ужасается, удивляясь Создателю; какъ Онъ однимъ повелѣніемъ вывелъ изъ небытія четыре стихіи: ¹⁾ землю, воду, огонь и воздухъ, и какъ онѣ, противныя одна другой, по премудрости Божіей, не вредятъ другъ другу, и какъ Онъ изъ нихъ все сотворилъ ради насъ, и какъ это мало въ сравненіи со снисхожденіемъ Христовымъ, по Божеслову, и будущими благами. Разсматривая же сокровенную въ твореніяхъ благодать Божию, и премудрость, силу Его и промысль, какъ Самъ Онъ сказалъ (Іову объ искусствахъ (Іов. гл. 38), потому—заключающуюся въ словахъ и писменахъ: какъ чрезъ эти малыя и бездушныя чернила такіа и столькія тайны открылъ Онъ намъ Божественными Писаніями. Удивительно и то, что святые пророки и апостолы со многими трудомъ и любовію къ Богу достигли таковыхъ благъ, а мы научаемся отъ одного чтенія; ибо Писанія, какъ одаренныя словомъ, повѣдаютъ намъ чудесное. И знающій это вѣруетъ, что въ твореніи нѣтъ ничего излишняго или худого; но и то, что бываетъ воля Божіей, Богъ чудесно пре-

¹⁾ Названія стихій нѣтъ въ греч. книгѣ, онѣ заимствованы изъ славянскаго перевода.

творяетъ въ доброе. Такъ паденіе діавола не было (дѣломъ) воли Божіей, но и это обратилось въ пользу спасаемыхъ. Ибо Богъ непускаетъ ему, какъ говоритъ св. Исаакъ, искушать имѣющихъ произволеніе, по силѣ каждаго, чтобы діаволъ былъ постыженъ равноангельными людьми, и побѣжденъ, при содѣйствіи Божіемъ, не только мужами, но и премногими женами, чрезъ терпѣнія и вѣру въ Подвигоположника, отъ Котораго получаютъ они и вѣнцы нетлѣнія, по Его благодати и челоуѣколюбію: ибо Онъ есть побѣдившій и побѣждающій безстыднаго змія и челоуѣкоубійцу.—Получившій дарованіе духовнаго вѣдѣнія знаетъ, что *вся добра зная* (Быт. 1, 31); иной же, имѣющій только начало боговѣдѣнія, долженъ со смиреніемъ знать, что онъ (еще) не знаетъ, говоря о всякомъ дѣлѣ, «не знаю», какъ говоритъ Златоустъ. Ибо онъ сказалъ: если кто скажетъ о высотѣ небесъ, что она такая-то, а я отвѣтилъ бы—«не знаю», то я всячески сказалъ бы истину, хотя онъ и обольщается, думая, что знаетъ то, чего онъ не знаетъ, какъ должно, по слову Апостола (1 Кор. 8, 2.). Потому мы и должны съ твердою вѣрою и вопрошеніемъ опытныхъ принимать догматы Церкви и разсужденія учителей о Божественномъ Писаніи и о чувственныхъ и мысленныхъ созданіяхъ, чтобы, утверждаясь на собственномъ разумѣ, не пасть намъ скоро, какъ говоритъ св. Дорофей. Но во всемъ надобно намъ на-

ходить свое невѣдѣніе, чтобы такимъ образомъ (человѣкъ), ища и не довѣряя своимъ помышлениямъ, возжелать научиться и недоумѣвая, при многомъ знаніи, познать свое невѣдѣніе (неизмѣримо далекое) отъ безконечной премудрости Божіей.— Умъ духовный всячески получаетъ и духовное чувство ¹⁾ когда очиститъ себя Богу, какъ говорятъ Богословъ. Однако при вѣдѣніи, мы должны имѣть и большой страхъ, какъ бы не нашлось и одного лукаваго мнѣнія ²⁾, сокрытаго въ душѣ, которое можетъ погубить ее безъ другаго грѣха, какъ говоритъ Великій Василій. Потому и не должны мы, по лѣности или тщеславному усердію, стремиться къ этому вѣдѣнію прежде времени, но по порядку исполнять заповѣди Христовы и прежде упомянутыя вѣдѣнія, не колеблясь ³⁾. Когда терпѣніемъ и многими слезами страха и плача омоемъ душу свою и достигнемъ того, чтобы видѣть (все) по естеству, и получимъ въ этомъ навыкъ, тогда и въ это вѣдѣніе умъ придетъ самодвижно, мысленно наставляемый ангелами. Если же кто либо будетъ такъ дерзокъ, что прежде перваго захочетъ войти во второе, то пусть онъ знаетъ, что не только не достигнетъ цѣли угожденія Богу, но и воздвигнетъ на себя многія брани, особенно же

¹⁾ Лѣствица Преп. Іоанна Сл. 26 § 22.

²⁾ ἐν ὁρμῇ, въ слав. перев. догматъ.

³⁾ ἀ παρρησίᾳ, въ слав. безъ возношенія.

отъ вѣдѣнія о человѣкѣ, какъ мы слышали о Адамѣ.— Страстнымъ вовсе не полезно совершать дѣла или имѣть помышленія, свойственныя безстрастнымъ, какъ и младенцамъ ни мало не полезна твердая пища, весьма полезная совершеннолѣтнимъ. Съ разсудительностію ¹⁾ надобно желать и уклоняться по (своему) недостойнству: по отчаянію и лѣности не отвращаться благодати, когда она придетъ, но и по дерзости не искать чего либо прежде времени; чтобы, ища преждевременно, какъ говоритъ Лѣствичникъ, того, что приходитъ въ свое время, не лишиться сего и въ должное время ²⁾. Притомъ можетъ быть обольстившись, и не получимъ исправленія, отъ какого либо человѣка или Писанія. Если же кто либо имѣетъ намѣреніе по Богу, и со смиреніемъ и терпѣніемъ постигающихъ его искушеній, ищетъ вещи по недоумѣнію, и можетъ быть обольститься въ этомъ, то Богъ пошлетъ ему вразумленіе ³⁾, и тогда съ большимъ стыдомъ и радостію обращается онъ назадъ, ища пути Отцовъ. Ибо совершаемое ради Бога, а не ради чего либо инаго, говоритъ Лѣствичникъ, вмѣняется намъ во благое, отъ благодати, хотя бы и не совѣмъ было благо ⁴⁾. Если же не такъ, и

¹⁾ μετὰ διακρίσεως, въ слав. разсужденіемъ.

²⁾ λύσις, разрѣшеніе.

³⁾ Сл. 26. § 87.

⁴⁾ Сл. 26. § 118.

(человѣкъ) не имѣеть терпѣнія и многого смиренія, то страдаетъ, какъ уже и пострадали многіе, и погибли чрезъ свое безуміе, довѣряя своимъ разумѣніямъ, и думая, что хорошо идутъ, не имѣя наставника, или опытности, пронесящей отъ терпѣнія и смиренія. Ибо опытность не имѣеть скорби, ни искушенія, а можетъ быть—и брани. Если же и попущено будетъ нѣсколько побороться, то это искушеніе дѣлается для опытнаго причиною многой радости и пользы, ибо оно попускается Богомъ для наученія (большей) опытности и полученія мужества противъ враговъ. Признаками сего суть: слезы и сокрушеніе души предъ Богомъ, и то, чтобы прибѣгать къ безмолвію и къ Богу съ терпѣніемъ, съ трудомъ испытывать Писанія и съ вѣрою желать (достигнуть) цѣли¹⁾ Божіей. Признакомъ же перваго есть: сомнѣніе въ помощи Божіей, стыдъ спрашивать со смиреніемъ, удаленіе отъ безмолвія и чтенія, любовь къ попеченіямъ и бесѣдамъ, съ мыслію въ нихъ найти покой,—что невозможно. (Напротивъ) въ такое время еще болѣе укорепяются страсти, усиливается искушенія и умножается малодушіе, неблагодарность и безпечность отъ многого неразумія. Поэтому что нныя суть искушенія сыновъ, къ ихъ разумленію и обученію, встрѣтившемуся предмету уче-

¹⁾ Τὸν τοῦ θεοῦ σκοπόν. Въ слав. намѣренія Божія.

нія, и нныя—враговъ, къ погибели: особенно же когда кто либо осмѣянь¹⁾ гордостію, ибо *Богъ гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать* (Притч. 3, 34).

Всякая скорбь, соединенная съ терпѣніемъ, хороша и полезна, а безъ терпѣнія есть отвращеніе Божіе и бесполезна, если только кто либо не уврачуеетъ ея смиренномудріемъ; ибо другаго врачевства не существуетъ. Смиренномудрый, когда бываетъ оскорбленъ, порицаетъ и обвиняетъ себя самого, а не другаго кого либо, и потому терпитъ, ища освобожденія²⁾ отъ Бога, и, получивъ его, радуется, и терпитъ съ благодареніемъ, и, приобрѣтя въ этомъ опытность, получаетъ познаніе. Познавая свою немощь и и невѣдѣніе, съ трудомъ ищетъ врача и *ищѣй обратителѣ* (Матѣ. 7, 8) исцѣленіе, какъ сказалъ Самъ Христосъ; и получивъ его—любитъ, любя же, бываетъ болѣе любимъ, и, очищая себя, по возможности, подвизается—приготовить мѣсто Любимому. И Сей, найдя мѣсто, обитаетъ, какъ сказано въ Старчествахъ, и, обитая сохраняетъ домъ Свой, и онъ начинаетъ просвѣщаться. Просвѣщаемый же познаетъ, и, познавая, бываетъ и самъ познаваемъ, какъ говоритъ Дамаскинъ. И такъ эти (дѣланія) и преждеупомяну-

¹⁾ ἐρωαίχηται, въ слав. поруганъ.

²⁾ Τὴν λύσιν, разрѣшенія.

тыя долженъ каждый сохранять по порядку, и, что успѣетъ понять, то долженъ исполнять на дѣлѣ, а чего не успѣетъ постигнуть,—долженъ благодарить съ молчаніемъ, какъ говоритъ святой Исаакъ, чтобы не подумалъ войти безстыдно (въ вѣдѣнія). Ибо тотъ же Святый, заимствовавъ слова отъ Сираха, говоритъ: *егда обрящещи медъ, яждь умеренно, да не како пресыщенъ изблюеши* (Притч. 25, 16). И, какъ говоритъ Богословъ, вѣдѣніе необузданное можетъ быть увлечь и въ стремнины, то есть то, чтобы искать превышающаго мѣру и не хотѣть сказать: «Богъ знаетъ это, а я кто такой? и—вѣровать тому, что Сотворившій горы и великихъ китовъ, утончилъ и жало пчелы, какъ говоритъ Великій Василій.—Достигшій отъ *крѣпости —разума* (Ис. 11, 2), отъ чувственнаго познаетъ мысленное, и отъ временнаго и видимаго—невидимое и вѣчное. И познаетъ, по благодати, о горнихъ Силахъ, и то, что весь міръ недостоинъ и одного праведника. Обрати вниманіе, говоритъ Златоустъ, столькохъ племенъ и народовъ одинъ праведникъ—большій. Ангелъ же всячески большій человека, и одно видѣніе его приводитъ въ полнѣйшій ужасъ¹⁾. И опять, что испыталъ равноангельный Даніилъ, увидѣвъ ангела (Дан. 8, 17).

¹⁾ ἔκστασις, изумленіе, ужасъ.

О седьмомъ познаніи.

Сподобившійся седьмаго познанія удивляется множеству безплотныхъ Силъ, Властей, Престоловъ, Господствъ, Серафимовъ и Херувимовъ,—девяти чиновъ, которые находимъ во всѣхъ Божественныхъ Писаніяхъ. (Удивляется) ихъ естеству, крѣпости и прочимъ благамъ, въ нихъ видимымъ, и Богу, Творцу ихъ, вѣдомымъ. И—какъ они въ порядкѣ предстоятъ (Ему). Но и различныя достоинства имѣютъ горнія воинства, о которыхъ Златоустъ говоритъ, что Господь Саваоѣ значитъ Господь воинствъ, силъ; и какъ они другъ другу преподаютъ просвѣщеніе. Ангелы, говорятъ, просвѣщаютъ насъ людей, а сами получаютъ просвѣщеніе отъ Архангеловъ, тѣ отъ Началь, и такъ каждый чинъ отъ другаго получаетъ просвѣщеніе и познаніе. И опять, какъ человѣческій родъ составляетъ, говорятъ одну овцу, которую не Богъ потерялъ, но она сама себя потеряла, ангелы же—девяносто девять. И разсматриваетъ премудрость Творца и силу, какъ такія множества Онъ сотворилъ единымъ повелѣніемъ. Во первыхъ, говоритъ Богословъ, созерцаетъ ангельскія силы и прочее, и войдя мысленно внутрь храма, то есть за завѣсу, бываетъ невещественъ, какъ говоритъ св. Исаакъ. Внѣшній храмъ прообразовать міръ сей, завѣса же, то есть дверь дома—твердь небесную, а Святая Святыхъ—

превысшее міра, гдѣ безтѣлесные и невещественные непрестанно восиѣвають Бога и молятся Ему о насъ, по словамъ Великаго Аѳанасія. И такъ приходитъ (подвизающійся) въ миръ помысловъ и дѣлается сыномъ Божиимъ, по благодати, познавая тайны, сокрытыя въ Божественныхъ Писаніяхъ, какъ говоритъ Дамаскинъ. Раздралась завѣса Божественнаго храма, въ крестѣ Создателя, являя истину, сокрытую въ Писаніи, вѣрнымъ, восклицавшимъ: благословенъ Богъ отецъ нашихъ! И, какъ говоритъ святой Косма иѳнописецъ. Первый человѣкъ, вкусивъ отъ древа, подвергся тлѣнію, и, бывъ осужденъ на безславное лишеніе жизни, неся въ тѣлѣ своемъ, какъ бы иѣкую язву, сообщилъ сію болѣзнь всему роду, но мы земнородные, обрѣвши избавленіе чрезъ древо креста, будемъ восклицать: благословенъ Ты, препрославленный Отецъ и нашъ Боже (Быт. 3, 19. Рим. 5, 12).

Объ осьмомъ познаніи.

Отъ сего седьмаго познанія возводится (подвизающійся) въ вѣдѣніе о Богѣ, второю и чистою молитвою, прилично перешедшему къ вѣдѣнію, такъ, что въ самомъ устремленіи молитвы, умъ его восхищается Божественною любовію и ничего уже отнюдь не знаетъ изъ этого міра, какъ говорятъ Максимъ и Дамаскинъ. И не только все забываетъ умъ, но и

самого себя, ибо св. Нилъ говоритъ, что если умъ сознаетъ себя, то онъ не въ одномъ только Богѣ, но и въ себѣ самомъ. Тогда, говоритъ св. Максимъ, получаетъ онъ свѣтъ¹⁾ о Богѣ и бываетъ богословомъ, сподобившись пришествія Святаго Духа. Слыша же о Богѣ, да не подумаетъ кто либо, по своему невѣдѣнію, что Самъ Богъ есть то, что мы въ Немъ созерцаемъ, какъ то: благодать, благодать, праведность, освященіе, свѣтъ, огонь, существо, естество, силу, премудрость и подобное, говоритъ Великій Діонисій. Но и не то, что умъ можетъ опредѣлить; ибо Божество безпредѣльно и неописанно, и не о томъ, что въ Немъ богословствуется, но о Немъ, какъ говоритъ Великій Діонисій къ святому Тимофею, приводя свидѣтельство святаго Іеромеея. Справедливѣе же сказать: непостижимъ, неизслѣдимъ, неиспытуетъ и невозможенъ для опредѣленія, какъ превысшій ума и мысли и Себѣ единому вѣдомый, единый Богъ тріипостасный, безначальный, безконечный, преблагій, препѣтый. И говоримое о Немъ изъ Божественнаго Писанія, говорится съ недоумѣніемъ, дабы мы знали, что есть Богъ, а не что есть Богъ; ибо Онъ непостижимъ всему словесному и духовному естеству. Подобно сему и воплощенію Сына Божія и соединенію по уполости, какъ говоритъ св. Кириллъ, должно

¹⁾ ἐμφάνεσις. отраженіе (какъ въ зеркалѣ).

удивляться; и какъ съ Божествомъ Его соединилась, (ὁμοουσία) плоть, по словамъ Великаго Василія, которую Онъ принялъ отъ насъ. Поелику какъ желѣзо соединяется съ огнемъ,—таково и сіе соединеніе, чтобы мы знали единого Христа, въ двухъ естествахъ; какъ говоритъ Дамаскинъ къ Богородицѣ: Единую упростась, но въ двухъ естествахъ, родила Ты Бога воплощеннаго, Которому всеъ поемъ: благословенъ Ты, о Боже!—И опять: Безпредѣльный пребылъ неизмѣннымъ, соединившись съ плотію по упростаси, какъ благоутробный, въ Тебѣ, Пресвятая, Единъ благословенный!

О томъ, что въ Божественныхъ Писаніяхъ нѣтъ разногласія.

И просто: вникая во всякое чтеніе и псалмопѣніе, нѣсколько просвѣщенный (благодатию) вездѣ находитъ вѣдѣніе и богословіе, каждое писаніе,—подтверждаемое другимъ. А у кого умъ еще не просвѣщенъ, тотъ думаетъ, что Божественныя Писанія разногласны между собою; однако нѣтъ сего въ Божественныхъ Писаніяхъ. Никакъ. Но нѣкоторые изъ Божественныхъ Писаній свидѣлствуются другими Писаніями, а нѣкоторые имѣли поводомъ—время или лице, и потому всякое изреченіе Писанія непогрѣшительно. Иной же образъ (пониманіе) есть дѣло нашего невѣдѣнія. И никто не долженъ пори-

цать Писанія, но всею силою соблюдать ихъ въ томъ видѣ, какъ онѣ находятся, а не по своему хотѣнію, какъ дѣлали Еллины и Іудеи. Не хотѣвъ сказать: «не знаю что это», по самомнѣнію и самоутодию, они порицали Писанія и естество вещей, и понимали ихъ, какъ имъ казалось, а не по волѣ Божіей; потому и обольстились и уклонились во все злое. Всякій ищущій смысла Писанія не утверждаетъ никогда своего разумѣнія, ни хорошаго, ни худаго, но, какъ сказали Великій Василій и Златоустъ, Божественное же Писаніе имѣетъ своимъ наставникомъ, а не ученія міра сего: и когда Богъ вложитъ что либо въ чистое сердце, безъ разсматриванія¹⁾, то принимаетъ, если оно подтверждается и свидѣтельствомъ Божественныхъ Писаній, какъ говоритъ Великій Антоній. Мысли, самодвижно приходящія на умъ безмолвствующимъ о Богѣ могутъ быть принимаемы безъ разсматриванія, говоритъ святой Исаакъ. А испытывать и разсматривать (ихъ) кому либо—есть собственная воля и наука²⁾ тѣлесная. Особенно же если, какъ говоритъ Златоустъ, подобно *татю*, кто либо принуждаетъ³⁾ Писаніе къ иносказанію, а не *дверію* смиренномудрія *входитъ, но прелазитъ и нудитъ* (Іоан. 10, 1). Ибо если кто либо искажаетъ смыслъ Писанія, или порицаетъ

¹⁾ σκέψις, въ слав. разсмотрѣніе.

²⁾ ἐπιστήμη.

³⁾ βιάζει, принуждаетъ, гнетъ по своему.

его, для того, чтобы утвердить свое знаніе или скорѣе—невѣдѣніе,—нѣтъ на землѣ безумнѣе такого! Какое это пониманіе—представлять смыслъ Писанія такимъ, какимъ онъ хочетъ, и осмѣливаться измѣнять слова Писанія? Тотъ понимаетъ, кто видитъ изреченія непоколебимыми и, премудростію Духа, обрѣтаетъ сокровенныя тайны, подтверждаемыя Божественными Писаніями. (Таковы были) въ особенности три великія свѣтила: Василій, Златоустъ и Григорій. Они находили подтвержденіе¹⁾ или въ томъ же или въ другомъ изреченіи Писанія. И нечего тутъ сказать, желающему противорѣчить, ибо не извѣсть приводятъ они свидѣтельство, чтобы кто нибудь могъ сказать: это свое разумѣніе, но изъ самаго подлежащаго содержанія, или изъ другаго Писанія, изъясняющаго это. И истиннѣ: ибо отъ Святаго Духа получили они, какъ достойные, и разумѣніе и глаголаніе. И такъ, всякаго дѣла, немѣющаго свидѣтельства,—что оно хорошо, но сомнительно, не должно дѣлать, или снисходить (относительно его) помыслу. Ибо какая надобность—оставлять дѣло, явно доброе и богоугодное, о которомъ есть свидѣтельство, что оно таково, и дѣлать другое, можетъ быть хорошее, а можетъ быть и нѣтъ?—Развѣ только по страсти. И это все такъ.

¹⁾ Τῆς μαρτυρίας.

Раздѣленіе молитвы всѣхъ познаній.

Объ осьми же познаніяхъ должно намъ вѣдать, что въ четырехъ надобно произносить прежденаписанное въ каждомъ изъ нихъ, а въ остальныхъ непрестанно: «Господи помилуй», какъ сказано о святомъ Филимонѣ, и имѣть умъ непрестанно изступающимъ¹⁾—отъ разумнѣй. Таковъ долженъ быть образъ жизни тщательнаго: иногда—имѣть умъ въ видѣнн чувственнаго, иногда въ познаваніи мысленнаго и въ безвидномъ; и опять въ мысли какаго либо Писанія или въ чистой молитвѣ. Тѣло же—иногда въ чтеніи, иногда въ молитвѣ, иногда же въ слезахъ о себѣ самомъ или о другомъ комъ либо, изъ состраданія ради Бога; иногда въ подаваніи помощи кому нибудь, немоществующему душевно или тѣлесно, чтобы всячески, непрестанно исполнять дѣла святыхъ ангеловъ, и отнюдь не заботиться о чемъ либо міра сего. И Богъ, избравшій и отдѣлившій его, дабы сдѣлать его собесѣдникомъ Себѣ, и даровавшій ему такой образъ жизни и безпечительность, Самъ о немъ позаботится и *присматриваетъ* его душевно и тѣлесно. *Возврати, сказано, на Господа печаль твою и Той ты присматриваетъ* (Пс. 54, 23). И па сколько таковой возлагаетъ надежду на Бога, во всемъ касающемся души

¹⁾ ἐξιπτάμενον.

его и тѣла, на столько находитъ Его промышленіе о себѣ, такъ что считаетъ себя ниже всей твари,—отъ многихъ даровъ Божіихъ: явныхъ и неявныхъ, душевныхъ и тѣлесныхъ, и, отъ стыда, какъ великій должникъ, отнюдь не можетъ превозноситься, въ какомъ либо дѣлѣ, въ виду благодѣяній Божіихъ. И на сколько онъ благодаритъ Бога, и подвигается понудить себя изъ любви къ Нему, на столько и Богъ приближается къ нему дарованіями Своими и желаетъ успокоить его и сдѣлать, чтобы онъ предпочиталъ безмолвіе и нестяжаніе всѣмъ царствамъ земнымъ и кромѣ воздаянія въ будущемъ. Ибо и святые мученики страдали, при нанесеніи имъ ранъ отъ враговъ, но сильное желаніе царствія и любовь къ Богу побуждали болѣзнь, и то самое, что они получили силу побуждать враговъ, считали они великимъ утѣшеніемъ и долгомъ,—что сподобились претерпѣть смерть за Христа, такъ что отъ сего многократно дѣлались нечувствительными. Подобно сему и Святые Отцы много понуждали себя въ началѣ, при многообразныхъ подвигахъ и браняхъ, протѣкающихъ отъ лукавства духовъ; но сильное желаніе и надежда безстрастія—побуждали. Ибо послѣ труда, достигшій безстрастія дѣлается безпечительнымъ, какъ побѣдившій страсти. Думаетъ и страстный, что ему хорошо, но это отъ слѣпоты. Одинъ только, такъ называемый, подвижникъ пере-

носитъ трудъ и брань, желая побѣдить страсти и не имѣя на то силы. Ибо такому попускается иногда и быть побѣжденнымъ тѣмъ, съ чѣмъ онъ борется, дабы онъ приобрѣлъ смиреніе, и чрезъ то позналъ свою немощь и крѣпко удалялся вреднаго ему, чтобы забыть прежнюю свою привычку. Ибо если кто либо во первыхъ не удалится отъ развлеченія и не приобрететъ совершеннаго молчанія,—не можетъ достигнуть—имѣть что либо безстрастно или говорить всегда хорошее. И просто: при всякомъ дѣлѣ прилично во первыхъ совершенное удаленіе отъ развлеченія, чтобы не увлечься прежнею привычкою. Однако, никто, слыша о смиренномудріи, безстрастіи и подобномъ, да не думаетъ, по невѣдѣнію, что онъ это имѣетъ; но—долженъ искать въ себѣ и находить признаки каждой (добродѣтели).

О смиренномудріи.

Признаки смиренномудрія сѣи: когда имѣющій всякую добродѣтель, тѣлесную и душевную, считаетъ себя тѣмъ болѣе должникомъ предъ Богомъ, какъ много получившій, по благодати,—будучи недостойнымъ того. И, если случится съ нимъ какое-либо искушеніе, отъ демоновъ или отъ людей, считаетъ себя достойнымъ таковыхъ, и другихъ болѣшихъ, чтобы хотя немного освободиться отъ долга, и получить облегченіе отъ мученій, ожидающихъ

его на судѣ. Если же не терпѣть искушеній, то много скорбѣть и подвизается, нища въ чемъ бы попустить себя, и когда найдетъ это, снова принимаетъ какъ даръ отъ Бога, и смиряется; не находя же, что мотъ бы воздать Благодарителю, всегда трудится, и все болѣе считаетъ себя должникомъ.

О безстрастіи.

Признакомъ же безстрастія есть то, чтобы во всемъ пребывать безъ смущенія и безъ страха, какъ получившему отъ Бога благодать *вся мощи* (Филип. 4, 13), по слову Апостола, и никакой не имѣть заботы о тѣлѣ, но, по мѣрѣ того какъ подвизается, понуждая себя, и достигаетъ въ покой навыка, благодарить (за это Бога) и снова предпринимаетъ иное понужденіе себя, чтобы постоянно быть въ борьбѣ, и побѣждать со смиреніемъ. Въ этомъ и состоитъ преуспѣяніе человѣка: ибо совершаемое безъ понужденія (себя), какъ говоритъ св. Исаакъ,—не суть дѣла, но скорѣе дары. Если же послѣ перваго труда настать покой, то это лишь возмездіе побѣды, тутъ еще не чѣмъ хвалиться¹⁾, ибо не тѣхъ похваляютъ, которые получаютъ воздаяніе, но тѣхъ, которые понуждаютъ себя въ дѣланіи и ничего не получаютъ. И что намъ сказать? На сколько мы что-нибудь дѣ-

¹⁾ καύχη, хвастанье.

лаемъ и сколько благодаримъ Благодарителя, на столько же, и еще гораздо болѣе, мы бываемъ должны Ему. Онъ неоскудѣвающий и ни въ чемъ не имѣющий нужды, а мы безъ Него не можемъ ничего сдѣлать добраго. Сподобившійся воспѣвать Бога самъ болѣе пріобрѣтаетъ, ибо получаетъ великій и досточудный даръ; и сколько воспѣваетъ, на столько болѣе дѣлается должникомъ, и не находитъ конца или пресѣченія—познанію Бога, или благодаренію, или смиренію, или любви;—не отъ вѣка сего сѣи (добродѣтели), чтобы имѣть имъ конецъ. Онѣ принадлежатъ безконечному оному вѣку, не имѣющему конца, но болѣе—возрастаніе вѣдѣній и дарованій, и сподобившійся сего, дѣломъ и словомъ, освобождается отъ вѣсѣхъ страстей. Желаящій достигнуть, этого долженъ пребывать при Богѣ, и отнюдь не заботиться о вѣсѣхъ, и не бояться какого-либо искушенія, ибо чрезъ него возведенъ будетъ къ большому преуспѣянію и на высшую степенъ. Не бояться также сновидѣній злыхъ или какъ бы хорошихъ, ни мысли лукавой или благой, ни печали или какъ бы радости, ни самоуниженія или отчаянія, ни высоты, ни глубины, ни оставленія или какъ бы содѣйствія какого-либо и крѣпости, ни нерадѣнія или преуспѣянія, ни бездѣйствія или какъ бы усердія, или видимаго безстрастія или большаго пристрастія: но соблюдать безмолвную и безпечительную жизнь, со смир-

ніемъ и вѣровать, что никто не можетъ намъ сдѣ-
лать зла, если мы сами не желаемъ, но это попус-
кается¹⁾ только за возношеніе и за то, что не всегда
прибѣгаемъ къ Богу, равно не повергаемъ себя предъ
Нимъ, прося да будетъ во всемъ воля Его, говоря
ко всякому приходящему намъ помыслу: не знаю,
кто ты; Богъ знаетъ, хорошъ ли ты или нѣтъ? А я
въ Его руки повергнулъ себя и повергаю. Онъ пе-
чется о мнѣ. И какъ сотворилъ меня изъ ничего,
такъ благодатию можетъ и спасти меня, если Ему
будетъ угодно: только Его святая воля да будетъ въ
нынѣшнемъ вѣкѣ и будущемъ; какъ Онъ хочетъ и
когда хочетъ, у меня нѣтъ воли. Одно знаю, что я
много согрѣшилъ и много облагодѣтельствованъ, но
еще не благодарю, по возможности своей, Его бла-
гость, дѣломъ или словомъ. При всемъ этомъ Онъ
можетъ и хочетъ всѣхъ спасти, а со всѣми и меня,—
какъ Ему угодно. Почему я, человекъ, знаю такъ
ли хочетъ Онъ чтобы было со мною, или иначе? Я
удалился по страху, чтобы не согрѣшать, и пришелъ
сюда, и ради многихъ²⁾ грѣховъ моихъ и многихъ
немощей, сижу въ келліи празденъ, какъ содержи-
мый въ тюрьмѣ, ожидая приговора Владыки. И если
увидитъ себя празднымъ и погибшимъ,—пусть не

¹⁾ Слово: «но это попускается» нѣтъ въ греч. книгѣ, онъ дополнены по славянскому переводу.

²⁾ «многихъ» нѣтъ въ греч. книгѣ.

боится, ибо придетъ онъ въ сокрушеніе души и въ
прискорбныя¹⁾ слезы, если только не выйдетъ изъ
келліи. И опять, если имѣетъ великое усердіе ко
всякому духовному дѣланію и слезы, пусть не счи-
таетъ этого за радость, но за тайную хитрость и
приготовленіе къ брани. И просто: онъ долженъ быть
превыше²⁾ всякаго и хорошаго и противнаго дѣла,
чтобы пребывать во всемъ безъ смущенія, по силѣ
своей: безмолвствуя и подвизаясь, исполняя то, что
онъ принялъ (отъ другаго), если имѣетъ кого-либо
совѣтникомъ; если же нѣтъ, то Христа долженъ имѣть,
и о всякомъ начинаніи и помыслѣ вопрошать Его
чистою молитвою отъ сердца, со смиреніемъ, и от-
нюдь не быть дерзновеннымъ,—что сдѣлался уже
пекуннымъ монахомъ, пока не встрѣтитъ Христа
въ будущемъ, какъ говорятъ Лѣтвичникъ и авва
Агаѳонъ. И если онъ имѣетъ всецѣлое намѣреніе
угодить Богу, то Богъ Самъ учитъ его волѣ Своей:
или мысленно удостовѣряетъ его, или черезъ какого-
либо человека, или чрезъ Писаніе. И если отсѣкаетъ
ради Его свои хотѣнія, то Богъ Самъ, съ неизречен-
ною радостію, приведетъ его къ достиженію совер-
шенства, безъ его вѣдома. Видя сіе, онъ весьма удив-
ляется, какъ отъсюду начинаетъ вытекать для него

¹⁾ ἐπιπονα. Въ слав. приболѣзненные.

²⁾ ὀφείλει κατὰτρονεῖν, долженъ презирать.

радость и познание, и отъ всякаго дѣла находить онъ пользу, и царствуетъ въ немъ Богъ, какъ въ немѣющемъ своей воли, ибо онъ покоряется Его святой волѣ и бываетъ какъ царь: если подумаетъ о чемъ-либо, безъ труда и готовымъ получаетъ это отъ Бога, объ немъ пекущагося. Это есть вѣра, о которой Господь сказалъ: *иже имате оуру* и проч. (Матѳ. 17, 20), и на этой вѣрѣ назидаются, по слову Апостола, прочія добродѣтели. Потому и врагъ строитъ всякія козни, чтобы человѣкъ удалился отъ безмолвія и впалъ въ развлеченіе, и какимъ-либо образомъ оказался невѣрующимъ, понадѣявшись на свою крѣпость и мудрость, или совершенно или отчасти. Чрезъ это врагъ получаетъ поводъ къ побѣдѣ надъ нимъ и дѣлаетъ его бѣднаго плѣнникомъ. Познавшій сіе, оставляя всякую сладость и всякій покой міра сего, какъ не существующіе, стремится къ безпечительности: или въ повиновеніи, имѣя, вмѣсто Христа, своего паставника и возлагая на него всякое помышленіе, слово и дѣло, чтобы совершенно ничего не имѣть; или въ безмолвіи по твердой вѣрѣ, отъ всего удаляется и вмѣсто всѣхъ имѣетъ Христа, Который бываетъ ему всеѣмъ, какъ говорятъ Златоустъ и Дамаскинъ, въ нынѣшнемъ вѣкѣ и въ будущемъ: питая, одѣвая его, дѣлая радостнымъ, утѣшая, увеселяя, успокоивая, уча, просвѣщая его, и просто: какъ о ученикахъ Своихъ, такъ и о немъ имѣетъ

попеченіе, хотя и не предстоятъ ему такіе же труды, но имѣетъ онъ твердую вѣру, вслѣдствіе которой, не заботится о себѣ, подобно другимъ людямъ. Но страха ради духовъ, какъ нѣкогда апостолы *страха ради Иудейска* (Іоан. 20, 19), сидитъ въ келліи, ожидая своего Учителя, чтобы Онъ, истиннымъ вѣдѣніемъ, то-есть познаниемъ твореній Своихъ, совоздвигнулъ его мысленно отъ страстей, и даровать ему миръ, какъ нѣкогда апостоламъ, при затворенныхъ дверяхъ, говоритъ святой Максимъ.

Наилучшее распознаніе семи тѣлесныхъ дѣланій.

Написанное прежде, въ началѣ слова, о семи дѣланіяхъ тѣлесныхъ и нравственныхъ должно всегда соблюдать, и не уменьшать—недостаткомъ, но и не умножать преувеличеніемъ; исключая того времени, когда бываетъ брань тѣлесная, по молодости, или по избытку силъ, тогда нуженъ большій подвигъ; или опять по немощи, ради которой, нуженъ нѣкоторый покой. Однако не до совершеннаго разрѣшенія: такое разрѣшеніе можетъ повредить и безстрастнымъ, какъ говоритъ св. Исаакъ, но по нуждѣ, чтобы покой былъ какъ бы лѣкарствомъ для болѣзни; и душа, найдя въ немъ поводъ, не пожелала ослаблять свою силу¹⁾.

¹⁾ τὸν τόνον. напряженіе.

Ослабленіе же бываетъ тогда, когда человѣкъ отъ всей души пожелаетъ покоя, а покой, говорятъ святые ¹⁾, обыкновенно вредить юнымъ и здоровымъ. Святые отцы Василій и Максимъ говорятъ, что для утоленія голода и жажды нужны только хлѣбъ и вода, прочее же все человѣколюбиво даровалъ намъ Богъ, для здоровья и крѣпости тѣла, и—чтобы одинъ и тотъ же видъ пищи, всегда употребляемый, не едѣлся непріятнымъ немощному, но одинъ за другимъ, какъ сказано, полезны. Ибо удаленіе отъ пищи и воздержаніе производятъ болѣзни; воздержаніе же и ежедневная перемѣна снѣдей бываютъ причиною здоровья; тѣло сохраняется (при семъ) отъ сладострастія и отъ болѣзней и дѣлается сотрудникомъ (душѣ) въ приобрѣтеніи добродѣтелей. Это—для подвижащихся, какъ сказано. Безстрастные же, младенчествомъ о Христѣ, часто и по многу дней не ѣдятъ, забывая о тѣлѣ, какъ св. Сисой, который, послѣ принятія пищи, желалъ причаститься Пречистыхъ Таинъ, будучи въ Божественномъ восторгѣ. Какъ говорятъ Апостолъ, на пользу многимъ: *аще бо изумихомся,—Богови: аще ли чѣломудрствуемъ, вамъ* (2 Кор. 5, 13). И какъ Великій Василій о нѣкоторыхъ, и нѣкоторые другіе. Да и въ то время когда

¹⁾ Слова «святые» въ греч. нѣтъ, оно дополнено по славянскому переводу.

таковые вкушали различныя снѣды, вмѣстѣ съ другими, они не ощущали сего различія, но оставались какъ бы ничего не вкушающими: ибо умъ таковыхъ не въ тѣлѣ, чтобы чувствовать покой его или болѣзнь. Это было ясно видно на многихъ Отцахъ и Святыхъ Мученикахъ, ясно и на томъ Святотѣ, о которомъ написалъ святой Нилъ ¹⁾, что былъ одинъ старецъ въ пустынѣ, молившійся умомъ, котораго, пощещеніемъ Божиимъ, для пользы его самого и многихъ другихъ, демоны, схвативъ за руки и ноги, бросали въ верхъ, и опять, чтобы тѣло его не повредилось, падая съ такой высоты, подхватывали на рогожу, и долго дѣлали это, искушая не сойдетъ ли умъ его съ неба, но не успѣли того достигнуть. Таковой почувствуетъ ли когда-нибудь пищу или питье, или что-либо тѣлесное? И опять святой Ефремъ, побѣдивъ, благодатію Христовою, всѣ страсти душевныя и тѣлесныя, чтобы не быть свободнымъ отъ браней врага, и потому не подпасть осужденію, какъ ему думалось, по неизреченному его смиренію, просилъ, чтобы взята была отъ него благодать безстрастія. Удивляясь этому, Іоаннъ Лѣствичникъ написалъ, что есть нѣкоторые безстрастнѣйшіе безстрастныхъ, какъ тотъ сиріанинъ, говорить и проч.

¹⁾ См. «Твор. преп. Нила Синайскаго». Часть 1-я стр. 194, Москва. 1858 г.

О разсужденіи.

Потому при всякомъ дѣлѣ имѣемъ мы нужду въ разсужденіи, чтобы во время обсудить всякое начинаніе; ибо разсужденіе есть свѣтъ, показывающій тому, кто его имѣетъ, время, начинаніе, предпріятіе, устройство челоѣка, крѣпость, знаніе, возрастъ, силу, немощь, произволеніе, усердіе, сокрушеніе, навѣкъ, незнаніе, силу тѣла, сложеніе, здоровье и болѣзненность¹⁾, нравъ, мѣсто, занятіе, воспитаніе, вѣру, расположение, намѣреніе, поведеніе, небоязненность, пониманіе, природный умъ, стараніе, бодрость, медлительность, и подобное. Потомъ естество вещей, употребленіе ихъ, количество, виды, намѣреніе Божіе, заключающееся въ Божественныхъ Писаніяхъ, смыслъ каждаго изреченія. Какъ напимѣрь, сказанное въ Евангеліи отъ Іоанна, когда Елліны пришли, желая видѣть Господа, а Онъ тотчасъ сказалъ: *прииде часъ* и проч. (Іоан. 12, 23), объявляя тѣмъ, что настало время призванія язычниковъ, ибо началось время страданія, которое Онъ полагаетъ признакомъ сего. Разсужденіе изъясняетъ все это, и не только это, но и намѣреніе толкованія Святыхъ Отцевъ; ибо не то именно нужно, что дѣлается, но для чего дѣлается, говорить св. Нилъ. И дѣлающій что-либо, безъ вѣ-

дѣнія сказаннаго, можетъ быть и много трудится, но ничего не успѣваетъ достигнуть: по слову Великаго Антонія и св. Исаака о подвижающихся въ тѣлесныхъ добродѣтеляхъ и нерадящихъ о дѣланіи ума, хотя послѣднее и есть наиболѣе искомое. Какъ говоритъ св. Максимъ: дай тѣлу трудъ, по силѣ его, и весь подвигъ твой обрати на умъ. Ибо трудящійся тѣлесно иногда побѣждается чревоугодіемъ и многоспаніемъ, развлеченіемъ и многорѣчіемъ, и этимъ помрачаетъ умъ, а иногда продолжительнымъ постомъ, бдѣніемъ и преувеличеніемъ трудовъ возмущаетъ мысль: но старающійся объ умѣ упражняется въ вѣдѣніи, молится, богословствуетъ и можетъ исполнить всякую добродѣтель. Челоѣкъ мудрый искусно проходитъ свой подвигъ, уменьшая, по силѣ своей, тѣлесныя потребности, чтобы чрезъ то сдѣлаться малопопечительнымъ или и безпопечительнымъ, для храненія заповѣдей, какъ сказалъ Господь: *не печитесь* и проч. (Матѣ. 6, 25—34). При многомъ попеченіи и самого себя челоѣкъ не можетъ видѣть, какъ же можетъ онъ видѣть прежде времени приготовленныя сѣти враговъ. Ибо врагъ, по обычаю своему, не всегда ведетъ съ нами явную брань. Если бы такъ было, то не легко бы многіе изъ насъ впадали въ его сѣти, такъ что мало будетъ спасающихся, какъ говоритъ Господь (Лук. 13, 23). Но когда врагъ хочетъ свергнуть кого-либо

¹⁾ *ταλαιπωρία*, въ слав. злостраданіе.

въ большіе (грѣхи), то сперва побуждаетъ его пренебрегать малое и тайное: прежде прелюбодѣнія,—частое и сладострастное возрѣніе, прежде убійства—малый гнѣвъ, прежде помраченія мысли—малое развлеченіе и еще прежде сего представляетъ потребность тѣла какъ бы необходимою. Посему-то Господь, какъ все предвѣдущій, какъ Премудрость Отчая, предупреждая коварства діавола, повелѣваетъ людямъ прежде времени отсѣкать поводы ко грѣху, чтобы, считая малое легко простительнымъ, мы не впали бѣдственна въ страшныя и великія согрѣшенія, и говоритъ: *речено бысть древнимъ*, т. е. бывшимъ въ Законѣ, то и то, *Азъ же глаголю вамъ* и проч. (Матѣ. 5, 21. 27). Итакъ, научившійся изъ святаго Евангелія долженъ быть внимательнымъ и исполнять то, чему учитъ Спаситель, чтобы избавиться отъ сѣтей вражескихъ и имѣть заповѣди—какъ великія милости и благодѣянія, ибо онѣ могутъ, съ большою премудростію, спасти душу. Заповѣди суть даръ Божій; и поистинѣ *всякое даліе благо и всякъ даръ совершенъ свыше есть* (Іак. 1, 17), какъ говоритъ братъ Божій. II Дамаскинъ пишетъ: непостыдною ходатаицею за насъ содѣлалъ Ты Родившую Тебя, Христе, и Ея заступленіемъ подавай намъ Духа, преподающаго благость, отъ Отца Тобою прорекшаго.

Получившій даръ вниманія Божественнымъ Писаніямъ, какъ говорятъ Отцы, находитъ всякое благо,

сокрытое во всѣхъ Писаніяхъ, какъ сказалъ Господь: *научившійся Царствію небесному* и проч. (Матѣ. 13, 52), т. е. въ *упраздненіи* о Богѣ и чтеніи Божественныхъ Писаній; ибо иной видъ¹⁾ имѣетъ Писаніе предъ другими людьми, хотя они и думаютъ, что знаютъ его, и иной—предъ удалившимъ себя, для того, чтобы непрестанно молиться, т. е. имѣть мысль о Богѣ вмѣсто дыханія во всемъ, хотя бы такой былъ и невѣжда въ мірѣ и не наученъ былъ наукамъ человѣческимъ, какъ говоритъ Великій Василій. Простотѣ наиболѣе и смиренію является Богъ, говоритъ Лѣстничникъ, а не трудамъ и тщетной премудрости; Богъ болѣе отвращается отъ нея, если она не имѣетъ смиренія; ибо лучше кто-либо *невѣжда словомъ, но не разумомъ* (2 Кор. 11, 6), по изреченію Апостола. Велику духовное вѣдѣніе есть дарованіе, искусство же въ словѣ—есть ученіе человѣческое, какъ и другія науки міра сего и не помогаютъ въ спасеніи души, какъ то очевидно на Еллинахъ. Чтеніе же служитъ къ напominанію тѣмъ, которые по опыту знаютъ сказанное, а незнающимъ—для наученія. Когда Господь, говоритъ Великій Василій, найдетъ сердце, чистое отъ всѣхъ мірскихъ вещей и ученій, тогда на немъ, какъ на чистой дощечкѣ, написываетъ Свои ученія. Это говорю я для того, чтобы не читалъ

¹⁾ *πρόσωπον δεικνύσθαι*, въ слав. лице являеть.

кто-либо неслужащаго къ угожденію Богу, и если когда-либо прочитаетъ, по невѣдѣнію, то пусть подвизается скорѣе изгладить памятованіе о семъ духовнымъ чтеніемъ Божественныхъ Писаній, и болѣе того, что служитъ ему къ спасенію души, смотря по устроенію, какого онъ достигъ. Если онъ еще дѣятельный, то пусть читаетъ жизнеописанія и слова Святыхъ Отцевъ; если же благодатію возведенъ въ духовное вѣдѣніе, то пусть читаетъ всѣ Божественныя Писанія, какъ могущій, по слову Апостола, *низложить всяко возношеніе возманоущееся на разумъ Божій* (2 Кор. 10, 5) и охранять всякое преслушаніе и преступленіе дѣланіемъ и истиннымъ знаніемъ Божественныхъ заповѣдей и ученій Христовыхъ. Помимо же Божественныхъ Писаній да не читаетъ отнюдь чего-либо. Какая надобность принимать духа нечистаго вмѣсто Святаго Духа? Ибо къ какомъ словѣ кто упражняется, того духъ и усвоиваетъ себѣ, хотя и не видится ему это дѣло противнымъ, какъ видятъ опытные.

О чтеніи по Богу.

Итакъ да будетъ чтеніе наше по Богу, для того, чтобы умъ не скитался, ибо это есть начало спасенія. *Ненавидитъ*, говоритъ Соломонъ, *гласи утвержденія* (Притч. 11, 15), т. е. врагъ; такъ и скитаніе¹⁾

¹⁾ ῥεμβασμός, въ слав. пареніе.

мысли есть начало согрѣшеній, по слову святаго Исаака. Желаящій совершенно этого избѣгнуть, долженъ много упражняться, (пребывая) въ келліи. И если отягощаетъ его уныніе, то пусть нѣсколько работаетъ, какъ и безстрастный и имѣющій вѣдѣніе, для пользы другихъ¹⁾ и въ помощь какому-либо немощствующимъ; какъ дѣлали и великіе изъ Отцевъ, снисходя и унодобляясь страстнымъ, по смиренномудрію. Имѣя Бога въ себѣ вездѣ, они могли упражняться въ вѣдѣніи о Богѣ и при руководѣнии и на торгу. Какъ говорятъ Великій Василій о вполнѣ совершенныхъ, что и среди множества народа они какъ наединѣ, всегда бываютъ сами въ себѣ и въ Богѣ. Еще неимѣющій сего, но желающій отогнать уныніе, долженъ отвергнуть всякую бесѣду съ людьми и излишній сонъ и предоставить унынію измощдать его тѣло и душу, пока оно не отоидетъ, видя его терпѣніе въ безпрестанномъ упражненіи о Богѣ, въ чтеніи и чистой молитвѣ. Ибо всякій врагъ, если видитъ, что онъ можетъ успѣть что нибудь, то продолжаетъ нападать, а если нѣтъ, то отходитъ или совершенно, или на время. Посему желающій побѣдить враговъ долженъ имѣть во всемъ терпѣніе. *Претерпѣвый же до конца, той спасенъ будетъ* (Матѣ. 10, 22). *Праведно*, говоритъ Апостоль, *дати скорбь печалующимъ васъ,*

¹⁾ ἅλλοις, въ слав. «многимъ».

вамъ же оскорбляемымъ отраду (2 Сол. 1, 6. 7). Никакое дѣло, совершаемое по Богу, со смирениемъ, не худо; однако есть различіе между дѣлами, и между начинаніями: и все то, что бываетъ сверхъ естественной потребности дѣлается пріятствиемъ для желающаго спастись, т. е. все, что не служитъ къ спасенію души или къ жизни тѣла. Ибо не снѣди—зло, но чревоугодіе, и не имущество, но пристрастіе; не произношеніе словъ, а пустословіе, не сладостное міра, но невоздержаніе, не любовь къ своимъ, а происходящее отъ нея нерадіе о благоугожденіи Богу; не одежды, для прикрытія только и избѣжанія холода и зноя, но—излишнія и дорогія; не дома для избѣжанія только, вмѣстѣ съ упомянутымъ, и злоумышленниковъ, звѣрей и людей, но двухэтажные и трехэтажные, большіе и многоцѣнные: и не то, чтобы имѣть кому-либо вещь, но—имѣть ее не для необходимой потребности, и книги имѣть нестяжательнымъ не есть зло, но имѣть ихъ для чтенія о Богѣ; не то зло, чтобы имѣть друзей, но имѣть неполезныхъ для души; не женщина зло, а любодѣяніе, и не богатство, но сребролюбіе; не вино, но пиянство; не естественная раздражительность, данная для удержанія отъ грѣха¹⁾, но—когда употребляемъ ее противъ подоб-

¹⁾ По сказанному: *гнѣвайтесь и не соиръшайте* (Псал. 4, 5). Т. е. человѣкъ долженъ гнѣваться на бѣсовъ, побуждающихъ ко грѣху, и на себя за слабость.

ныхъ намъ людей; не начальствованіе, но любоначалие; не слава, но славолубіе и худшее его тщеславіе; не приобрѣтеніе добродѣтели, но мнѣніе, что имѣемъ ее; не знаніе, но считаніе себя знающимъ, и худшее сего—незнаніе своего невѣдѣнія; не истинное знаніе, но лжеименное. Не міръ худъ, но страсти, и не естество, но протівоестественное; не единомысліе, но заключаемое для дѣланія зла, и не ко спасенію души; не члены тѣла, но злоупотребленіе ихъ. Не для того дано намъ зрѣніе, чтобы мы вождѣствовали недолжнаго, но, чтобы, видя созданія, прославляли за нихъ Творца, и зрѣніе хорошо вело насъ къ полезному для души и тѣла нашего; и уши—не для того, чтобы принимать клевету и худыя слова, но для слышанія слова Божія и всякаго голоса, который доходитъ до насъ отъ людей, птицъ, и другихъ (существъ) и прославленія ради сего ихъ Творца; и обоняніе—не для разслабленія души и ослабленія ея крѣпости¹⁾, какъ говоритъ Богословъ, но для дыханія и приприманія дарованнаго намъ отъ Бога воздуха и прославленія Его за сіе; ибо безъ этого никто не можетъ жить тѣломъ, ни человѣкъ, ни скотъ. И удивляюсь я премудрости Благодѣтеля, какъ нужнѣйшія намъ вещи все мы находимъ удобно, воздухъ, говорю, огонь, воду и землю. И не

¹⁾ τὸν τόνον, напряженія.

только это, но и могущее спасти душу Онъ содѣлалъ болѣе удобнымъ нежели другія дѣла, а приносящее душѣ погибель—труднѣйшимъ. Такъ бѣдность обыкновенно болѣе спасаетъ душу, а богатство для многихъ служить къ тому пренятствіемъ, и бѣдность находить всякій, а богатство—не въ нашей волѣ. Потомъ: безчестіе, смиреніе, терпѣніе, послушаніе, повиновеніе, воздержаніе, пощеніе, бдѣніе, отеѣченіе своей воли, тѣлесныя болѣзни, благодареніе, при всемъ этомъ, искушенія, потери, стѣсненіе въ необходимомъ, удаленіе отъ сладостнаго, нагота, долготерпѣніе и просто: все Бога ради бывающія предпріятія исполняются невозбранно¹⁾ и никто за нихъ не вооружается, но скорѣе попускаетъ ихъ имѣть произволяющимъ, когда онѣ постигаютъ ихъ произвольно или невольно. Но приводящее къ гибели мы неудобно находимъ, какъ-то: богатство, славу, гордость, неправоту²⁾, власть³⁾, начальство, невоздержаніе, многояденіе, многопитіе, дѣйствованіе по своей волѣ, здоровье и крѣпость тѣла, нестѣсненную жизнь, пріобрѣтенія, имѣніе того, что желаемъ, наслажденіе сладостнымъ, пріобрѣтеніе одеждъ и покрывалъ многихъ и дорогихъ, и тому подобное, о чемъ бываетъ много борьбы, но малое

¹⁾ Въ слав. удобосовершима и невозбранна.

²⁾ *ἀκαταδεξία*. Въ слав. недеснопріятіе.

³⁾ Въ слав. презрѣніе власти.

отъ нихъ пріобрѣтеніе и только временная польза, и большая скорбь, но—малое наслажденіе. Ибо не только имѣющимъ это, но и неимѣющимъ, а желающимъ имѣть, они бываютъ причиною большой скорби, хотя и ничего нѣтъ худаго (въ самомъ себѣ) какъ сказано, но худо ихъ злоупотребленіе. Ибо не для того даны намъ руки и ноги, чтобы красть и похищать и налагать руки другъ на друга, но, чтобы употреблять ихъ на всякое дѣланіе угодное Богу; на милостыню, для тѣхъ, которые еще немощны душею къ совершенству, и на помощь нуждающимся для сильнѣйшихъ же душею и тѣломъ—къ нестяжательности и для подражанія Христу и святымъ Его ученикамъ; для прославленія Бога и для того, чтобы удивляться Его премудрости, проявляющейся и въ членахъ нашихъ. Какъ руки эти и малые персты бываютъ готовы на всякое искусство и работу, писаніе и начинаніе, промысломъ Божиимъ, отъ котораго—знаніе безчисленныхъ искусствъ и писаній, премудрости и цѣлительныхъ лекарствъ, языковъ и различныхъ письменъ. И просто: все прежде бывшее, бывающее и имѣющее быть по безпредѣльной благодати было намъ дано и всегда подается для жизни тѣлесной и спасенія душевнаго, если только согласно намѣренію Божию будемъ употреблять все существующее и ради этого прославлять Бога, со всякимъ благоразуміемъ. Если же нѣтъ, то—отпадаемъ,

погибаемъ и все существующее бываетъ намъ на скорбь въ нынѣшнемъ вѣкѣ, и не только здѣсь, но и въ будущемъ на вѣчное мученіе, какъ прежде было сказано.

Объ истинномъ разсужденіи.

Получившій, по благодати Божіей, дарованіе разсужденія отъ многого смиренномудрія долженъ всею силою хранить это дарованіе, и отнюдь ничего не дѣлать не разсудительно, чтобы, согрѣшая въ вѣдѣніи, по нерадѣнію, не подпасть большому осужденію. А еще не получившій сего дарованія, отнюдь не долженъ утверждать своего разумѣнія, или слова, или дѣла, безъ вопрошенія (опытныхъ), твердой вѣры и чистой молитвы, безъ которыхъ не можетъ онъ достигнуть неложнаго разсужденія. Оно рождается отъ смиренномудрія и имѣющему его рождаетъ прозрѣніе, какъ говорятъ Моисей и Лѣствичникъ, то есть—чтобы предвидѣть скрытыя козни врага и отсѣкать прежде времени новоды къ нимъ, по слову Давида: *и ны враги моя возръ око мое* (Пс. 91, 12). Признаки разсужденія суть: неложное познаніе добраго и противнаго, потомъ познаніе Божественной воли, при всѣхъ предпріятіяхъ. (Признаки же) прозрѣнія—познаніе своихъ грѣхопаденій, прежде нежели онѣ совершатся на дѣлѣ, и—по тайной хитрости—происходящихъ отъ демоновъ: потомъ позна-

ніе тайнъ, сокрытыхъ въ Божественныхъ Писаніяхъ и въ чувственныхъ твореніяхъ. Матерь ихъ смиреніе имѣетъ также свои признаки, какъ прежде было сказано о немъ, но познается и по сему. Кто смиренномудръ, тотъ долженъ имѣть всякую добродѣтель и болѣе какъ должникъ (во всемъ этомъ), по истиннѣ вѣровать, что онъ ниже всей твари. Если же онъ не таковъ, то это самое удостовѣряетъ, что онъ хуже всей твари, хотя бы и думалъ, что ведетъ жизнь равноангельскую; ибо и дѣйствительный ангель, при столькихъ добродѣтеляхъ и премудрости, не могъ угодить Творцу безъ смиренія. Что же сказать послѣ этого мнящему о себѣ, что онъ ангель, безъ смиренія,—причины всѣхъ благъ, существующихъ и имѣющихъ быть, отъ котораго рождается разсужденіе, просвѣщающее концы, а безъ него—все мрачно. Она есть свѣтъ и называется свѣтомъ, и потому мы, прежде всякаго слова и начинанія, нуждаемся въ этомъ свѣтѣ, чтобы могли видѣть и прочее и удивляться. Удивляемся и Богу, какъ въ первый и господственный¹⁾ день, Онъ прежде сотворилъ свѣтъ, чтобы послѣдовавшія созданія не оставались невидимыми, какъ бы не существующія, говоритъ Дамаскинъ. И такъ разсужденіе, какъ было сказано, есть свѣтъ, и рождающееся отъ него прозрѣніе есть самое нужное

¹⁾ *kuria tōn hēmerōn.*

изъ всѣхъ дарованій. Ибо что болѣе нужно человеку какъ не то, чтобы видѣть тайныя хитрости демоновъ и охранять свою душу, при содѣйствіи благодати. Нужна также, болѣе всѣхъ дѣланій, чистота совѣсти, говоритъ св. Исаакъ, и освященіе тѣла, безъ котораго никто, по слову Апостола (Евр. 12, 14) не узрѣтъ Господа.

О томъ, что не должно отчаяваться, хотя бы и много кто согрѣшилъ.

Однако не должно намъ отчаяваться, если мы не таковы, какими должны быть. Худо это, что ты согрѣшилъ, человекъ; но зачѣмъ же ты оскорбляешь¹⁾ Бога, и, по неразумію твоему, считаешь Его несиленнымъ? Уже ли не можетъ спасти души твоей Сотворившій такой, какъ ты видишь, міръ ради тебя? Если же говоришь, что это послужитъ тебѣ на большее осужденіе, какъ и снисхожденіе Его, то покайся, и Онъ приметъ покаяніе твое, какъ блуднаго сына и блудницы. Если же и этого не можешь, но по привычкѣ согрѣшаешь, въ чемъ бы и не хотѣлъ, имѣй смиреніе, какъ мытарь (Луки 18, 13), и довольно будетъ тебѣ для спасенія. Ибо согрѣшающій нераскаянно, но не отчаявающійся, по необходимости считаетъ себя ниже всей твари, и не осмѣливается

осудить или укорить какого либо человека. Но болѣе удивляется человеколюбію Божию, бываетъ благодарнымъ въ отношеніи къ Благодѣтелю и можетъ имѣть много иного добра. Хотя онъ и послушалъ діавола, при согрѣшеніи, но опять, по страху Божию, ослушивается врага, побуждающаго его къ отчаянію, и потому онъ—часть Божія, имѣя благоразуміе, благодареніе, терпѣніе, страхъ Божій, неосужденіе другихъ, чтобы и самому не быть осужденнымъ, что всѣчески необходимо. Какъ Златоустъ говоритъ о гееннѣ, что она благодѣтельствуетъ намъ почти болѣе Царства небеснаго, ибо ею многіе входятъ въ Царство небесное, а царствомъ немногіе, но человеколюбіемъ Божиимъ: та понуждаетъ страхомъ, а это принимаетъ (въ объятія)¹⁾ и обѣими спасаемся, благодатию Христовою. Ибо какъ боримые многими душевными и тѣлесными страстями, если терпятъ это, но не предають своего самовластія, по нерадѣнію, и не отчаяваются, получаютъ вѣнцы, такъ и достигшій безстрастія съ покоемъ и легкостію²⁾ скоро отпадаетъ, если не исповѣдуетъ всегда благодати и никого отнюдь не осуждаетъ. Если же осмѣлится это дѣлать, то показываетъ тѣмъ самымъ, что онъ своею силою снискалъ себѣ богатство, говоритъ св. Максимъ.

¹⁾ ἀδικῶς. Слав. прогнѣвляешь.

¹⁾ ἀγκαλιζεται.

²⁾ μετὰ ἀδείας καὶ κοπιᾶτος. безбоязненностію и облегченіемъ.

И какъ еще страстный, и не получившій просвѣщенія въ познаніи подвергается великой опасности, если начальствуетъ нѣкоторыми, говоритъ Дамаскинъ, такъ и получившій отъ Бога безстрастіе и духовное познаніе,—если не будетъ приносить пользы душамъ другихъ. Ничто столько не приноситъ пользы немощному, какъ удаленіе въ безмолвіи, и страстному и незнающему, какъ повиновеніе въ немъ (безмолвіи). Нѣтъ ничего лучше—какъ знать свою немощь и невѣдѣніе, и ничего хуже—какъ не знать этого. Никакая страсть не ненавистна столько какъ гордость, и никакая не заслуживаетъ столько осмѣянія какъ сребролюбіе; оно *корень всѣхъ золъ* (1 Тим. 6, 10). Потому что люди съ великимъ трудомъ сдѣлавшіе деньги, изъ земнаго металла, опять бездѣйственно кладутъ ихъ въ землю. Посему и говоритъ Господь: *не скрывайте себѣ сокровищъ на земли* и проч. (Матѳ. 6, 19. 21). И опять: *идѣте бо сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше*. Ибо умъ человѣческій, въ чемъ долго медлитъ, къ тому и привлекаемъ бываетъ сильнымъ желаніемъ, по привычкѣ: или къ земнымъ вещамъ, или къ страстямъ, или къ небеснымъ и вѣчнымъ благамъ. Долговременная же привычка обыкновенно получаетъ крѣпость естества, говоритъ Великій Василій. Когда кто либо бываетъ боленъ, тогда особенно долженъ внимать свидѣтельству совѣсти, чтобы освободить душу свою отъ всякаго осужденія;

дабы какъ-нибудь не насталъ конецъ жизни и тогда—не раскаяваться бесполезно и не плакать вѣчно. И такъ, кто не можетъ потерпѣть чувственную смерть за Христа, какъ Онъ потерпѣлъ ее (за насъ), тотъ долженъ, по крайпей мѣрѣ, потерпѣть ее мысленно—произволеніемъ, и будетъ онъ мученикъ совѣстію, когда не станетъ покоряться борющимся его демонамъ или хотѣніямъ, но побѣждать ихъ, какъ святые мученики и преподобные Отцы, изъ которыхъ одни чувственно, а другіе мысленно были мучениками.

Немного понудившій себя побѣдить врага, а немного вознерадѣвшій и помрачившійся—погибъ.

Краткое ученіе о приобрѣтеніи добродѣтелей и удаленіи отъ страстей.

Ничто такъ не помрачаетъ обыкновенно мысль, какъ лукавство, говорятъ Василій Великій, и ничто не просвѣщаетъ такъ умъ, какъ чтеніе въ безмолвіи. Ничто не производитъ такъ скоро болѣзнованія души, какъ мысль о смерти, и—невидимато преуспѣянія, какъ самоукореніе и отсѣченіе своихъ хотѣній, и—невидимую гибель—какъ самоопѣніе и самоутодіе. Ничто такъ не бываетъ причиною отвращенія Божія и наказанія человѣка, какъ ропотъ, и ничто такъ удобно не приводитъ къ согрѣшенію, какъ смущеніе¹⁾

¹⁾ смущеніе, запутанность.

и многословіе. Ничто столько не помогаетъ къ приобрѣтенію добродѣтели, какъ уединеніе и сѣтованіе; и—къ благоразумію и благодаренію, какъ размышленіе о дарахъ Божіихъ и о нашихъ худыхъ дѣлахъ; такъ же и къ возрастанію благодареній, какъ восхваленія ихъ, и—не подаетъ невольнаго спасенія, какъ искушенія. Нѣтъ ближайшаго пути ко Христу, то есть къ безстрастію и премудрости Духа, какъ путь царскій, уклоняющійся во всемъ отъ преувеличеній и недостатковъ. Никакая иная добродѣтель не можетъ такъ постигнуть волю Божію, какъ смиренномудріе и то, чтобы оставить всякое свое разуміе и свою волю. Ничто такъ не содѣйствуетъ всякому благу дѣлу, какъ чистая молитва. Ничто такъ не препятствуетъ къ приобрѣтенію добродѣтелей, какъ суетныя заботы и разсѣянность ¹⁾, хотя бы и очень малая. На сколько кто имѣетъ чистоту, на столько видитъ себя много согрѣшающимъ, отъ того (именно) что видитъ, а на сколько много согрѣшаетъ, на столько омрачается, хотя и видитъ себя имѣющимъ чистоту. И опять: на сколько имѣетъ знанія, на столько считаетъ себя незнающимъ; и на сколько не знаетъ своего невѣдѣнія и малато познанія духовнаго, на столько считаетъ себя знающимъ. На сколько под-

¹⁾ ὁ περισπασμός καὶ ὁ μετνοήσιμος. Въ слав. пристрастіе и возношеніе мысли.

вижникъ терпитъ скорби, на столько побѣждаетъ врага. И сколько кто-либо подвизается дѣлать доброе въ одинъ день, столько же долженъ дѣлать и во всѣ дни жизни своей, говоритъ св. Маркъ, то есть, ежели это было (дѣломъ) его силы и усердія; если же то была благодать Божія, и ради ея, когда посетила благодать, тогда успѣлъ онъ сдѣлать, то какую заслуживаетъ онъ похвалу? ибо думаетъ, что можетъ самъ собою сдѣлать доброе, и несправедливо осуждаетъ другихъ, немогущихъ; но требующій чего-либо отъ ближняго долженъ отъ себя еще болѣе требовать того же (такъ)—справедливѣе. Какъ согрѣшающіе суть должники, ибо прогнѣвляють Бога, такъ и покрываемые благодатію Его, ради своей немощи и близости къ отчаянію, должны болѣе трепетать, какъ великіе должники. И какъ невѣдѣніе Писаній есть великая стремнина, по слову св. Епифанія, такъ и преступленіе въ вѣдѣніи есть большое зло. Благотвореніе душѣ словомъ большее нежели—молитвою. И когда кто-либо терпитъ ближняго,—чтобы не оскорбить обижаящаго его; но старается успокоить волю его, во время смущенія его, таковой, говоритъ св. Дорофей, оказываетъ милость душѣ его, несетъ его тяготу и молится о немъ, желая ему спасенія и всего добраго для тѣла и души;—таково чистое незлобіе, очищающее душу и возводящее ее къ Богу. Ибо врачеваніе человека

лучше ¹⁾ всѣхъ дѣланій и добродѣтелей. Ничего нѣтъ болѣе и совершеннѣе среди добродѣтелей, какъ любовь къ ближнему. Признакомъ же ея служить не то только, что бы не имѣть вещи, въ которой другой нуждается, но и смерть за него потерпѣть съ радостію, по заповѣди Господней, и считать это своимъ долгомъ. Да и справедливо; ибо мы должны не по праву только природы любить ближняго до смерти, но и ради пролитой за насъ пречистой крови заповѣдавшего то Христа (Іоан. 15, 3.). Не будь самолюбивъ, говоритъ святой Максимъ, и будешь Боголюбивъ; не будь самоугодникъ и будешь братолюбивъ. Это рождается отъ надежды, а надежда есть несомнѣнное вѣрованіе, всею мыслию, что всячески получимъ то, чего надѣемся. И надежда опять рождается отъ твердой вѣры, отъ того что человекъ вовсе не заботится о своей жизни или смерти, но все пощеченіе возлагаетъ на Бога, какъ прежде было сказано о желающемъ достигнуть признаковъ безстрастія, основаніемъ которыхъ служить вѣра. Имѣющій ее долженъ размышлять, что какъ Богъ сотворилъ все и насъ, вмѣстѣ со всѣми, изъ ничего, по безпредѣльной Своей благости, такъ всячески и душу нашу и тѣло управить, какъ Самъ вѣдаетъ.

¹⁾ *κρείστων*, сильнѣе, мощнѣе.

О томъ, какъ можетъ кто-либо приобрѣсти истинную вѣру.

Однако желающій приобрѣсти вѣру, которая есть основаніе всего благаго, дверь тайнъ Божіихъ и безтрудная побѣда надъ врагами, нужнѣйшая всякой добродѣтели, крыло молитвы и вселеніе Божіе въ душѣ, долженъ потерпѣть всякій искусъ, какимъ будетъ искушаемъ отъ враговъ и многихъ и различныхъ помысловъ, которыхъ никто не можетъ понять, ни сказать о нихъ что-либо, ни изобрѣсти ихъ, какъ только изобрѣтатель зла діаволъ. Но пусть таковой не боится, ибо если онъ побѣдитъ постигающія его искушенія, со многими усиліемъ, и удержитъ умъ свой, не допуская его послаблять помыслами, рождающимися въ сердцѣ его, то онъ разомъ побѣдитъ всѣ страсти; ибо не онъ будетъ побѣдившій, но пришедшій въ него вѣрою Христосъ. О таковыхъ сказалъ Господь: *аще имате вѣру, яко зерно горчично* и проч. (Матѣ. 17, 20). Но если помысль, изнемогши, и уступить немного, пусть не страшится и не отчаивается, и не приписываетъ своей душѣ говоримое злоначальникомъ, но съ терпѣніемъ, по силѣ своей, старательно да совершаетъ дѣланіе добродѣтелей и соблюденіе заповѣдей въ безмолвіи и упраздненіи по Богу отъ всего произвольно помышляемаго, чтобы врагъ, исполнивъ всякія ухищренія и мечтанія

днемъ и ночью, и, найдя, что онъ вовсе не заботится о представляемыхъ ему играхъ и образахъ, со всѣми мыслями, которыми онъ его устрашалъ, представляя за истину игрища, полныя лжи, соскучить и отойдетъ. А дѣлатель заповѣдей Христовыхъ, познавъ на опытѣ немощь врага, не ужасается болѣе никакого его ухищренія; но съ радостію, все, чего хочетъ и желаетъ по Богу, дѣлаетъ безпрепятственно, укрѣпляемый и вспомоествуемый, чрезъ вѣру, Богомъ, въ Котораго увѣровалъ, какъ Самъ Господь говоритъ: *вся возможна стѣрущему* (Марка 9, 23). Ибо не онъ ведетъ брань со врагомъ, но Богъ, промысляющій о немъ ради вѣры. Пророкъ говоритъ: *вышлаго положила еси прибіжище твое* и проч. (Ис. 90, 9); и таковой вовсе не заботится ни о чемъ, зная, что *копѣ уготовляется ко брани, отъ Бога же спасеніе его* (Притч. 21, 31), говоритъ Соломонъ, и потому во всемъ поступаетъ смѣло. Какъ говоритъ святыи Исаакъ: *пріобрѣти вѣру въ себѣ, чтобы поирать тебѣ враговъ своихъ*. Ибо таковой живетъ не какъ самовластный, но какъ скотъ, водимый волею Божіею, по слову Пророка: *скотенъ былъ у Тебе, и азъ омыну съ Тобою* (Ис. 72, 22. 23). Хочешь ли успокоить меня познаніемъ Твоимъ,—не противорѣчу. Хочешь ли опять, ради смиренія, поустить на меня искушенія,—я также съ Тобою; и ничего отнюдь не буду дѣлать самъ отъ себя. Безъ Тебя я не произошелъ

бы изъ небытія, и не могу ни жить, ни спастись. Что Ты хочешь, то и твори съ созданіемъ Твоимъ! Но вѣрую, что, будучи благъ, Ты устроишь и мнѣ благое, хотя я и не познаю, что это полезное: но я и недостойнъ знать, и не прошу научиться, чтобы получить спокойствіе: можетъ быть это мнѣ бесполезно. Не смѣю просить и облегченія какой-либо брани, хотя я и немощенъ, и во всемъ отягощенъ, но не знаю, что мнѣ полезно. Ты вѣдаешь все, и—какъ вѣдаешь—сотвори; только бы мнѣ не погрѣштить, что бы ни случилось; но хочу, или не хочу, спаси меня! Однако и это—если Тебѣ угодно. Мнѣ вовсе нѣтъ дѣла. Я предъ Тобою какъ бы бездушный: душу мою предаю въ пречистыя руки Твои, въ нынѣшнемъ вѣкѣ и въ будущемъ. Ты все можешь, и все знаешь, и всѣмъ хочешь всякаго блага и всегда желаешь моего спасенія. Это ясно изъ всѣхъ благодѣяній, которыя Ты оказалъ и постоянно намъ оказываешь, по благодати, явно и неявно, которыя мы знаемъ, и которыхъ не знаемъ, и изъ самаго превышающаго умъ снисхожденія Твоего къ намъ, Сынъ и Слово Божіе! А я кто, что осмѣливаюсь извѣщать (о себѣ) Тебя, Сердцевѣдецъ? Но говорю это для того, чтобы и самому мнѣ и врагамъ моимъ знать, что я прибігаю къ Тебѣ, Пристанищу спасенія моего. Вотъ, чрезъ благодать Твою, позналъ я, что Ты мой Богъ, и уже не смѣю много говорить, но только умъ, сво-

бодный¹⁾ отъ всего, глухой и нѣмой ко всему хочу представить Тебѣ. Не я, а благодать Твоя все совершаетъ. Не знаю, дѣлалъ ли я когда-либо что доброе, но всегда—много злаго, за которое, въ видѣ раба, повергаюсь предъ Тобою, изъявляя тѣмъ, что Ты сподобилъ меня каяться, и что я *рабъ Твой и сынъ рабыни Твоея* (Ис. 115, 7). Но непусти мнѣ, Господи мой, Господи²⁾ Иисусе Христе Боже мой, дѣлать, или говорить или мыслить неугодное Тебѣ. Довольно для меня множества столѣтнихъ, прежде бывшихъ грѣховъ моихъ; но—какъ Ты хочешь—помилуй меня! Согрешилъ я, помилуй меня—какъ знаешь. Вѣрую, Господи, что Ты слышишь умоляющій Тебя голосъ мой; помоги моему невѣрію. Даровавший мнѣ послѣ бытія и то, чтобы быть мнѣ христіаниномъ. Велико для меня, говорить (Іоаннъ) Карпатскій, что я ношу имя инока и христіанина. Какъ сказалъ Ты, Господи, одному изъ рабовъ Твоихъ: велико для тебя, что ты нареченъ Моимъ именемъ; и для меня это болѣе всѣхъ царствъ земныхъ и неба; только не отлучи меня отъ нареченія сладчайшаго Твоего имени. Владыко многимилоостивый! Благодарю Тебя, и проч. какъ прежде написано. Какъ иное чтеніе прилично дѣятельному, иныя сло-

¹⁾ *ἀκούων*, въ слав. празденъ.

²⁾ Въ греч. одинъ разъ, а въ слав. въ обоихъ случаяхъ «мой» т. е. трижды.

ва, слезы и молитва, такъ и вѣра эта—иная, въ сравненіи съ тою первою, рождающею безмолвіе. Та есть вѣра *слуха*, а эта вѣдѣнія, какъ говоритъ святой Исаакъ; но вѣдѣніе достовѣрнѣе слуха. Отъ естественнаго знанія рождается первая и общая (всѣмъ) православная вѣра, отъ нея рождается, какъ сказано, *упраздненіе* по Богу, постъ, бдѣніе, чтеніе, псалмопѣніе, молитва, вопрошеніе опытныхъ; и отъ всего этого рождаются добродѣтели душевныя, то есть соблюденіе заповѣдей и храненіе и устроеніе правственности, отъ которыхъ—великая вѣра, надежда, и совершенная любовь, восхищающая умъ къ Богу, какъ сказано, въ молитвѣ, когда кто духовно¹⁾ соединяется съ Богомъ, какъ пишетъ святой Нилъ. Слова же молитвы однажды написаны, чтобы всегда тою же молитвою молился желающій представить умъ свой неподвижнымъ—Святой и Живоначальной Троицѣ, какъ бы видя, хотя и ничего отпюдь видѣть невозможно, но безвиднымъ, невообразительнымъ, необразовиднымъ, несмущеннымъ, неразвлекаемымъ, неподвижнымъ (долженъ быть умъ), невещественнымъ, ни о чемъ изъ существующаго во всемъ твореніи немыслящимъ и неразмышляющимъ, лишь въ глубокомъ мирѣ и совершенной тишинѣ бесѣдующимъ съ Богомъ и только Его святую память имѣю-

¹⁾ *ὑπερῶς*, въ слав. умнѣ.

щимъ, пока не достигнетъ восхищенія ума; послѣ того какъ сподобится должнымъ образомъ произносить молитву Господню, то есть «Отче нашъ». Какъ говорили Святый Филимонъ и Святая Ирина, вмѣстѣ со святыми апостолами, мучениками и преподобными. Внѣ же этого бывающее есть наруганіе¹⁾, происходящее отъ самомнѣнія. Божественное безпредѣльно и неописанно, и умъ, сосредоточившійся въ себѣ, таковъ долженъ быть, чтобы сподобиться, по благодати, нашествія Святаго Духа. *Вирот бо ходимъ, а не видѣнимъ*, говоритъ Апостоль (2 Кор. 5, 7). Потому и должны мы долгое время пребывать въ подвигѣ, чтобы умъ, отъ долговременности получивъ привычку, сильнымъ желаніемъ былъ влекомъ къ Божественному. Ибо если умъ и не найдетъ чего-либо инаго, большаго чувственныхъ вещей, то (все-таки) уже не привлекается къ нимъ желаніемъ, и пребываетъ въ томъ, къ чему онъ привыкъ по долговременности. Ибо какъ человеколюбивымъ и безстрастнымъ немного вредятъ житейскія дѣла, потому что они хорошо ихъ устрояютъ, такъ и имѣющимъ великія дарованія,—ибо они Богу приписываютъ то, что правильно исполнили.

¹⁾ ὑλεΐσι, насмѣшка, наруганіе. Въ слав. прелесть.

О томъ, что страстнымъ наиболѣе полезно безмолвіе.

Всѣмъ полезно безмолвіе и удаленіе отъ вещей и отъ людей, особенно же страстнымъ и немощнымъ. Ибо умъ не можетъ сдѣлаться безстрастнымъ отъ одного внѣшняго дѣланія, если не получитъ и многихъ духовныхъ вѣдѣній. Также и суетныхъ заботъ¹⁾ и начальствованія не проходитъ кто-либо безъ вреда, если не приобрѣтетъ прежде безстрастія, чрезъ удаленіе. Попеченіе о житейскомъ и смущеніе вредитъ обыкновенно и совершеннымъ и безстрастнымъ. Никакой не бываетъ пользы, говоритъ Златоустъ, отъ человѣческаго дѣланія, безъ приклоненія Свыше, но и приклоненія Свыше не бываетъ къ произволяющему. И то, и другое намъ нужно: и Божіе и человѣческое, и дѣланіе и знаніе, и страхъ и надежда, и плачь и утѣшеніе, и боязнь и смиреніе, и разсужденіе и любовь; ибо, говоритъ, все въ этой жизни двойственное. День и ночь, свѣтъ и мракъ, здоровье и болѣзнь, добродѣтель и порокъ, благополучіе и злополучіе, жизнь и смерть; чтобы мы, будучи немощны, чрезъ одно возлюбили Бога, а чрезъ, другое, по страху искушеній, убѣгали грѣха, а будучи сильны, за все это любили Бога, какъ Отца, зная,

¹⁾ ὁ περιστολήσις, въ слав. попеченіе.

что *вся добра злу* (Быт. 1, 31), и Богъ устроиваетъ все для нашей пользы, и, чтобы мы отъ сладостнаго воздерживались, а труднаго желали, зная, что тѣмъ живы бываютъ тѣла наши, во славу Творца, а сіе помогаетъ душамъ къ спасенію, по неизреченной млости Божіей. Люди бываютъ трехъ устроений: рабы, наемники и сыны; и рабы не любятъ благаго, но, по страху мукъ, удаляются отъ лукаваго; это, говоритъ святой Дорофей, *благо*, но не *благоугодно* (Фил. 4, 18). Наемники же любятъ благое и ненавидятъ лукавое, но въ надеждѣ награды, а сыны, какъ совершенные, не по страху мученій удаляются отъ лукаваго, но крѣпко это ненавидятъ, и доброе дѣлаютъ не въ надеждѣ награды, но считаютъ это своимъ долгомъ и любятъ безстрастіе, какъ подражаніе Богу и причину Его вселенія (въ нихъ), ради котораго и удаляются отъ всего худаго, хотя бы и не было угрозы. Ибо если человѣкъ не едѣлается безстрастнымъ, то Преподобный Богъ не посылаетъ на него Всесвятаго Духа, чтобы онъ, по привычкѣ, не былъ увлекаемъ страстями, и не едѣлался виновнымъ за нашествіе (на него) Святаго Духа и не подпалъ большому осужденію. Но когда, по навѣку въ добродѣтели, онъ не будетъ уже имѣть никакой дружбы со врагами, и не будетъ увлекаться страстною привычкою, тогда получаетъ благодать и такимъ образомъ не подвергается уже осужденію за полученіе

дарованія. Отъ того, говоритъ Дѣствичникъ, Богъ не открываетъ намъ воли Своей, чтобы мы, познавъ ее, не ослушались и не подверглись большому осужденію; хотя мы, какъ младенцы, и не знаемъ Его безпредѣльнаго благоутробія къ намъ неблагодарнымъ. Желаящій же, говоритъ, познать волю Божію долженъ умереть всему міру и своей волѣ во всемъ. Поэтому всякаго дѣла, при которомъ есть сомнѣніе, не долженъ кто-либо дѣлать или утверждать, какъ хорошее, развѣ только не можетъ прожить или спас-тись безъ него. И такъ, надобно ему вопрошать опытныхъ, и тогда отъ твердой вѣры и молитвы получаетъ онъ такое удостовѣреніе¹⁾; прежде совершеннаго безстрастія, которое дѣлаетъ умъ непреодо-римымъ и необходимымъ во всякомъ благомъ дѣлѣ. Хотя и сильная бываетъ брань, но человѣкъ пребы-ваетъ невредимымъ: *сила бо моя въ немощи совершает-ся* (2 Кор. 12, 9), говорятъ Господь²⁾, и Апостолъ сказалъ: *егда немоществоую, тогда силенъ есмь* (2 Кор. 12, 10). Но быть кому-либо безъ брани—не хорошо: ибо демоны, говоритъ Дѣствичникъ, часто отходятъ, по различнымъ побужденіямъ: или дѣлая засаду, или ради самолюбія оставляютъ насъ, или ради

¹⁾ *παραρρησία*, въ слав. извѣщеніе.

²⁾ *φύξις ἐς Κόρινθους*, а въ слав. «яко же рече Господь ко Апостолу».

возношенія, или другаго какого-либо зла, которымъ доволѣствуются, какъ могущимъ наполнить мѣсто иныхъ страстей. Такъ нѣкоторые Отцы, сказано въ Старчествахъ, сохранили заповѣди; нѣкоторые же, послѣ нихъ бывшіе, написали о семъ, а мы написанное положили у себя на окнахъ. Если же и захотимъ прочесть, не упражняемся даже и въ томъ, чтобы понять сказанное и исполнять его на дѣлѣ; но или читаемъ какъ что-нибудь непужное, или думаемъ, что дѣлаемъ нѣчто великое, и возносимся, не зная, что мы заслужимъ большее осужденіе, если не будемъ исполнять, какъ говоритъ Златоустъ. *Видный*, сказалъ Господь, *волю господина своего* и проч. (Лук. 12, 47). Итакъ, хорошо чтеніе и знаніе, но—когда приводятъ къ большому смиренію; также и совѣтъ, когда вопрошающій не испытываетъ жизни учителя, какъ говоритъ Богословъ: не ищи достовѣрности въ учащемъ тебя или проповѣдающемъ тебѣ; и какъ говоритъ Господь: *слики аще рекуть вамъ* и проч. (Матѣ. 23, 3). Вопрошающему никакого не бываетъ вреда отъ дѣлъ учащаго его; но не бываетъ и пользы, если онъ самъ не будетъ исполнять (сказаннаго), ибо *каждо о себѣ слово дастъ* (Римл. 14, 12). Учитель о словѣ своемъ, а учимый о послушаніи своемъ, дѣламъ доказанномъ. Совершаемое же внѣ этого—противъ естества и достойно осужденія. Ибо благъ и праведенъ Богъ, говоритъ Святый Евстратій, и, по

благости Своей, даруетъ намъ всякое благо, когда благоразумно пользуемся имъ, какъ праведно полученнымъ, ради благодаренія; но если оказываемся неблагодарными, то лишаемся благаго, по правосудію Божію; такъ что благодать Божія и правда Его по естеству подаютъ намъ всякое благо, а за злоупотребленіе его—вѣчное мученіе.

О томъ, что истинное покаяніе есть великое благо.

Однако если кто пожелаетъ,—снова полагаетъ начало чрезъ покаяніе. Палъ ли ты, сказано, возстань? И снова палъ, снова возстань; отнюдь не отчаявайся въ своемъ спасеніи, что бы ни случилось. Не предавай себя добровольно врагу и достаточно будетъ для тебя къ спасенію этого терпѣнія съ самоукореніемъ. *Блаженъ*, говоритъ Апостолъ, *и мы никогда несмыслимы, по своимъ похотѣхъ ходяще* (Тит. 3, 3) и проч. И такъ отнюдь не отчаявайся: ибо не знаешь помощи Божіей. Богъ силенъ исполнить то, чего хочешь. Уповай на Него, и Онъ одно изъ этого сдѣлаетъ съ тобою: или какими-либо искушеніями, или инымъ образомъ, какъ Онъ вѣдаетъ, устроить твое исправленіе, или приметъ твое терпѣніе и смиреніе вмѣсто дѣланія, или другимъ образомъ, котораго ты не знаешь, ради упованія (твоего), человеколюбиво совершить спасеніе бездѣрзновенной души

твоей. Только не оставляй Врача, ибо потерпишь двоякую, лютую смерть, по незнанію сокровеннаго Божія намѣренія. Какъ сказано было о вѣдѣніи, такъ теперь скажемъ и о дѣланіи, что всякое тѣлесное и душевное дѣланіе находится посреди шести сѣтей. Съ правой стороны, говорю, и съ лѣвой—преувеличеніемъ трудовъ и уменьшеніемъ; съ верху и съ низу, т. е.—возношеніемъ и отчаяніемъ; внутри и внѣ, т. е. между боязливостію и дерзновеніемъ, о которомъ Богословъ говоритъ, что оно по превосходству далеко отстоитъ отъ дерзости, хотя по имени и подобно ей: посреди этихъ шести сѣтей находится умѣренное дѣланіе въ смиреніи и терпѣніи. Удивляться надобно уму человѣческому, какъ онъ превращаетъ¹⁾ все въ немъ находящееся, по своему желанію, хотя это и непревратно, и въ другихъ остается такимъ. Поэтому не всѣ мы имѣемъ одно и то же намѣреніе относительно существующаго; но каждый какъ хочетъ, такъ и употребляетъ вещи,—хорошо или худо: чувственные—дѣломъ, а мысленныя—словомъ и помысленіемъ. Четырехъ видовъ²⁾, какъ мнѣ кажется, согласно Богослову, и устроений всѣ люди: однимъ хорошо здѣсь и въ будущемъ, какъ всѣмъ Святымъ и сдѣлавшимся безстрастными; дру-

¹⁾ μετατρέπει. обращаетъ. Въ слав. прелагаетъ.

²⁾ θεωρημα. видѣній, созерцаній.

гимъ здѣсь только хорошо, какъ недостойно получающимъ благодѣянія душевныя или тѣлесныя, по неблагоразумію¹⁾ ихъ въ отношеніи къ Благодѣтелю, какъ тотъ богатый (Лук. 16, 19) и подобные; иные опять здѣсь только мучатся, какъ одержимые продолжительною болѣзнію, подобно тому разслабленному (Іоан. 5, 5), и искушаемые собственною мыслію²⁾ (но переносящіе это) съ благодареніемъ; иные же опять и здѣсь и тамъ мучатся, какъ искушаемые собственными пожеланіями, подобно Іудѣ и другимъ. Также опять и четыре (рода) намѣренія имѣютъ люди относительно чувственныхъ вещей. Одни ненавидятъ дѣла Божія, какъ демоны, и, по худому своему произволению, охуждаютъ ихъ; другіе любятъ ихъ, какъ добрыя, но—страстно, подобно безсловеснымъ животнымъ, нимало не заботясь о вѣдѣніи (тварей) по естеству и благодареніи; иные, какъ люди естественно, съ духовнымъ вѣдѣніемъ и благодареніемъ, употребляя все съ воздержаніемъ; нѣкоторые же опять превышеестественно, какъ ангелы, созерцаютъ все къ славѣ Творца, ничего не употребляя, кромѣ необходимаго только для жизни, по слову Апостола (1 Тим. 6, 8).

¹⁾ ἐννοεῖσθαι, въ слав. благодареніе.

²⁾ νόημα. умъ, направленіе ума и воли.

О общихъ и особенныхъ благодѣяніяхъ Божіихъ ¹⁾.

Посему все мы, люди, должны всегда благодарить Бога, за общія и особенныя Его благодѣянія, душевныя и тѣлесныя. Общія суть: четыре стихіи, и все отъ нихъ происходящее, и все, въ Божественныхъ Писаніяхъ изложенныя, чудныя и страшныя дѣла Божіи. Особенныя же—то, что Богъ далъ каждому человѣку: или богатство, для милостыни, или бѣдность, для терпѣнія съ благодареніемъ, или власть, для правосудія и утвержденія добродѣтели, или повиновеніе и рабство, для готового спасенія души, или здоровье, для помощи пуждающимся и трудовъ по Богу, или болѣзнь, для вѣнца за терпѣніе, или знаніе и силу, для пріобрѣтенія добродѣтелей, или безсиліе и незнаніе для повиновенія въ безмолвіи, со смиреніемъ и удаленія отъ вещей, или невольное лишеніе вещей, для произвольнаго спасенія и помощи тѣмъ, которые не могутъ достигнуть совершенства нестяжанія, или хотя милостыни; или покой и благоденствіе, для того, чтобы добровольно подвизаться и трудиться въ добродѣтеляхъ, такъ чтобы сдѣлаться безстрастнымъ и инья души спасти; или искушеніе и злополучіе, чтобы по неволѣ спастись тѣмъ, которые не могутъ отсѣкать своихъ хотѣ-

¹⁾ εὐεργεσιῶν, въ слав. дарахъ.

ній; или опять для совершенства тѣмъ, которые могутъ потерпѣть съ радостію. Все упомянутое, хотя и противно одно другому, но, по мѣрѣ надобности, *вся добра зѣло* (Быт. 1, 31), а безъ надобности не есть добро, но скорѣе вредитъ душѣ и тѣлу. Лучше ¹⁾ же всего упомянутаго—терпѣніе скорбнаго. И сподобившійся сего великаго дарованія долженъ благодарить Бога, какъ наиболѣе облагодѣтельствованный: ибо онъ сдѣлался подражателемъ Христа и святыхъ Его апостоловъ, мучениковъ и преподобныхъ, и получилъ отъ Бога большую силу и вѣдѣніе, чтобы произвольно удаляться отъ сладостнаго и болѣе желать скорбнаго, чрезъ отсѣченіе своихъ хотѣній и отверженіе мыслей не по Богу, дабы всегда дѣлать и мыслить угодное Богу. И сподобившіеся употреблять вещи, лишь по потребности въ нихъ, должны много благодарить Бога, со многимъ смиреніемъ, что они благодатію Божіею освободились отъ противоестественнаго и отъ преступленія заповѣдей. А мы еще страстные и злоупотребляющіе вещами, какъ поступающіе противоестественно, должны трепетать и много благодарить Благодѣтеля, со всякимъ благоразуміемъ, удивляясь Его неизреченному долготерпѣнію. Какъ Онъ, тогда какъ мы ослушиваемся Его заповѣдей и злоупотре-

¹⁾ κρείττον, сильнѣе.

бляемъ вещами, и отвращаемся даровъ Его, долготерпѣть нашему безумію и не перестаетъ намъ благодарствовать, ожидая обращенія и покаянія нашего, до послѣдняго издыханія. Такъ всѣ люди должны благодарить Бога, по сказанному: *о всемъ благодарите*: отсюда и другое изреченіе Апостола: *непрестанно молитесь* (1 Сол. 5, 17. 18), т. е., чтобы имѣть памятованіе о Богѣ во всякое время, на всякомъ мѣстѣ и при всякомъ дѣлѣ. Такъ, если кто дѣлаетъ что-нибудь, то долженъ помнить о Творцѣ подлежащей вещи; т. е. если видишь свѣтъ, не забудь о Даровавшемъ его тебѣ; если видишь небо и землю, море и все существующее, удивляйся и прославляй Создателя; если надѣваешь на себя одежду, познавай, чей она даръ, и воспѣвай Промышляющаго о твоей жизни. И просто: всякое движеніе да будетъ тебѣ поводомъ къ славѣ Божіей и вотъ—ты *непрестанно молись*. Отъ всего этого радуется душа, по слову Апостола (1 Сол. 5, 16), ибо памятованіе о Богѣ веселитъ ее, говоритъ святой Дорофей, приводя свидѣтельство Давида, который сказалъ: *помянухъ Бога и возвеселихся* (Пс. 76, 4).

О томъ, что Богъ сотворилъ все къ пользѣ нашей.

Потому что все существующее Богъ сотворилъ къ нашей пользѣ. Ангелы охраняютъ и научаютъ

насъ. Демоны искушаютъ, чтобы мы смирились и прибѣгали къ Богу; чрезъ нихъ мы опасаемся и избавляемся отъ возношенія и нерадѣнія, по страху искушеній. И опять, сладостное въ мірѣ семь: здоровье, говорю, благоденствіе, крѣпость (силъ), покой, радость, свѣтъ, знаніе, богатство, успѣхъ во всемъ, мирное устроеніе, наслажденіе, честь, власть, изобиліе и все, считаемое хорошимъ въ этой жизни, приводитъ насъ къ благодаренію и благоразумію въ отношеніи Благодарителя, и къ тому, чтобы любить Его и дѣлать, по силѣ своей, доброе, считая это естественнымъ своимъ долгомъ, и, полагая дѣланіемъ добра воздать за (полученные) дары, хотя это и невозможно, но (самое дѣланіе есть) большой долгъ. Мнимыя же бѣдствія: болѣзнь, злополучіе, трудъ, немощь, невольная скорбь, мракъ, невѣдѣніе, бѣдность, неудачи во всемъ, боязнь, лишенія, безчестіе, удрученіе, скудость и все противоположное преждесказанному приводитъ насъ къ терпѣнію, смиренію и благой надеждѣ въ будущемъ, и не только сіе, но и въ нынѣшнемъ вѣкѣ это бываетъ для насъ причиною великихъ утѣшеній. Итакъ Богъ все хорошо устроилъ для насъ, чудеснымъ образомъ, по неизреченной Своей благости. Желаящій познать это, какъ должно, пусть подвизается о приобрѣтеніи добродѣтелей, чтобы все упомянутое принимать съ благодареніемъ, и доброе и кажущееся противнымъ, и во всемъ пребывать

безъ смущенія; и не только въ этомъ, но и когда демоны влагаютъ гордый помысль, чтобы увлечь его въ возношеніе, тогда онъ долженъ приводить себя на память прежде говоренное ими сквернѣйшее и—низлагать (гордый помысль) и приходить къ смирению. И опять, когда влагаютъ что-либо скверное, (подвизающійся) вспоминаетъ тотъ гордый помысль и низлагаетъ это: и такъ содѣйствіемъ благодати, дѣлается, что они низлагаютъ другъ друга воспоминаніемъ, чтобы никогда не придти въ отчаяніе отъ сквернаго, ни—въ безуміе ¹⁾ отъ самомнѣнія. Но когда враги возвышаютъ умъ его, приобѣщаетъ къ смирению, а когда смиряютъ его, возносятся къ Богу надеждою; чтобы никогда не пасть сдѣлавшись дерзновеннымъ, и опять убоявшись не отчаяться, до послѣдняго пздыханія. Великое дѣланіе пнока въ томъ и состоитъ, сказано въ Старчествахъ, чтобы, когда враги предлагаютъ одно, онъ предлагалъ другое, а когда они другое, онъ это ставилъ на видъ, зная, что въ жизни сей отнюдь ничего нѣтъ неизмѣннаго, но *претерпеый до конца, той спасенъ будетъ* (Мат. 10, 22), а желающій, чтобы дѣла совершались какъ онъ хочетъ, не знаетъ куда идетъ; но какъ слѣпой, колеблемый всякимъ вѣтромъ, что съ нимъ случится, тому весь совершенно и предается; и какъ рабъ боит-

¹⁾ *ἀβυσσος*, въ слав. гордость.

ся печальнаго; какъ плѣнникъ порабощается самомнѣнію, думая, по неразумной радости, что онъ знаетъ то, чего никогда не зналъ,—что это такое, и откуда; если же говорить, что знаетъ, тогда еще болѣе ослѣпляется. Это бываетъ отъ неукоренія себя, что называется самоугодіемъ и есть незамѣтная погибель; какъ говорить святой Макарій въ главахъ объ инокахъ, который погибъ, послѣ того, какъ молясь съ другими братіями, былъ въ восхищеніи ума и видѣлъ горній Іерусалимъ, (погибъ) потому что счелъ себя достигшимъ сего, а не большимъ должникомъ. Ибо какъ весьма страстные, даже и того не видятъ, отъ тумана страстей, что явно многимъ, такъ и безстрастные многимъ недовѣдомое знаютъ, по чистотѣ ума.

О томъ, что слово Божіе не есть много-словіе.

Слово Божіе, говоритъ св. Максимъ, не есть много-словіе: но все мы люди говоримъ много, и одного слова Божія не исполнили, т. е. Богъ сказалъ: *возлюбивши Господа Бога твоего, отъ всея души твоея*, (Матѳ. 22, 37) и проч. И сколько уже говорили Отцы, сколько написали, и еще говорятъ и пишутъ, (а мы) и одного этого слова не исполнили. Ибо отъ всея души, говоритъ Великій Василій, значить отнюдь не любить чего-либо, вмѣстѣ съ Богомъ, если же кто

свою душу любить, то Бога уже не любить всею душою, но половиною ея. А когда мы и себя самих, и другое безчисленно (многое) любимъ, то какъ можемъ любить Бога, или сказать это? Точно также и относительно любви къ ближнему. Если временную жизнь, а можетъ быть и вѣчную, не отвергнемъ изъ любви къ ближнему, подобно Моисею и Апостолу, то какъ говоримъ, что любимъ ближняго; ибо первый сказалъ Богу о народѣ: *аще оставиши мнѣ грѣхъ ихъ, остави: аще же ни, изгладю и мене изъ книги Твоея*¹⁾, *въ нѣже вписалъ еси* (Исх. 32, 32). Апостолъ же говоритъ, апаѡема да буду отъ Христа и проч. *Молибыхся самъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей*, паче же искавшихъ убить его, *иже суть Израилитѣ* (Рим. 9, 3. 4). Таковы души Святыхъ! Они враговъ любятъ болѣе нежели самихъ себя. Потому и въ нынѣшнемъ вѣкѣ и въ будущемъ, во всемъ предпочитаютъ ближняго, хотя бы онъ и врагъ имъ былъ по злему своему произволенію; (святые) не ищутъ воздаянія отъ тѣхъ, кого они любятъ, но, — какъ сами получающіе, — радуются, когда отдаютъ другимъ все свое; чтобы угодить чрезъ то Благодарителю и, по силѣ своей, подражать Его человеколюбію; ибо Онъ благъ и къ неблагодарнымъ и грѣшнымъ. И кто удостоится получить такіа дарова-

¹⁾ ἐκ τῆς βίβλου τῆς ζωῆς, изъ книги жизни.

нія, тотъ тѣмъ болѣе обязанъ считать себя должникомъ предъ Богомъ, вознесшимъ его отъ земли, и сподобившимъ перстъ подражать отчасти Творцу и Богу. Ибо терпѣть обиды съ радостію и незлобиво, дѣлать добро врагамъ, полагать душу свою за ближняго и подобное — суть дары Божіи, ниспосылаемые произволяющимъ получить ихъ отъ Бога, стараніемъ, *дѣлати и хранити*, какъ сказано было Адаму, (Быт. 2, 15); чтобы дары пребывали, (хранимые) благодареніемъ къ Благодарителю. Ибо ни одного блага мы никогда не имѣемъ отъ себя, но все блага дарованы намъ отъ Бога, по благодати, какъ изъ небытія происходитъ существующее. *Что бо имамъ, сего же нѣсм пріѣлъ* (1 Кор. 4, 7), говоритъ Апостолъ, туне, т. е. отъ Бога, *аще же и пріѣлъ еси, что хвалишися яко не пріѣлъ*, но самъ собою дѣлая, что невозможно, ибо Господь сказалъ: *безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоан. 15, 5).

О томъ, что безъ смиренномудрія невозможно спастись.

Не знаю, не отъ сильнаго ли помраченія страстями приходитъ человекъ въ такое безуміе, что считаетъ себя можетъ быть равнымъ ангеламъ, и даже большимъ ихъ, думая спастись безъ смиренномудрія, лишившись котораго прежде бывший денница, и безъ другаго грѣха, сдѣлался тьмою. Что же по-

терпѣть не имѣющій смиренія смертный и персть, не говорю уже грѣшникъ; можетъ быть, по слѣпотѣ своей, онъ не вѣритъ, что грѣшенъ. Конечно, говоритъ Златоустъ, совершенный человѣкъ будетъ равноангельнымъ, какъ сказалъ Господь, т. е. при воскресеніи мертвыхъ, а не въ нынѣшнемъ вѣкѣ; но и тогда не ангелами сказано, а равноангельными будутъ люди; ибо не могутъ они оставить своей природы, но—будутъ какъ ангелы—немзмѣнны, по благодати, освобождены отъ всякаго насилія, будутъ имѣть власть самонпроизвольную¹⁾ и непрестанное веселіе и любовь къ Богу, *яже око не видитъ* (1 Кор. 2, 9) и проч. Здѣсь же никто не можетъ быть совершеннымъ, но получаетъ только залогъ обѣтованныхъ благъ. Однако какъ не получившіе дарованій должны смиряться, подобно нищимъ, такъ и получившіе дарованія отъ Бога,—чтобы не быть осужденными за неразуміе. И какъ богатые должны благодарить Бога за дары Его, такъ, и еще гораздо болѣе—и обогащающіеся добродѣтелями. И какъ нищіе должны благодарить Бога и любить богатыхъ, которые имъ благодарятъ за то, что они дѣлаютъ имъ добро, такъ и еще гораздо болѣе, и богатые нищихъ,—потому что и въ нынѣшнемъ и въ будущемъ вѣкѣ они спасаются промысломъ Божиимъ, ради ми-

¹⁾ αὐθαίρετον.

лостыни; ибо безъ нищихъ не только не получаютъ спасенія души, но и искушеній богатства не могутъ избѣгнуть. И какъ ученики учителей, такъ и учителя учениковъ должны любить, и другъ за друга благодарить Бога, даровавшаго всеѣмъ познаніе и всякое другое благо, за которое должно благодарить Его; особенно же тѣмъ, которые получили силу возстановлять святое крещеніе покаяніемъ, ибо безъ послѣдняго никто не можетъ спастись. *Что мя зовете Господи, Господи, и не творите яже глаголю* (Лук. 6, 46), сказалъ Господь. Но пусть никто, безумный, слыша это, и столькое еще, не подумаетъ, что если онъ не будетъ призывать Господа, то останется неповиннымъ, напротивъ, еще болѣе будетъ осужденъ, какъ сказалъ Господь: *иже въ суровѣхъ дрвѣхъ сѣя творятъ, въ сущѣ чинѣ будетъ* (Лук. 23, 31). И *иже пришедный едва спасается*, говоритъ Соломонъ, *нечестивый же и грѣшный годъ явится?* (Прит. 11, 31). И опять, видя себя отвсюду утѣсняемымъ Божественными заповѣдями, пусть не отчаявается, чтобы не быть осужденнымъ хуже самоубійцы; но болѣе долженъ онъ удивляться Божественнымъ Писаніямъ и заповѣдямъ, какъ онѣ съ той и съ другой стороны побуждаютъ человѣка къ совершенству, чтобы онъ не нашелъ куда убѣжать отъ добраго и гдѣ сыскать послабленіе въ худшее. Но когда захочетъ сдѣлать что-либо такое, видя предъ собою все ужасное, обратится къ

благодарю. Богъ человеколюбиво и досточудно устроиваетъ, чтобы человекъ какимъ-либо образомъ, и не желая, хотя онъ и самъ въ себѣ имѣетъ власть, сдѣлался совершеннымъ. Благоразумные же подвизаются стыдясь болѣе благодѣяній, какъ перевезенные черезъ рѣку во снѣ, по слову св. Ефрема¹⁾. Для того умножилъ Богъ искушенія, говоритъ св. Исаакъ, чтобы мы, устрояясь ихъ, прибѣгали къ Нему. Непонимающій этого, но, по сластолюбію, порицающій такой даръ, самъ себя убиваетъ и губитъ; получивъ оружіе противъ враговъ, онъ употребляетъ его для убійства самого себя. Ибо какъ Богъ, говоритъ Великій Василий, будучи благъ, всѣхъ хочетъ сдѣлать благими, такъ и діаволъ, будучи лукавъ, всѣхъ хочетъ увлечь въ свое зло, хотя и не можетъ. И какъ родители, любящіе дѣтей своихъ, угрозами отвращаютъ ихъ отъ безумныхъ поступковъ, будучи побуждаемы къ тому любовію, такъ и Богъ попускаетъ искушеніе, какъ жезлъ, отвращающій достойныхъ отъ худыхъ совѣтовъ діавола. *Ищадый жезлъ свой ненавидитъ своего сына, любяый же наказуетъ прилежно* (Притч. 13, 25).

Но такъ какъ намъ сластолюбивымъ и самолюбивымъ съ обѣихъ сторонъ предстоятъ опасность,

¹⁾ Творенія св. Ефрема Сирина. Часть 2-я, стр. 231-я. Москва, 1849.

хотя для боголюбивыхъ это и составляетъ скорѣе спасеніе,—искушенія, говорю, попущеніемъ Божиимъ, и отпаденіе въ погибель, чрезъ гордость, и отъ того, что не пребываемъ при Богѣ, потому, какъ сынамъ, *наказуемымъ, но не умертвляемымъ*, должно избрать легчайшее. Лучшее терпѣніемъ того, что насъ постигаетъ, прибѣгать къ Богу, нежели по страху опасностей потерпѣть отпаденіе, впасть въ руки діавола и вѣчное отпаденіе, точнѣе же мученіе съ нимъ навлечь на себя. Ибо намъ предстоитъ одно изъ двухъ: или потерпѣть первое и временное, или второе и вѣчное. Праведныхъ же ни одна изъ обѣихъ опасностей вовсе не касается, ибо они съ радостію (переносятъ) то, что намъ кажется злополучіемъ; любятъ (это) и, какъ нашедшіе время къ приобрѣтенію, привѣтствуютъ искушенія и не получаютъ отъ нихъ язвъ. Тотъ обыкновенно не умираетъ отъ стрѣлы, въ кого она пущена, но не поразила его, а тотъ погибаетъ, кто получилъ отъ нея смертельную рану. Повредило ли Іову уязвленіе? не увѣнчало ли его болѣе? Устрашило ли апостоловъ и мучениковъ (безчестіе), когда они: *радовашуся*, сказано, *яко за имя Его сподобилися безчестію пріяти* (Дѣян. 5, 41). Побѣдитель сколько бываетъ боримъ, столько вѣнчается и получаетъ чрезъ то большую радость: когда услышитъ звукъ трубы не боится его, какъ вѣстника о своемъ убійствѣ, но болѣе веселится (какъ) предска-

занію о полученіи вѣнца. Ибо ничто обыкновенно не одерживаетъ побѣды такъ легко, какъ благое дерзновеніе съ твердою вѣрою, и на (оборотъ) ничто не приноситъ обыкновенно пораженіе—какъ самолюбіе и боязнь, происходящая отъ невѣрія. Нѣтъ инаго лучшаго руководителя къ мужеству, какъ стараніе и опытъ въ дѣлѣ, и—къ распознанію тонкости помысловъ, какъ чтеніе въ безмолвіи. Ничто столько не бываетъ причиною забвенія, какъ праздность. Ничто не содѣйствуетъ такъ прощенію грѣховъ, какъ незлобіе, и не служитъ такъ примиренію (совѣсти съ Богомъ) относительно грѣховъ, какъ покаяніе и отсѣченіе худаго. Нѣтъ кратчайшаго преуспѣянія души, какъ отсѣченіе своихъ хотѣній и разумѣній, и ничего нѣтъ лучшаго, какъ повергать себя кому-либо предъ Богомъ день и ночь и просить Его, да будетъ во всемъ воля Его, и—худшаго, какъ любить свободу и легкомысліе души или тѣла. Ибо намъ, еще по страху мученій и искушеній любящимъ доброе, отнюдь не полезна свобода, но—охраненіе себя и удаленіе отъ вещей; чтобы хотя удаленіемъ отъ вреднаго, для нашей немощи, могли мы бороться съ помыслами. Ибо начальствующихъ духовъ побѣждаютъ безстрастные начальники, уже побѣдившіе постыднѣйшія страсти, а находящіеся въ повиновеніи у отца духовнаго (подвизаются противъ) подчиненныхъ духовъ. Св. Макарій и авва Кроній говорятъ:

есть демоны начальствующие и есть подчиненные. Начальствующие: тщеславіе, самолюбіе и подобные; подчиненные же: чревоугодіе, блудъ и таковыя. Достигшіе совершенной любви имѣютъ (надъ ними) власть, потому что безъ понужденія себя дѣлаютъ доброе и радуются, когда дѣлаютъ его, не желая никогда его оставлять, и когда можетъ быть невольно встрѣтить препятствіе, это мучитъ ихъ и они, влекомые Божественною любовію, тотчасъ убѣгаютъ въ безмолвіе и къ дѣланію, какъ къ наслажденію своему обычному. Таковыми говорятъ Отцы: нѣсколько молись, нѣсколько читай, нѣсколько поучайся, нѣсколько работай, нѣсколько храни умъ, и такъ проводи время. Говорятъ же это потому, что безстрастные обладаютъ сами собою и не бываютъ плѣняемы никакимъ хотѣніемъ, ни въ должнаго, но гдѣ хотятъ, тамъ и имѣютъ умъ, и тѣлу повелѣваютъ какъ рабу. А мы должны быть подъ закономъ и правиломъ, чтобы невольно и не хотя, какъ бы понуждаемые Богомъ, дѣлали доброе, потому что еще болѣе любимъ страсти и¹⁾ наслажденія, т. е. тѣлесный покой и свои хотѣнія; и куда врагъ хочетъ, туда и уводитъ умъ нашъ; также и тѣло, имѣя безпорядочныя стремленія, чего хочетъ, то и дѣлаетъ, какъ неразумное. И поистиннѣ: гдѣ нѣтъ управленія ума, тамъ все бы-

¹⁾ ἡδονὰς, въ слав. сласти.

васть неразумно и не по естеству: не такъ какъ у истинныхъ Израилѣтянъ; какъ Господь сказалъ о Зилотѣ Симонѣ Кананитѣ: *се воистинну Израилѣтянинъ въ немже лъсти нѣсть* (Іоан. 1, 47), проповѣдая о добродѣтели его. Наананиль значитъ ревность Божія; собственное же имя его было Симонъ; Кананитъ—потому что происходилъ изъ Каны Галилейской, а Наананиль опять за добродѣтель его, какъ и Израилѣтянинъ, т. е. умъ видящій Бога, безъ всякой *лъсти* (лукавства). Обычно, говоритъ Великій Василій, Божественному Писанію называть человѣка скорѣе по добродѣтели, нежели по рожденію. Ибо и изъ верховныхъ апостоловъ Петръ и Павелъ назывались—одинъ Симономъ, и Господь ради твердости его назвалъ его Петромъ, а другой—Савлъ, т. е. смущеніе, и былъ измѣненъ въ Павла, т. е. мѣсто покоя, покой. И поистиннѣ: ибо сколько онъ сперва возмущалъ вѣрныхъ, столько послѣ успокоивалъ души всѣхъ дѣломъ и словомъ, какъ говоритъ о немъ Златоустъ. Смотри на благоговѣніе Апостола: воспоминая Бога, онъ не начиналъ учить, не принося прежде должнаго благодаренія и моленія Богу; показывая этимъ, что отъ Него имѣетъ вѣдѣніе и крѣпость. И справедливо:—послѣ молитвы, ученіе. И Божественный Лука не по нерадѣнію, или другой какой-либо нуждѣ оставилъ недоконченными Дѣянія Апостольскія, но потому что отошелъ къ Богу, а мы

когда оставляемъ неоконченнымъ дѣло или предпріятіе, то дѣлаемъ это по нерадѣнію или небрежности, ибо не дѣлаемъ прилежно дѣла Божія и не любимъ его, какъ дѣло въ собственномъ смыслѣ, но презираемъ какъ ненужное и тяжелое; потому остаемся безъ успѣха, или возвращаемся много разъ и назадъ, какъ возвратившіеся нѣкогда, которые *ктому не дождаху со Іисусомъ* (Іоан. 6, 66). Хотя, говоритъ Златоустъ, слово и не было *жестокое*, какъ они думали, но о догматахъ было имъ сказано тогда. Однако гдѣ нѣтъ произволенія и нѣтъ старанія, тамъ и легкое дѣлается труднымъ, какъ и на оборотъ.

О назиданіи души добродѣтелями.

Всякій человѣкъ, говоритъ Великій Василій, прежде всего имѣетъ нужду въ терпѣніи, какъ земля въ дождѣ, для того, чтобы, по слову Апостола, положить на немъ основаніе (Евр. 6, 7), т. е. вѣру, и мало по малу разсужденіе, какъ искусный домостроитель созидаетъ домъ души: постоянно кладетъ известъ изъ земли смиренія, чтобы соединить камень съ камнемъ, т. е. добродѣтель съ добродѣтелью, пока не положится кровля, т. е. совершенная любовь. И такъ входитъ Владыка дома и обитаетъ въ душѣ, если она имѣетъ хорошихъ привратниковъ, всегда держащихъ оружіе, т. е. свѣтлыя мысли, подобающія Богу, и дѣланія боголѣпныя, которыя могутъ успо-

контъ Царя, а не жену привратницу съ рукодѣльемъ въ рукахъ, какъ говоритъ св. Нилъ, толкуя Исторію Ветхаго (Завѣта), потому, говоритъ, и не поставилъ патриархъ Авраамъ жену привратницею, но нѣкоторый мужественный и жестокий помысль, имѣющій оружіе, какъ говоритъ Апостоль, вмѣстѣ съ прочими и *мечъ духовный, иже есть глаголь Божій* (Еф. 6, 17), чтобы приходящихъ къ нему или убивать или отгонять. Ибо онъ не дремлетъ, но стоитъ, убивая чуждые помыслы, противоположнымъ имъ дѣланіемъ и противорѣчившимъ словомъ: все, входящее въ сердце вопреки намѣренію Божію, онъ отражаетъ презрѣніемъ и отверженіемъ, чтобы просвѣщенный (благодатію) умъ никакъ не былъ празднымъ отъ вѣдѣнія о Богѣ и Божественныхъ мыслей. Но сказанное мною, говорить, есть дѣло безмолвія. Какъ и въ другомъ мѣстѣ находимъ, что св. Нилъ приводитъ Божественное Писаніе, пзъясня, что суетныя заботы¹⁾ наводятъ помраченіе ума. Да и по-истинѣ (такъ). Если бы умъ не былъ отвсюду удерживаемъ, какъ вода въ трубѣ, то не могла бы мысль сосредоточиться въ себѣ, для того, чтобы возвыситься къ Богу, а не возвысившись умомъ и не вкусивъ нѣчто изъ горняго, какъ возмозетъ кто-либо легко презирать долнее? И такъ вѣрою должны мы *тщн*, по слову Апостола

¹⁾ περισπασμός.

(Евр. 12, 1), съ терпѣніемъ, имѣя своимъ дѣломъ то самое, чтобы благодарить Бога. И со временемъ хорошо *текущіе* могутъ отчасти познать это и постигнуть, а потомъ и все въ будущемъ, *разрѣшившись зеркаломъ* (1 Кор. 13, 12) этой тлѣнной жизни, гдѣ душа уже не похотѣваетъ на плоть, и плоть на духъ (Галат. 5, 17), и лѣность не можетъ болѣе нанести забвенія, а забвеніе—невѣдѣнія; чѣмъ многіе изъ насъ нынѣ страдаютъ; такъ что надобно и писать для напоминанія. Много разъ бывало со мною, что самодвижно приходила мысль и я записывалъ ее для памяти, а (потомъ) во время брани имѣлъ отъ нея помощь, или облегченіе, или была она поводомъ къ благодаренію, когда была засвидѣтельствована Божественнымъ Писаніемъ. А если бы я вознерадѣлъ объ этомъ, мысли не было бы, когда я имѣлъ въ ней нужду, и я лишился бы пользы ея, по всезлобнѣйшему забвенію. Потому и должны мы дѣломъ научиться добродѣтелямъ, чтобы привычкою къ нимъ сохранялась память о благомъ, а не словомъ только, *не въ словесахъ бо*, говоритъ Апостоль, *царство Божіе, но въ силѣ* (1 Кор. 4, 20). Кто шцетъ дѣломъ, тотъ знаетъ потерю и приобрѣтеніе въ дѣлѣ, которое онъ проходитъ, говоритъ св. Исаакъ, и таковой можетъ дать и другимъ совѣтъ, какъ много разъ пострадавшій и познавшій на опытъ. Ибо есть, говоритъ, вещи, которыя кажутся хорошими, но имѣють

сокрытую въ себѣ, неизбежную потерю, и есть другія, кажущіяся лукавыми, но внутри себя заключаютъ онѣ величайшее приобрѣтеніе; потому, говорить (св. Псаакъ), не всякій человѣкъ достаточно дать совѣтъ ищущимъ, но получившій отъ Бога дарованіе разсужденія и отъ долговременнаго пребыванія въ подвижничествѣ прибрѣтшій умъ проникательный, какъ говоритъ святой Максимъ. И то (надобно) съ большимъ смиреніемъ совѣтовать не всѣмъ, но добровольно ищущимъ и не принужденно вопрошающимъ его, и (говорить) какъ бы самъ еще учился, чтобы чрезъ смиреніе и добровольное прошеніе вопрошающаго, слово напечатѣлось въ душѣ слушающаго: и согрѣтъ былъ онъ вѣрою, видя благаго совѣтника, какъ чуднаго Того Совѣтника, о которомъ сказалъ пророкъ Исаія: *Бога крѣпкаго, влчстителя* и проч. (Ис. 9, 6) говорю же, Господа нашего Іисуса Христа, сказавшаго къ тому злорѣчившему: *кто Мя постави судію или дѣлителя надъ вами* (Лук. 12, 14), хотя, говорить, и *весь судъ даде Сынови Отцу* (Іоан. 5, 22), но, показывая намъ какъ во всемъ, такъ и въ этомъ пути спасенія Святымъ Своимъ смиреніемъ, что Онъ не принуждаетъ, но говорить: *еще кто хочетъ по Мнѣ идти, да отвержется себе и послѣдуетъ Ми* (Матѣ. 16, 24), т. е. пусть вовсе не имѣетъ заботы о своей жизни, но какъ Я дѣлаю, и терплю чувственную и добровольную смерть за

всѣхъ, такъ и тотъ дѣломъ и словомъ да послѣдуетъ Мнѣ, подобно апостоламъ и мученикамъ; если же не такъ, то хотя по произволенію да потерпитъ смерть. И опять къ богатому тому сказалъ: *еще хочешь сохранити быти, иди продаждь имѣніе твое* (Матѣ. 19, 21) и проч., о которомъ Великій Василій говоритъ, что онъ солгалъ, сказавъ, что сохранилъ заповѣди, ибо если бы сохранялъ ихъ, то не прибрѣлъ бы большаго имѣнія, когда Законъ говоритъ во-первыхъ: *возлюбими Господа Бога твоего отъ всея души твоея* (Втор. 6, 5). Но изреченіе *отъ всея души* не дозволяетъ любящему Бога любить что-либо иное, и кто печалится о чемъ-либо иномъ, тотъ уже отвергаетъ оное (изреченіе). Опять сказано: *возлюбими ближняго твоего, яко самъ себе* (Матѣ. 22, 39), т. е. всякаго человѣка. Можетъ ли быть исполнителемъ сего тотъ, кто имѣетъ многое имѣніе, тогда какъ многіе другіе нуждаются въ дневной нищѣ; особенно же имѣетъ пристрастно; если бы онъ имѣлъ ихъ какъ Авраамъ, Іовъ и прочіе праведники, какъ достояніе Божіе, то не отошелъ бы со скорбію. Подобно этому и св. Златоустъ говоритъ: повѣрилъ, что сказанное ему Господомъ есть истина, потому и отошелъ скорбь, не въ силахъ будучи исполнить. Ибо много есть такихъ, которые вѣруютъ словамъ Писанія, но изнемогаютъ въ исполненіи написаннаго.

О томъ, что любовь и совѣтъ со смиреніемъ
есть великое благо.

Господь совѣтуетъ намъ сіе и другое большее
сего; какъ находимъ въ Св. Писаніи, подобно и апо-
столы пишутъ: молимъ васъ, возлюбленные, дѣлайте
то и то, а мы не принимаемъ ищущихъ отъ насъ
совѣта, чтобы утѣшить ихъ, дабы они видя, что мы
смиряемся и почитаемъ ихъ, съ радостію слушали
насъ и получали удостовѣреніе¹⁾; потому что съ ве-
ликою любовію и смиреніемъ говоримъ имъ слово Св.
Писанія; и чтобы ради почитанія и любви, которыя имъ
оказываемъ, они постарались и приняли отъ насъ
вмѣстѣ съ симъ и трудное, и оно показалось имъ
легкимъ по любви. Какъ св. Апостолъ Петръ, слы-
ша много разъ о крестѣ и смерти, радовался и, по-
видимому, какъ бы ничего такого не слыхалъ по
любви, какую онъ пріобрѣлъ къ Учителю; и вовсе
не заботился онъ о чудесахъ, какъ невѣрные, но гово-
рилъ: *глаголы живота вѣчнаго имамъ* и проч. (Іоан.
6, 68). Не такъ Іуда, дважды умершій: удавился и
не умеръ; но пожилъ еще въ нераскаяніи и забо-
лѣвъ тяжело *просидѣлъ посреди* (Дѣян. 1, 18), какъ
говоритъ апостолъ Петръ въ Дѣяніяхъ Апостоль-
скихъ. И опять святой Апостолъ Павелъ, пиша къ

¹⁾ *πληροφρον*, въ слав. извѣщеніе.

братіи, иногда говорить: *желающе благоволихомъ по-
дати вамъ не точію благоустройство Божіе, но и души
своя* (1 Сол. 2, 8); иногда же: *себе же самихъ рабовъ
вамъ Іисуса Господа ради* (2 Кор. 4, 5); и опять, пиша
къ Тимофею, говорить, чтобы онъ имѣлъ *старцевъ
якоже отцевъ, юности яко братію* (1 Тим. 5, 1). И кто
можетъ понять смиреніе Святыхъ и теплѣйшую лю-
бовь, которую они имѣли къ Богу и ближнему? Од-
нако не къ сему только должны мы быть вниматель-
ны, но и—кому мы говоримъ или пишемъ. Желая-
щій научить другаго, или подать ему совѣтъ, ско-
рѣе же напоминаніе, какъ говоритъ Мѣстичникъ,
долженъ сперва очиститься отъ страстей, чтобы не-
ложно познать намѣреніе Божіе и устроеніе того,
кто ищетъ отъ него слова. Ибо не вѣзмъ прилично
одно и то же врачевство, хотя болѣзнь можетъ быть
и одна. Потомъ надобно удостовѣриться отъ прося-
щаго совѣта, или разъ навсегда повинующагося ему
душею и тѣломъ, по собственному ли желанію про-
ситъ онъ, съ теплою вѣрою, и ищетъ слова, безъ
вопроса учителя, или другая какая-либо потребность
вынуждаетъ его лицемѣрить, какъ будто онъ хочетъ
слышать слово; чтобы обоимъ не уклониться въ ложь
и многословіе, лукавство и многое другое. И одинъ,
какъ бы вынуждаемый тѣмъ, кто его учитъ, гово-
рить безъ произволенія и лжетъ изъ стыда и лице-
мѣрить, какъ бы желая дѣлать доброе, а другой

лукавить и ласкаетъ учимаго имъ, чтобы постигнуть скрытое въ его мысли, и просто: употребляетъ всякую хитрость и многословіе, но какъ Соломонъ говоритъ: *отъ многословія не избавитъ грѣха* (Притч. 10, 19). И Великій Василій написалъ, какія (происходятъ отъ) сего согрѣшенія. Но это сказано не для того, чтобы мы отрекались учить приходящихъ къ намъ въ подчиненіе, съ твердою вѣрою, особенно же безстрастно расположенные¹⁾; но чтобы дерзко, по тщеславію не учили тѣхъ, которые не ради дѣла и не съ теплою вѣрою хотятъ слышать, когда мы сами еще страстные, и не дѣлали сего властительно. Но какъ сказали Отцы: безъ вопрошенія братіи не должно говорить чего-либо для пользы, чтобы доброе было по (свободному) произволению, какъ говорятъ Апостолы: *не яко обладающе притчу, но образъ бывайте стаду* и проч. (1 Петр. 5, 3). И къ св. Тимоѳею Апостолъ сказалъ: *дѣлательно прежде подобаетъ отъ плода вкусити* (2 Тим. 2, 6), т. е. напоминая о дѣланіи тому, которому должно учить. И опять: *никтоже о юности твоей да нерадитъ* (1 Тим. 4, 12), т. е.: отнюдь не дѣлай чего-либо юношескаго, но поступаай какъ совершенный о Христѣ. Подобно сему и въ Старчествахъ²⁾ сказано, что безъ вопрошенія братіи Отцы не говорили

служащаго къ спасенію души, но считали это за празднословіе. И поистиннѣ такъ, ибо когда мы думаемъ, что больше знаемъ нежели другой, тогда мы сами по себѣ произносимъ слово: и на сколько мы подлежимъ отвѣтственности, на столько думаемъ, что имѣемъ свободу. Какъ святые на сколько приближаются къ Богу, на столько видятъ себя грѣшными, какъ говоритъ св. Дороѳей¹⁾; и достигшіе познанія о Богѣ приходятъ въ ужасъ и въ недоумѣніе. Подобно сему и ангелы отъ безконечнаго веселія и ужаса не могутъ насытиться славословіемъ, и потому, что удостоились воспѣвать такого Владыку, непрестанно воспѣваютъ, удивляясь бывающему отъ Него, какъ говоритъ Златоустъ, и преуспѣвая въ большее познаніе, какъ сказалъ Богословъ; подобно сему и всѣ Святые въ нынѣшнемъ вѣкѣ и въ будущемъ. И какъ Умныя Силы преподаютъ просвѣщеніе другъ другу, такъ и словесные другъ отъ друга научаются; нѣкоторые, получая опытъ изъ Божественныхъ Писаній, учатъ низшихъ; а нѣкоторые, мысленно учимые Святымъ Духомъ, открытыя имъ тайны объявляютъ другимъ чрезъ Писаніе. Посему всѣ мы должны смиряться передъ Богомъ и другъ передъ другомъ, какъ получившіе отъ Бога бытіе и все остальное и

¹⁾ διακρίματα, въ слав. пребывающіе.

²⁾ τῶ Γερουσιακῶν λέγει.

¹⁾ Преподобнаго аввы Дороѳея, поученіе 2-е, стран. 44-я, изд. 1-е. Москва. 1856.

чрезъ то познаніе другъ отъ друга. Имѣющій смиреніе болѣе просвѣщается, а не хотящій смириться пребываетъ во тьмѣ, какъ бывшій прежде Денница и послѣ діаволь. Ибо онъ былъ прежде изъ высшаго чина Умныхъ Силъ, т. е. десятаго, изъ высочайшаго чина, предстоящаго страшному престолу, и перваго отъ земли; но за возношеніе сдѣлался съ послушавшими его ниже не только девяти чиновъ, но и насъ земныхъ, и подъ пренеподнюю въ тартаръ низвергнутъ былъ за неразуміе. Потому много разъ было сказано, что и безъ другаго грѣха (одной) гордости достаточно, чтобы погубить душу. Кто считаетъ свои согрѣшенія малыми, говоритъ св. Исаакъ, тому попускается впасть въ большія. И получившій отъ Бога даръ, но неблагодарный, лишается его, потому что сдѣлалъ себя недостойнымъ Божьяго дара, какъ говоритъ Великій Василій; ибо благодареніе ходатайствуетъ о насъ. Но да не будетъ благодареніе (наше) какъ того Фарисея (Лук. 18, 11), осуждающее другихъ и оправдывающее себя; но скорѣе какъ болѣе всѣхъ находящееся въ долгу, и по недоумѣнію благодарящее, и съ ужасомъ разсматривающее неизреченное долготерпѣніе Божіе. И не только это, но и удивляться надобно тому, какъ пренѣтый Богъ, ни въ чемъ не имѣющій нужды, принимаетъ благодареніе отъ насъ, всегда Его прогнѣвляющихъ и прегорчающихъ, при столькихъ и толкихъ благодаря-

ніяхъ Его, общихъ и особенныхъ, о коихъ писалъ Григорій Богословъ и другіе Отцы, не только тѣлесныхъ, но и душевныхъ, многообразныхъ и безчисленныхъ. Одно изъ нихъ есть и то, что нѣкоторыя мѣста въ Божественныхъ Писаніяхъ явны и удобопостижимы, а другія нѣкоторымъ неявны и неудобопостижимы, чтобы тѣмъ нерадивыхъ привлечь къ вѣрѣ и къ изысканію остальнаго, и чтобы отъ непониманія мы не впади въ отчаяніе и невѣріе. Сми же (непонятными предохраняетъ насъ), чтобы мы не подпали большому осужденію, презирая понятое слово; но чтобы добровольно трудящіеся и желающіе дѣломъ уразумѣть неясное, получали за то похвалу, какъ говоритъ Златоустъ.

О томъ, что частое напоминаніе Божественнаго писанія не есть многословіе.

И опять одно и тоже изреченіе много разъ встрѣчается въ Божественномъ Писаніи; однако это не есть многословіе, но для того (сдѣлано), чтобы частымъ напоминаніемъ и весьма лѣпныхъ въ слуханіи, съ удивленіемъ, челоуколюбиво привести къ памятованію и пониманію говоримаго, и чтобы слово не прошло скоро мимо ушей, по краткости встрѣтившагося изреченія, особенно когда мы заняты бываемъ житейскими вещами, ничего не зная даже и *отчасти*. Ибо *отчасти*, говоритъ Златоустъ, не есть цѣлая часть, по

часть части. Оно *упразднится*, не истребится и не уничтожится вовсе, ибо если бы мы не имѣли знанія, то не были бы и людьми; но *упразднится* (вѣдѣніе) отчасти отъ (видѣнія) *знаніемъ къ мѣру*, какъ возрастъ младенца, при переходѣ въ возрастъ мужа, что сказалъ и самъ Апостолъ, изъясняя слово свое притчею о младенцѣ (1 Кор. 13, 10, 11). Какъ снова говорить Златоустъ: теперь мы знаемъ, что есть небо, но не знаемъ, каково оно; тогда же *упразднится* меньшее при большемъ, т. е. знаніе паше, (мы будемъ знать) и каково оно, ибо знаніе возрастаетъ. Въ Божественныхъ Писаніяхъ находятся многія тайны сокрытыми и мы не знаемъ намѣренія Божія, въ произносимомъ нами. Но не возносись, по неразумію, говорить Богословъ, надъ нашимъ благоразуміемъ, порицая слова. Неразумно и невѣжественно обращать вниманіе на слова, а не на силу намѣренія, говоритъ Великій Діонисій. Когда же кто-либо поищетъ блаженнымъ плачемъ, тогда находитъ: ибо въ этомъ состоитъ дѣланіе страха, чрезъ которое бываетъ откровеніе тайнъ. Вотъ (напримѣръ) Пророкъ Исаія говоритъ: *мертвіи же живота не имутъ видѣти* (Ис. 26, 14); и опять: *воскреснутъ мертвіи*: но это не есть разногласіе, какъ думаютъ не знающіе смысла, какъ сказано было о созерцаніи Божественнаго Писанія. О идолахъ язычниковъ сказалъ (Пророкъ): *живота не имутъ видѣти*, потому что они бездушны. А *воскреснутъ мертвіи*,

пророчествуя о общемъ воскресеніи и веселіи праведныхъ, и не только объ этомъ, но и о воскресеніи умершихъ со Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ. Также и въ св. Евангеліи о преображеніи Самого Господа говорятъ Евангелисты, одинъ: *убо и по шести дняхъ*, другой же: *и по осми*, т. е. съ предшествовавшимъ чудотвореніемъ и ученіемъ Господнимъ (Марк. 9, 2). Но одинъ говоритъ, опуская первый и послѣдній день, о среднѣ ихъ, называя шесть; другой же, присоединивъ и тотъ и этотъ, говоритъ восемь (Лук. 9, 28). И опять Богословъ Іоаннъ, въ святомъ Евангеліи своемъ, въ двухъ мѣстахъ говоритъ, въ первомъ: *мнози же и ни знаменія сотвори Іисусъ предъ ученики Своими, яже не суть писани въ книгахъ сихъ* и проч. (Іоан. 20, 30), и въ другомъ: *суть же и ни мнози, яже сотвори Іисусъ* (Іоан. 21, 25), и не говоритъ *предъ ученики Своими*. О чемъ писалъ св. Прохоръ, написавшій и то и другое; что первое Евангелистъ говоритъ о чудесахъ и о прочемъ, что содѣлалъ Господь, чего не написалъ (самъ Богословъ), ибо оно уже прежде было написано другими Евангелистами, потому и прибавилъ *предъ ученики Своими*; другое же изреченіе—о сотвореніи міра, когда безтѣлесно было Слово Божіе, съ Которымъ Отецъ все создалъ изъ ничего, сказавъ: *да будетъ сіе и бысть* (Быт. 1), *яже иже бы по единому писана быша*, говоритъ Богословъ, и проч. (Іоан. 21,

25). И просто: всякое писаніе и всякое слово Божіе, или какого-либо (Святаго заключаетъ въ себѣ скрытое намѣреніе (касательно) чувственныхъ или мысленныхъ твореній, и не только это, но и всякое человѣческое слово также. И никто не знаетъ смысла, встрѣтившагося изреченія, иначе какъ по откровенію. Какъ Господь говоритъ о вѣтрѣ: *духъ, иже хочетъ, дышетъ* и проч. (Іоан. 3, 8), о чемъ Златоустъ сказалъ: не потому чтобы воздухъ имѣлъ власть, говоритъ Христосъ: *иже хочетъ*, но снисходя немощи Никодима, указываетъ на вѣтеръ, дабы (Никодимъ) понялъ говоримое ему. И притчею о воздухѣ сказалъ о Святомъ Духѣ, т. е. о словѣ, которое говорилъ ему (Никодиму) и нѣкоторымъ другимъ,—(глаголы) *яже глаголю вамъ, духъ суть* (Іоан. 6, 63), т. е. духовное, а не какъ вы думаете; ибо не о тѣлесныхъ вещахъ говорю Я, чтобы вы, будучи тѣлесными, могли понять это. Потому говоритъ Дамаскинъ, если кто-либо не услышитъ отъ самаго сказавшаго слово, съ какимъ намѣреніемъ оно сказано, то не можетъ сказать: знаю намѣреніе, съ которымъ онъ это сказалъ. Какъ же осмѣлится кто-либо сказать, что знаетъ намѣреніе Божіе, сокрытое въ Святыхъ Писаніяхъ, безъ откровенія Сына Его? Когда Самъ Христосъ сказалъ: *емуже еще волитъ Сынъ открыть* (Матѣ. 11, 27), т. е. тому, кто имѣетъ произволеніе получить отъ Него мысленно, чрезъ соблюденіе Бо-

жественныхъ Его заповѣдей, безъ которыхъ говорящій, что онъ знаетъ,—обманывается, ибо онъ говоритъ гадательно, а не поистиннѣ научился отъ Бога, сказалъ Лѣтвичникъ, хотя по самомнѣнію и хвалится безмѣрно. Къ такому говоритъ Богословъ иногда: о ты, любомудрѣйшій, и проч., а иногда: о ты, книжникъ, порицаая возношеніе, вслѣдствіе котораго таковой неразумно думаетъ, что имѣетъ что-либо. Но и самое то, что онъ думаетъ имѣть, *взято будетъ отъ него*, потому что не захотѣлъ онъ сказать: не знаю, какъ и всѣ Святые; чтобы чрезъ смиреніе (неполнцось на немъ) *дано будетъ ему и презбудетъ* (Матѣ. 13, 12), подобно тѣмъ, которые, и зная, говорили, что ничего не знаютъ, какъ пишетъ Златоустъ. Ибо Апостоль не сказалъ, *не у что разумъ* (1 Кор. 8, 2), но не уразумѣлъ, *якоже подобаетъ разумати*, а потому хотя и знаетъ, но не *якоже подобаетъ*.

Изъясненіе ¹⁾ о лжеименномъ знаніи.

Таково лжеименное знаніе, оно думаетъ, что знаетъ то, чего никогда не знало. И оно хуже совершеннаго невѣдѣнія, говоритъ Златоустъ, потому что не принимаетъ исправленія отъ какого-либо учителя, но наихудшее невѣдѣніе считаетъ себя хорошимъ. Потому Отцы и говорятъ, что мы должны

¹⁾ ἐγλωτίζω

съ трудомъ и смиреніемъ, съ совѣтомъ опытныхъ, измысливать изложенное въ писаніяхъ и научиться болѣе дѣломъ нежели словомъ: умолчаннаго же Божественными Писаніями отнюдь не испытывать; ибо это безумно, какъ говоритъ Великій Антоній о тѣхъ, которые ищутъ предузнавать будущее, а не скорѣе отрицаются сего, какъ недостойные. Хотя можетъ быть и по промыслу Божию, это бываетъ, какъ было на Навуходоносорѣ (Дан. 4) и древнемъ Валаамѣ (Числ. 22) и служило къ общей пользѣ, хотя они и недостойны были, а не отъ демоновъ, и особенно когда такіа предсказанія бываютъ чрезъ сновидѣнія и нѣкоторыя явленія; однако объ этомъ намъ не сказано, для того, чтобы мы тѣлеснымъ и нравственнымъ дѣланіемъ испытывали Писанія, по заповѣдмъ Господней (Іоан. 5, 39), и находили жизнь вѣчную; но не словомъ только искали, и по самоиѣнію полагали, что понимаемъ нѣчто, особенно же сокрытое отъ насъ, для большаго смиренія, и для того, чтобы мы не были осуждены, какъ преступающіе въ вѣдѣніи. Ибо если умъ, сподобившійся приобрѣсти знаніе, не подвизается о поученіи въ Божественныхъ Писаніяхъ и дарованныхъ ему познаніяхъ, и не упражняется въ этомъ много, во вниманіи со смиреніемъ и страхомъ Божиимъ, то какъ недостойный дарованнаго ему Богомъ, съ угрозою лишаемъ бываетъ знанія, какъ Саулъ царства, говоритъ св. Макарий. А упраж-

няющійся и подвизающійся, говорить, долженъ, подобно Давиду (2 Цар. 12), всегда молиться и взывать: *сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей* (Псал. 50, 12), чтобы сдѣлаться достойнымъ наитія Его, какъ нѣкогда апостолы получили благодать въ третій часъ дня (Дѣян. 2, 15), по сказанному въ Дѣяніяхъ: *есть бо часъ третій дне*, а день тотъ былъ воскресный, какъ говоритъ Божественный Лука. Ибо Пятидесятница есть седьмое Воскресенье, отъ того, въ которое бываетъ называемая по-еврейски Фаска, а по-гречески значитъ это переходъ, свобода. Воскресенье, которое бываетъ по прошествіи пятидесяти дней, называется Пятидесятницею, какъ завершеніе всѣхъ дней, находящихся въ срединѣ, и Пасха пятидесяти дней по Закону. Какъ и св. Іоаннъ Богословъ, въ своемъ Евангеліи, говоритъ: *въ послѣдній день великій праздника*; (Іоан. 7, 37) ибо тогда было отданіе праздника Пасхи. Тройственный изъ часовъ получилъ въ наслѣдіе благодать, говоритъ Дамаскинъ и проч., т. е. въ третій часъ, но въ единый день Господень¹⁾, говоритъ, чтобы научить насъ почитать трп. Лица въ простотѣ власти, т. е. единого Божества, ибо воскресеніе²⁾ называется единымъ днемъ седмицы, а не

¹⁾ Κυρία τῶν ἡμερῶν.

²⁾ Κυριακή.

первымъ, какъ говоритъ Златоустъ. Божественное Писаніе отдѣляетъ сей день (отъ прочихъ) и ветхое— пророчествуя о немъ, называетъ его не по порядку исчисления, какъ второй день и прочіе, ибо если бы не отдѣляло оно сей день, то называло бы его первымъ; но потому онъ и называется *единою отъ субботъ*. т. е. изъ седмицы. Въ новой же благодати воскресеньемъ называется этотъ святой и славный день, ибо въ сей день совершились особенныя и свойственныя Владыкѣ дѣла, какъ-то: Благовѣщеніе, и Рождество Господа и Воскресеніе Его, да и общее воскресеніе мертвыхъ будетъ. Въ этотъ день, говоритъ Дамаскинъ, сотворенъ былъ Богомъ чувственный свѣтъ, и въ тотъ же день опять будетъ пришествіе Господне, чтобы на безконечныя вѣки остался одинъ тотъ день—осьмой, сущій внѣ семи вѣковъ этихъ, имѣющихъ дни и ночи. Но такъ какъ мы удостоились узнать отъ Святыхъ цѣль таковыхъ дѣлъ, то познаемъ и цѣль cadaго предпріятія настоящаго слова съ начала его, свыше. То, что однажды упомянуты (въ немъ) наименованія книгъ и Святыхъ, сдѣлано для того, чтобы мы всегда вспоминали слова ихъ и соревновали ихъ жизни, какъ говоритъ Великій Василій, и для познанія невѣдущимъ. Знающій пусть вспоминаетъ, а не знающій сего пусть поищетъ упомянутую книгу. Потомъ наименованіе Святаго, или подлежащее Писаніе его расположены

по мѣстамъ, для частаго напоминанія, чтобы по малымъ изреченіямъ мы вспоминали дѣла и слова cadaго изъ нихъ, и—къ уразумѣнію слѣдующаго въ каждомъ изреченіи Божественнаго Писанія, или разсужденій учителя, и для благаго совѣта, и (въ доказательство того) что не мое то, что я говорю, но изъ Божественныхъ Писаній: (также) для того, чтобы удивляться неизреченному человѣколюбію Божію и разсматривать его, какъ чрезъ бумагу и чернила Богъ устроилъ спасеніе нашихъ душъ и даровалъ намъ столько Писаній и учителей православной вѣры. И какъ я, будучи невѣждою и нерадивымъ, сподобился пройти столько Писаній, не имѣя вовсе своей собственной книги, или чегонибудь другаго, но всегда бывъ странникомъ и бѣднымъ, хотя и жилъ я, во всякомъ покоѣ и безпечительности, со многими наслажденіемъ тѣлеснымъ. Нѣкоторыя (изреченія) остались и безыменными, но это произошло отъ моего невниманія, и для того,—чтобы не продолжилось слово. Вопросы и разрѣшенія дѣлъ общихъ положены—для знанія и благодаренія Даровавшему Святыхъ Отцамъ нашимъ вѣдѣніе и разсужденіе, а чрезъ нихъ и намъ недостойнымъ и къ порицанію намъ (себя) самихъ немощныхъ и незнающихъ. Сказано было и о праведныхъ, которые въ древности спаслись, при великомъ богатствѣ и среди грѣшниковъ и невѣровавшихъ людей: хотя они были

люди того же самаго естества, какъ и мы, нежелающіе достигнуть мѣры совершенства, хотя мы и получили многій опытъ и познаніе въ добромъ и худомъ, ибо научились и тому, что они знали, и сподобились большей благодати и толикаго познанія Писаній. Объ иноческихъ нашихъ дѣланіяхъ (было сказано) дабы мы знали, что вездѣ можемъ спастись, если оставимъ свои хотѣнія; если же не сдѣлаемъ этого, то не будемъ имѣть покоя, и не можемъ познать и исполнять Божественной воли. Ибо наша собственная воля есть преграда, отдѣляющая насъ отъ Бога, и если не разрушится преграда, то мы не можемъ познать и исполнять угоднаго Богу, но находимся внѣ этого, и бываемъ насилуемы врагами по неволѣ, и не хотя. И что безмолвіе выше всего, и безъ него мы не можемъ очиститься и познать нашу немощь и козни демоновъ. Но и силу и промысль Божію не успѣемъ познать изъ читаемыхъ и воспѣваемыхъ (нами) Божественныхъ словъ; ибо всѣ мы люди имѣемъ нужду въ такомъ упраздненіи (безмолвіи), или отчасти, или вполнѣ, и безъ него никому невозможно достигнуть духовнаго познанія и смиренномудрія, чрезъ которыя познаетъ произволяющій тайны, сокровенныя въ Божественныхъ Писаніяхъ и во всѣхъ твореніяхъ. И что не должно употреблять вещь или слово, или начинаніе или разумѣніе безъ необходимой потребности—душевной

и спасительной, или для тѣлесной жизни. И что безъ разсужденія и кажущееся добрымъ непріятно Богу. Но и благое дѣланіе безъ праваго намѣренія не можетъ принести пользы. Прежде написанные тропари—для уразумѣнія ихъ и другихъ Писаній, и—чтобы умилялись тѣ, которыхъ умъ еще немощенъ, какъ говоритъ Лѣтвичникъ. Иѣніе, говоритъ Великій Василій, привлекаетъ мысль человека, къ чему хочетъ, или къ плачу, или къ любви, или къ печали, или къ веселію. И—(потому) что мы должны *испытывать Писанія*, по заповѣди Господней, *да обрящемъ въ нихъ животъ вѣчный* (Іоан. 5, 39) и быть внимательными къ смыслу псалмовъ, и тропарей, и—чтобы познать намъ въ полномъ сознаніи, что мы не знаемъ. Ибо если кто либо, говоритъ Великій Василій, не получить познанія, то не знаетъ, чего онъ лишается. О рожденіи добродѣтелей и страстей написано для опыта и познанія, чтобы зналъ о нихъ (читающій) и подвизался о рождающихъ ихъ: нѣкоторыя изъ нихъ пріобрѣсть, нѣкоторыя оставить и нѣкоторыя побѣждать противоположнымъ дѣланіемъ. И что тѣлесныя дѣянія мы должны, подобно растеніямъ, разъ навсегда соблюдать чрезъ трудъ; къ душевнымъ же добродѣтелямъ быть всегда внимательными и поучаться, какъ пріобрѣсти каждую изъ нихъ; и изъ Божественныхъ Писаній и отъ Святыхъ мужей научиться сему, и тщательно сохранять это дѣ-

ланиемъ, съ болѣзнованіемъ души, какъ сокровище, пока не придемъ въ навыкъ, подлежащій добродѣтели. И такъ старательно начнемъ другую, какъ говоритъ Великій Василій, чтобы, устремляясь ко всѣмъ вдругъ, не изнемочь намъ, можетъ быть. Но начнемъ съ терпѣнія всего, насъ постигающаго, и такъ пойдемъ съ благою силою къ прочимъ, съ полнымъ желаніемъ, имѣя намѣреніемъ—благоугодить Богу. Всѣ мы, какъ христіане, должны соблюдать заповѣди, ибо не тѣлесный трудъ нуженъ намъ для приобрѣтенія душевныхъ добродѣтелей, но только произволеніе и усердіе къ полученію дара, какъ говорятъ: Великій Василій, Григорій Богословъ и другіе, однако чрезъ тѣлесныя дѣланія это бываетъ удобнѣе, особенно для безмолвствующихъ, по ихъ беспечительному образу жизни и незаботливости ни о чемъ, ибо не можетъ человѣкъ видѣть своего права и исправлять его, если не будетъ имѣть свободы (отъ заботъ) и не позаботится о себѣ. Потому долженъ кто либо сперва приобрѣсти безстрастіе удаленіемъ отъ вещей и отъ людей, и тогда, если призванъ будетъ, по времени, начальствовать другими и устроить дѣла безъ осужденія и вреда (для себя); отъ навыка въ безпристрастіи, придя въ совершенное безстрастіе. Особенно же, говоритъ Дамаскинъ, если получилъ призваніе отъ Бога, какъ Моисей, Самуилъ и прочіе пророки и святые апостолы, для

спасенія многихъ. И не только, говоритъ, это, но должно и отрицаться, подобно Моисею, Аввакуму, Григорію Богослову и другимъ. И какъ св. Прохоръ сказалъ о св. Іоаннѣ Богословѣ, что онъ не пожелалъ оставить любимое имъ безмолвіе, хотя и долгу имѣлъ не безмолвствовать, но проповѣдывать, какъ апостоль. И не какъ страстный удалился онъ въ безмолвіе, будучи безстрастнѣйшимъ,—вовсе нѣтъ, но не желая отлучиться отъ вѣдѣнія о Богѣ и лишиться когда либо сладости безмолвія. Другіе опять, по смиренномудрію, будучи безстрастными, удалялись во внутреннія пустыни, боясь молвы, какъ великій Сисой¹⁾, когда ученикъ его звалъ къ покою, не послушалъ его, но сказалъ: пойдемъ туда, гдѣ нѣтъ людей; хотя онъ и достигъ такого безстрастія, что былъ илѣнникомъ любви къ Богу и сдѣлавшись отъ нея нечувственнымъ (къ земному) забывалъ, ѣлъ ли онъ или нѣтъ. И вкратцѣ: всѣ отсѣкали хотѣнія свои, во всякомъ безмолвіи, и такимъ образомъ, иные, бывъ учениками, поставляемы были учителями, для того, чтобы учить другихъ и принимать помыслы и начальствовать другими, или чрезъ архіерейство или чрезъ игуменство, получая въ мысленномъ чувствѣ печать отъ Св. Духа, наитіемъ Его.

¹⁾ См. Достопамятныя Сказанія о подвижничествѣ св. Отцевъ, стр. 248. Изд. 1. Москва. 1845 г.

Какъ святые апостолы, и прежде нихъ бывшіе Ааронъ, Мелхиседекъ и проч. Дамаскинъ говоритъ (о семь): кто покушается дерзко взойти на такую степень, тотъ бываетъ осужденъ; ибо если тѣ, которые безъ царскаго повелѣнія безстыдно занимаютъ должности, подвергаются великому осужденію, то на сколько большому осужденію подвергнутся тѣ, которые осмѣливаются (принимать) дарованія Божія безъ Его повелѣнія. И еще болѣе, если по неразумію и возношенію своему полагаютъ, что не подвергнутся осужденію за такое страшное начинаніе; или думаютъ проходить его ради чести и покоя, а не ради глубочайшаго скорѣе смиренія и (готовности) предавать себя на смерть за друзей и враговъ, когда позоветъ къ тому время; какъ дѣлали святые апостолы, когда учили другихъ, сами безстрастные и мудрые по превосходству. Если же мы не знаемъ и того самаго, что мы немощны и недостаточны, то что и говорить? Возношеніе и неразуміе ослѣпляетъ тѣхъ, которые не хотятъ въ упраздненіи себя видѣть свою немощь и неразуміе. Въ Старчествахъ сказано, что келлія инока есть пещь Вавилонская, въ которой три Отрока обрѣли Сына Божія. И еще: седи, говоритъ, въ келліи твоей и она всему тебя научить. И Господь говоритъ: *идѣже два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреди ихъ* (Матѣ. 18, 20). И Лѣствичникъ: *не уклонися*, говоритъ Соломонъ, *ни на десно, ни на шуе, но*

путемъ царскимъ шествоуй (Притч. 4, 27), т. е. безмолвствуя съ однимъ или съ двумя. Не одинъ въ пустынь, и не въ большомъ обществѣ. Средній изъ обоихъ путей многимъ, говоритъ, бываетъ полезенъ. И еще: постъ смиряетъ тѣло, бдѣніе просвѣщаетъ умъ, безмолвіе приносить плачь, плачь очищаетъ челоуѣка, омываетъ душу и дѣлаетъ ее безгрѣшною. Потому и написаны въ концѣ книги наименованія почти всѣхъ добродѣтелей и страстей, чтобы мы знали сколько добродѣтелей должны мы приобрѣсти, и сколько худого оплакивать. Ибо безъ плача не бываетъ очищенія, а плача нѣтъ во всегдашнемъ развлеченіи. И безъ очищенія души не бываетъ извѣщенія (въ спасеніи); безъ извѣщенія же—разлученіе души отъ тѣла бѣдственно; ибо неизвѣстное, говоритъ Лѣствичникъ, можетъ быть и невѣрно. Прежеописанныя восемь вѣдѣній не суть наши дѣланія, но возмездія за наши труды въ добродѣтеляхъ, и мы не должны приобрѣтати ихъ чрезъ чтеніе только, хотя и стремимся, по гордому усердію, какъ говоритъ Лѣствичникъ, къ совершеннѣйшимъ, т. е. четверемъ послѣднимъ, ибо онѣ небесны, а нечистый умъ не вмѣщаетъ такового. Но все наше стараніе мы должны обращать на тѣлесныя и душевныя добродѣтели, и такъ рождается въ насъ первая заповѣдь, то есть страхъ Божій. И когда пребываемъ въ немъ, рождается плачь, и когда мы получимъ навыкъ въ

одномъ вѣдѣніи, тогда благодать Божія, общая всѣхъ матеръ, какъ говоритъ святой Исаакъ, даруетъ намъ высшее того, пока мы не приобрѣтемъ въ себѣ семь вѣдѣній, (тогда) сподобить и осьмаго, которое есть дѣланіе будущаго (вѣка),—прилежно трудящихся въ добродѣтеляхъ, съ правымъ намѣреніемъ благоугожденія Богу. Мы же, когда сама собою придетъ намъ отъ Бога мысль, или первая, или какая либо, внезапно, безъ вѣдома нашего, должны тотчасъ оставлять всякое житейское попеченіе, часто и самое правило, и пришедшее духовное познаніе, и умиленіе, соблюдать какъ зѣницу ока, пока оно не оставитъ насъ промыслительно. И поучаться тогда въ написанныхъ изреченіяхъ страха и плача всегда, и прежде правила и послѣ его; когда мы свободны днемъ и ночью, или занимаясь рукодѣліемъ, будучи еще немощны и удобосклонны ко сну и лѣности, или праздные, могущіе пребывать въ непрестанномъ плачѣ и быть плѣняемы произносимыми изреченіями, и происходящими отъ того слезами; потому и написаны (сѣи изреченія), чтобы неопытные въ нихъ, подобные мнѣ, съ помощію сказаннаго, возбуждали умъ свой отъ лѣности, поученіемъ въ нихъ и вниманіемъ, а имѣющіе усердіе и опытъ, отъ навыка въ дѣланіи добродѣтелей, знаютъ гораздо болѣе сказаннаго; особенно же во время само собою приходящаго умиленія. Ибо великую силу имѣетъ такой часъ, большую нежели

умиленіе, происходящее отъ нашего дѣланія. Однако пусть никто не считаетъ себя дѣлателемъ такихъ дарованій, но скорѣе, какъ получившій превыше своего достоинства, онъ долженъ много благодарить и страшиться, чтобы не подпасть за нихъ большому осужденію,—что нисколько не потрудившись, онъ сподобился дѣланія ангельскаго. Ибо познаніе дается для поощренія ума и крѣпости для того, чтобы мы соблюдали заповѣди и воздѣлывали добродѣтели, и уразумѣли, какъ и для чего мы это дѣлаемъ, и что должно дѣлать и чего удаляться, чтобы не быть осужденными, и для того, чтобы окрыляемые познаніемъ, мы трудились съ радостію и получали большее вѣдѣніе и крѣпость къ дѣланію и веселіе, и при совершеніи сего (надъ нами), сподобились благодарить Подателя сего, зная откуда мы получили такіа блага. Благодаримый нами Онъ подаетъ намъ большія блага, и получивъ дары, мы болѣе возлюбимъ Его и любовію достигнемъ премудрости Божіей, начало которой есть страхъ Господень. (Ис. 116, 1. Притч. 1, 7). Дѣланіе страха, говоритъ святой Исаакъ, есть покаяніе, чрезъ которое бываетъ откровеніе тайнъ¹⁾. Въ мысляхъ же страха надобно поучаться такимъ образомъ: по окончаніи вечерняго молитвословія, должно произнести: Вѣрую, Отче нашъ,

¹⁾ Τὸν κρυπτὸν

и Господи помилуй много разъ, и потомъ дѣлатель садится лицомъ къ востоку, какъ плачущій надъ мертвецемъ, и, качая головою своею, съ болѣзнованіемъ души и стенаніемъ сердечнымъ, произноситъ прежденаписанныя изреченія подлежащаго познанія, начиная съ перваго, пока не достигнетъ молитвы, и тогда падаетъ на лице свое предъ Богомъ съ исповѣднымъ трепетомъ и молится: сперва благодареніемъ, потомъ исповѣдаясь, и прочими словами молитвы, какъ прежде было сказано. Ибо Великій¹⁾ Аѳанасій говоритъ: мы должны исповѣдаться въ согрѣшеніяхъ по невѣдѣнію, и въ тѣхъ, которыя мы сдѣлали бы, если бы благодать Божія не избавила насъ, чтобы не быть за нихъ истязанными въ часъ смерти. Также и другъ о другѣ должны мы молиться, по заповѣди Господней и апостольской. Намѣреніе произносимаго въ молитвѣ должно быть таково: благодареніе—о приносимой въ часъ сей благодарности, съ сознаниемъ ея недостаточности, и нерадѣніе въ другія времена, и—того что часъ сей есть благодать Божія. Исповѣданіе же изображаетъ дарованное намъ, и то что оно безмѣрно, и я не могъ всего познать, но и узнать не могъ, а только получилъ слухъ и то о нѣкоторыхъ (дарованіяхъ), но не о всѣхъ. И—что мы явно и неявно получаемъ благодѣянія и

¹⁾ Мѣтѣ, въ слав. «Святый».

(видимъ) неизреченное терпѣніе Его, при множествѣ грѣховъ нашихъ. И что я недостойнъ и того самаго, чтобы взирать горѣ, какъ дѣлалъ мытарь, и—не на иное что либо смѣю (надѣяться), какъ только на неизреченное человѣколюбіе Божіе, и повергаюсь предъ Нимъ, какъ Давидъ предъ ангеломъ Божіимъ, и какъ апостолы и другіе Отцы отъ всей души; но и это (считаю) дерзновеннымъ (съ моей стороны), потому что я недостойнъ такъ поступать. И высказываю вкратцѣ виды согрѣшеній моихъ, чтобы помнитъ ихъ и плакать о нихъ. Исповѣдаю свою немощь, *да придетъ на мя*, по слову Апостола (2 Кор. 12, 9), *сила Христова*, и чтобы было мнѣ прощено множество худыхъ дѣлъ моихъ, не смѣю просить о всѣхъ, но о большемъ числѣ худыхъ (дѣлъ) моихъ. И чтобы обуздано было во мнѣ все худое, и лукавая моя привычка. Какъ не могущій противостоятъ, прошу Всемогущаго, остановить стремленіе страстей и не попустить мнѣ согрѣшать предъ Нимъ, или предъ какимъ либо человѣкомъ, чтобы хотя чрезъ сіе получить мнѣ спасеніе, по благодати; и чтобы отъ памятованія (согрѣшеній) пріобрѣсти мнѣ болѣзнованіе души, и то чтобы молиться о другихъ, по слову Апостола (Іак. 5, 16), и—любовь ко всѣмъ. И перечисляю виды страстей, какъ насилуемый ими, и прибѣгаю ко Владыкѣ и къ умиленію. Молюсь и о тѣхъ, которыхъ я оскорбилъ, и которые меня оскор-

били, или имѣють оскорбить, какъ не желающій имѣть и сѣда злопамятства и боящійся въ то время своей немощи, чтобы не случилось, что я тогда не въ силахъ буду потерпѣть съ незлобіемъ, или молиться о нихъ, по заповѣди Господней (Матѣ. 5, 44. Лук. 6, 28). И потому, предупреждаю время, по слову св. Исаака: прежде недуга поищи врача, и прежде искушенія молись. (Молюсь) и о прежде отшедшихъ, чтобы они получили спасеніе, и чтобы самому вспоминать смерть, да и молитва за всѣхъ есть признакъ любви, а я самъ имѣю нужду въ молитвѣ всѣхъ. И для того, чтобы быть управляемымъ Богомъ и быть такимъ, какимъ Онъ желаетъ, и соединяться съ другими, дабы ихъ молитвами быть и мнѣ помилованнымъ, считая ихъ во всемъ превосходяще себя. Не смѣю теперь просить прощенія всякаго моего согрѣшенія, чтобы, не смиряя какъ либо себя самаго, не признать мнѣ другихъ недостойными помилованія. И какъ (ничего) не знающій и безсильный что-либо сдѣлать, прибѣгаю и прошу, чтобы было со мною,—какъ благоволитъ Его челоуѣколюбіе, страшусь правосудія, какъ грѣшникъ, и говорю только, чтобы не лишиться мнѣ стоянія одесную Тебя, да буду хотя самымъ послѣднѣйшимъ изъ всѣхъ спасаемыхъ, потому что и сего я недостойнъ.— И молиться о всѣмъ мірѣ, какъ приняли мы отъ Церкви. И о томъ, дабы мнѣ удостоиться Божествен-

наго Причащенія, какъ должно; и чтобы, молясь прежде сего, я нашелъ готоваго помощника, когда пожелаю причаститься; и чтобы вспоминать мнѣ пречистыя страданія Спасителя нашего и получить любовь къ сему воспоминанію, и да будетъ мнѣ причащеніе (Св. Таинъ) въ общеніе Святаго Духа. Ибо Самъ Утѣшитель утѣшаетъ плачущихъ по Богу въ нынѣшнемъ вѣкѣ и въ будущемъ, и отъ всей души, со многими слезами молящихся Ему и говорящихъ: Царю Небесный: и проч. и да будетъ мнѣ причащеніе Пречистыхъ Таинъ въ залогъ сущей во Христѣ вѣчной жизни, молитвами Всепречистой Его Матери и всѣхъ Святыхъ. Потомъ, повергаясь предъ всѣми Святыми, прошу ихъ помозиться о мнѣ, какъ могущихъ приносить моленіе Владыкѣ. И такъ по обыновенію (начинаю) молитву Великаго Василія, какъ заключающую въ себѣ чудное богословіе; и (хочу) просить только воли Божіей и благословлять Его. И послѣ сего тотчасъ (говорю) къ своимъ помысламъ съ большою силою и вниманіемъ: Приидите поклонимся: трижды и проч., какъ прежде написано, дабы сердечною молитвою и поученіемъ въ Божественныхъ Писаніяхъ очистился умъ и началъ видѣть тайны, сокрытыя въ Божественныхъ Писаніяхъ. Однако да будетъ душа твоя во время молитвы чиста отъ всякаго зла, и тѣмъ болѣе злопамятности, какъ сказалъ Господь (Марк. 11, 25. Ефес. 4, 31. 1 Тим. 2, 8).

Ради этого и Великій Василій, наказывая противорѣчіе, какъ родителя злопамятности, говоритъ къ игумену, чтобы назначать тому, кто противорѣчитъ, много поклоновъ, до тысячи; но обозначая число, сказать: или тысячу, или одинъ; т. е. или тысячу поклоновъ долженъ прекословящій положить предъ Богомъ, или одинъ предъ настоятелемъ, т. е. (говоря): прости меня, Отче. И—получаетъ онъ разрѣшеніе отъ узъ за одинъ только въ собственномъ смыслѣ поклонъ и отсѣченіе страсти противорѣчія. Противорѣчіе несвойственно христіанской жизни, говоритъ св. Исаакъ, взявъ изреченіе это отъ Апостола, который сказалъ: *еще кто мнитъ спорить быти въ васъ, мы такового обычая не имамы*, и чтобы кто либо не подумалъ, что онъ самъ только отвергаетъ противорѣчиваго, прибавляетъ, *ниже церкви Божіа* (1 Кор. 11, 16), чтобы противорѣчивый зналъ, что онъ, когда противорѣчитъ,—внѣ всѣхъ церквей и Бога, и имѣть нужду въ томъ чудномъ одномъ поклонѣ, котораго если не сдѣлаетъ, то и тысяча другихъ не принесетъ ему пользы, при пераскайности права. Покаяніе, говоритъ Златоустъ, есть отсѣченіе худого, а такъ называемые поклоны суть только колѣнопреклоненія, и выражаютъ, что въ образѣ раба, безъ возношенія, повергается (человѣкъ) предъ Богомъ и людьми, когда погрѣшилъ въ чемъ либо. Чтобы было мѣсто оправданію его, когда онъ вовсе не противо-

рѣчить, и не покушается оправдать себя, какъ тотъ фарисей, но скорѣе подражаетъ мытарю, въ томъ что считаетъ себя худшимъ всѣхъ, и недостойнымъ воззрѣть горѣ. Ибо если онъ думаетъ, что имѣетъ покаяніе, и покушается противорѣчить судящему его благоразумно или неразумно, то онъ недостойнъ прощенія по благодати, какъ ищущій судилища и оправданія, и думающій правымъ путемъ достигнуть чего-либо. Такое предпріятіе чуждо заповѣдей Господнихъ. И поистиннѣ; гдѣ оправданіе на словахъ, тамъ ищется справедливость, а не челоуѣколюбіе, и не дѣйствуетъ уже благодать, оправдывающая нечестиваго и безъ дѣлъ правды, ради одного благоразумія и терпѣнія укоризнъ, съ благодареніемъ тѣхъ, которые его укоряютъ, и терпѣніемъ порицающихъ его съ полнымъ незлобіемъ, чтобы молитва его была чиста и покаяніе дѣйствительно. Ибо сколько кто либо молится о клеветующихъ на него и порицающихъ его, столько Богъ удостовѣряетъ (въ истинѣ) враждующихъ на него и подаетъ ему успокоеніе чрезъ чистую и продолжительную молитву. И не для того говоримъ мы подробно просимое нами, чтобы учить Сердцевѣдца Бога, но чтобы самимъ придти отъ сего въ умиленіе. И какъ желающіе болѣе пребыть съ Нимъ старательно умножаемъ слова, благодаря Его и исповѣдаясь Ему, по возможности, о столькихъ Его благодѣяніяхъ; какъ гово-

рить Златоустъ о блаженномъ Давидѣ, что это не есть многословіе и не разнорѣчіе, — если одно и то же изреченіе, или подобное ему, произносится многократно, но Пророкъ (дѣлаетъ это) побуждаемый любовью, и для того, чтобы слово молитвы впечатлѣлось въ умъ молящагося или читающаго. Богъ знаетъ все, прежде нежели оно происходитъ, и Ему нѣтъ надобности слышать разговоръ, но мы имѣемъ въ этомъ нужду, чтобы знать, чего мы просимъ и о чемъ молимся, дабы навъкнуть намъ благоразумію и чрезъ прошенія быть привязанными къ Богу; чтобы обуреваемые помыслами, и, находясь въ памятованіи о Богѣ, мы не были побѣждены врагами; но при помощи молитвы и поученія въ Божественныхъ Писаніяхъ, пріобрѣли усвоеніе добродѣтелей, о которыхъ Святые Отцы, одинъ въ одномъ, другой въ другомъ мѣстѣ написали, по благодати Св. Духа, я же, научившись отъ нихъ, скажу, по возможности, наименованія добродѣтелей, хотя и не всѣхъ однако, по недостатку моего познанія. Онѣ суть:

Исчисленіе добродѣтелей.

Мудрость, цѣломудріе, мужество, праведность, вѣра, надежда, любовь, страхъ, благочестіе, вѣдѣніе, совѣтъ, крѣпость, разумъ, премудрость, сокрушеніе, плачь, кротость, изслѣдованіе Божественныхъ Писа-

ній, милостыня, чистота сердца, миръ, терпѣніе, воздержаніе, постоянство (твердое выдерживаніе), благое произволеніе, рѣшимость, чувство, прилежаніе, утвержденіе себя въ Богѣ, горячность, бодрость, теплота духа, поученіе, стараніе, трезвенность, памятованіе, собранность мыслей, благоговѣніе, стыдъ, стыдливость, раскаяніе, удаленіе отъ злого, покаяніе, обращеніе къ Богу, сочетаніе со Христомъ, отреченіе отъ діавола, соблюденіе заповѣдей, храненіе души, чистота совѣсти, память о смерти, болѣзнованіе душею, дѣланіе добра, трудъ, злостраданіе, пребываніе въ суровомъ, постъ, бдѣніе, алканіе, жажда, довольство малымъ, довольство собою (т. е. неутружденіе другихъ), соблюденіе порядка, благоприличіе, почтительность, нехвастливость, презрѣніе имѣній, несребролюбіе, отверженіе житейскаго, подчиненіе, повинованіе, благопокорливость, нищета, нестяжаніе, удаленіе отъ міра, отсѣченіе хотѣній, отреченіе отъ себя самаго, совѣтованіе, великодушіе, упраздненіе по Богу, безмолвіе, обученіе, лежаніе на голой землѣ, неумовеніе, предстояніе, подвигъ, вниманіе, сухояденіе, нагота, изпуреніе тѣла, уединеніе, жизнь въ пустынѣ, тихость, благодушіе, смѣлость, благое дерзновеніе, Божественная ревность, горѣніе, преуспѣянніе, юродство ради Христа, храненіе ума, устроеніе нравственности, преподобіе, дѣвство, освященіе, чистота тѣла, очищеніе души, чтеніе ради Христа, попеченіе о Божественномъ, познаніе, приспособ-

бительность, истинность, нелюбопытство, неосужденіе, прощеніе долговъ, управленіе, искусство (въ обхожденіи), остроуміе (въ добрѣ), уступчивость, правильное употребленіе вещей, пониманіе, быстрота ума (въ добромъ), опытность, исцеленіе, молитва, благодареніе, исповѣданіе, мольба, коленопреклоненіе, призываніе, моленіе, прошеніе, ходатайство, ищенье, славословіе, сознаніе, попеченіе, сѣтованіе, скорбѣніе, печаль (по Богу), сожалѣніе, рыданіе, стenanіе, оплакиваніе, прискорбныя слезы, умиленіе, молчаніе, взысканіе Бога, плачевный вопль, безпопеченіе о всемъ, незлобіе, нещеславіе, неславолюбіе, простота души, состраданіе, нелюбовь къ выказыванію себя, благоправіе, дѣла по естеству, дѣла превыше естества, братолюбіе, единомысліе, общеніе о Богѣ, пріятность, духовное устроеніе, тихость, прямота, незлобіе, стоворчивость, неподдѣльность, простота, пріивѣтливость, благое бесѣдованіе, благое дѣланіе, предпочитаніе ближняго, привязанность о Богѣ, добродѣтельный навыкъ, непрерывное прилежаніе, укореніе (въ добродѣтели), благоразуміе, смиреніе, безпристрастіе, щедрость, терпѣніе, долготерпѣніе, благость, доброта, разсужденіе, удободоступность, обходительность, несмущеніе, вѣдѣніе (духовное), наставленіе, твердое укрѣпленіе, прозрѣніе, безстрастіе, духовная радость, твердое стояніе, слезы разума, душевная слеза, Божественное желаніе, состраданіе, милосер-

діе, человеколюбіе, чистота души, чистота ума, прозорливость, чистая молитва, неплѣнный помысль, твердость, укрѣпленіе души и тѣла, просвѣщеніе, возстановленіе души, ненавидѣніе жизни, должное ученіе, благое желаніе смерти, младенчество во Христѣ, утвержденіе (ближняго), поученіе (его), и увѣщаніе соразмѣрное и понудительное, похвальное измѣненіе, восторгъ о Богѣ, совершенство во Христѣ, неложное просіаніе, Божественная любовь, восхищеніе ума, Божіе вселеніе, боголюбіе, внутреннее любомудріе, Богословіе, исповѣдничество, презрѣніе смерти, святыня, исправленіе, совершенное здравіе души, доброта ея, похвала отъ Бога, благодать, царство, сыноположеніе, и чрезъ всѣ двѣсти двадцать восемь вмѣстѣ (Ис. 81, 6. Іоан. 1, 30) усыновленіе, то есть бытіе человеку богомъ, благодатию Даровавшаго намъ побѣду надъ страстями, названія которыхъ, какъ думаю, суть слѣдующія:

Исчисленіе страстей.

Лютость, коварство, лукавство, злой образъ мыслей, безпорядочность, невоздержность, обольщеніе, грубость, невѣжество, праздность, холодность, окаменѣніе, ласкательство, глупость, безпорядочный крикъ, выходненіе изъ себя, помѣшательство, неучтивость, дерзость, боязнь, ожесточеніе, лѣность къ доброду, законпреступная прибыль, корыстолюбіе, скудость (отъ

лѣности), невѣдѣніе, безуміе, лжеименное знаніе, забвѣніе, перасудительность, безчувствіе, неправда, худое произволеніе, безсовѣстность души, медленность, болтливость, незаконность, преткновеніе, грѣхъ, беззаконіе, законопреступленіе, страсть, плѣненіе, лукавое согласіе (съ мыслью), безпорядочное сочетаніе (съ мыслью), бѣсовскій прилогъ (помысла), замедленіе, тѣлесный покой сверхъ должнаго, злоба, паденіе, недугъ души, изнеможеніе, немощь ума, небрежность, лѣность, малодушное порицаніе, презрѣніе Бога, превращеніе, преступленіе, невѣріе, неудобовѣріе, зловѣріе, маловѣріе, ересь, соединеніе съ ересью, многобожіе, идолопоклонство, невѣдѣніе Бога, нечестіе, волшебство, подглядываніе, догадки изъ соображеній, чародѣйство, отрицаніе, идолонепισовство, невоздержаніе, мотовство, любознательность (суетная), нерадѣніе, самолюбіе, невниманіе, непреуспѣваніе, обманъ, заблужденіе, отважность, отравленіе, оскверненіе, яденіе сквернаго, роскошь, нецѣломудріе, чревоугодіе, блудъ, сребролюбіе, гнѣвъ, скука, безпечность, тщеславіе, гордость, самомиѣніе, возношеніе, чванство, обезумленіе, гнустность, насыщеніе, сонливость, тяжесть головы (отъ вина), наслажденіе, ненасытимость, гортанугодіе, ненасыщеніе, тайнояденіе, объяденіе, уединеніе, небреженіе, легкость (удобство во всемъ), самосовѣтіе, безсовѣтіе, самоугодіе, челоуѣкоугодіе, неопытность въ добромъ, невразумленіе, необученіе,

легкомысліе, (невѣжественная) простота, нелюдность, противорѣчіе, спорчивость, злословіе, вошь, смущеніе, борьба, раздражительность, безпорядочная похоть, желчность, раздраженіе, соблазнъ, вражда, вмѣшательство въ чужія дѣла, клевета, горечь, оговариваніе, порицаніе, обвиненіе, осужденіе, жалоба, ненависть, злословіе, досажденіе, безчестіе, свирѣтость, неистовство, жестокость, сплетеніе зла, клятвoprеступленіе, проклинаніе, немилосердіе, братоненавидѣніе, неравенство, отцеубійство, матереубійство, разстройство, расслабленіе, приниманіе даровъ, воровство, грабежъ, ревность, состязаніе, зависть, непристойность, насмѣшка, поношеніе, поруганіе, ругательство, подкупъ, угнетеніе, презрѣніе ближняго, біеніе жезломъ, осмѣиваніе, удавленіе, задушеніе, неприязнь, непримиреніе, вѣроломство, несознательность, зложелательность, безчеловѣчность, безстыдство, наглость, плѣненіе помысловъ, омраченіе, слѣпота, ослѣпленіе, пристрастіе къ временному, страстность, суета, неповиновеніе, отягощеніе головы, дреманіе души, многоспаніе, мечтаніе, многопитіе, шянство, непотребство, распутство, безпорядочное увеселеніе, привязанность къ наслажденіямъ, сластолюбіе, сквернословіе, женоподобіе, необузданное неистовство, разженіе, рукоблудіе, женопрельщеніе на блудъ, прелюбодѣйство, мужеложство, скотосмѣшеніе, — оскверненіе, похотливость, нечистота души, кровосмѣшеніе, нечистота,

скверненіе, частное содружество, смѣхъ, играніе, плясаніе, хлопаніе (руками), неприличныя пѣсни, пляски, игра на инструментахъ, смѣлость, многочиніе, неподчиненіе, непостоянство, порочное согласіе, злоумышленіе, битва, убійство, разбойничество, святотатство, безчестныи прибытокъ, ростъ (проценты), обманъ, раскапываніе гробовъ, жестокосердіе, злое ославленіе (ближняго), роптаніе, хула, недовольство своею участію, неблагодарность, злое совѣтованіе, пренебреженіе, малодушіе, смущеніе, ложь, болтовня, пустословіе, неразумная радость, легкомысліе, неразумное содружество, злоправіе, шутки, глупыя рѣчи, многословіе, скряжничество, отягощеніе другихъ, злость, неблагопріятство, негодованіе, многостяжаніе злопамятность, злоупотребленіе, навѣкъ въ злѣ, любовь къ жизни, тщеславіе, надменность, властолюбіе, лицемеріе, подсмѣиваніе, тайныя козни, изворотливость, побѣжденіе (худымъ), сатанинская любовь, любопытство, прираженіе къ (ближнему), безстрашіе Бога, непослушаніе, неразуміе, высокоуміе, хвастовство, напыщенность, уничиженіе ближняго, немилосердіе, нечувствительность, безнадежность, оставленіе, ненависть къ Богу, отчаяніе, самоубійство, и всѣмъ отпаденіе отъ Бога, и совершенная погибель,—всѣхъ вмѣстѣ 298. Эти страсти нашелъ я упоминаемыми въ Божественныхъ Писаніяхъ и помѣстилъ ихъ вмѣстѣ, какъ и книги (прочитанныя мною)

въ началѣ слова: въ порядкѣ же не могъ расположить, да и не покушался на это, какъ превышающее мои силы, по слову Лѣтвичника, поищешь въ злыхъ разума и не найдешь, ибо безпорядочны всѣ бѣсовскія (дѣйствія), и имѣютъ одно только намѣреніе, въ которомъ равняются между собою—неравныя и печестивыя—губить души принимающихъ ихъ злѣйшій совѣтъ. Хотя нѣкоторымъ, инымъ людямъ и бывають онѣ причиною вѣнцовъ, когда побѣждаемы бывають вѣрою и терпѣніемъ уповающихъ на Господа, и дѣланіемъ добраго и сопротивленіемъ помысламъ, борющимся съ ними и молящимся на нихъ.

О различіи помысловъ и прилоговъ.

Между помыслами есть много различія во всемъ, и одни изъ нихъ безгрѣшны, а другіе нѣтъ!—Такъ называемый прилогъ¹⁾ помысла, то есть мысль²⁾ о добромъ или зломъ, не заслуживаетъ ни награды, ни порицанія. Потомъ сочетаніе, то есть бесѣда съ помысломъ, къ соглашенію съ нимъ или отверженію его, заслуживаетъ похвалу, если оно Богоугодно, но малую, также и укоризну, если оно лукаво. Послѣ такъ называемая борьба, или побѣждающая, или по-

1) προσβολή.—прираженіе.

2) ἐνθυμήσις

бѣждаемая умомъ,—припосающая вѣнецъ или мученіе, когда исполнится на дѣлѣ. Также и сосложеніе, т. е. приклоненіе души къ явившемуся, соединенное съ улаженіемъ, отъ чего происходитъ плѣненіе, насильно и противъ воли увлекающее сердце къ исполненію на дѣлѣ. Когда же страстный помысль долго остается въ сердцѣ, то образуется такъ называемая страсть, которая, привычкою къ себѣ, произвольно увлекаетъ душу и свойственно передаетъ ее исполненію на дѣлѣ. Такая страсть несомнѣнно подлежитъ во веѣхъ или соразмѣрному поканію или будущей мукѣ, говоритъ Лѣстничникъ¹⁾, т. е. ради непокаянія, а не ради брани; ибо еслибы было такъ, то безъ совершеннаго безстрастія не могли бы многіе получить прощенія. Какъ тотъ же Лѣстничникъ говоритъ: хотя не все могутъ быть безстрастны, однако спастись и примириться съ Богомъ всемъ возможно²⁾. И такъ разумный (дѣлатель) отвергаетъ лукавый прилогъ,—матерь золь, чтобы разомъ отсѣчь все происходящее отъ него злое, а благой прилогъ всегда должно быть готовымъ обращать въ дѣло, чтобы тѣло и душа пришли въ навыкъ добродѣтели и освободились отъ страстей благодатію Христоваго. Ибо мы вовсе ничего не имѣемъ, чего бы не полу-

¹⁾ Сл. 15 § 73.

²⁾ Сл. 26-е § 82-й.

чили отъ Него, и ничего не можемъ принести Ему, кромѣ одного только произволенія, не имѣя котораго, не находимъ ни знанія, ни силы къ дѣланію добраго. И это есть дѣло человеколюбія Божія, чтобы мы не подверглись осужденію за праздность; ибо праздность есть начало всякаго зла (Сирах. гл. 33, 28), и не только это, но и самое дѣланіе добра, какъ сказано въ Старчествѣ, требуетъ разсужденія. Такъ дѣва, посетившая въ шести недѣляхъ, по шести дней, и постоянно поучавшаяся въ Новомъ и Ветхомъ Завѣтѣ, не одинаково принимала трудное и легкое, хотя и слѣдовало бы ей пріобрѣсти отъ такихъ трудовъ плоды безстрастія, но этого не случилось, ибо и доброе не есть добро, ежели намѣреніе, съ которымъ оно совершается несогласно съ волею Божіею. Поелику и въ Божественномъ Писаніи часто находимъ, что Богъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ негодовалъ на совершавшаго дѣло, которое всемъ казалось добрымъ, и напротивъ принималъ другаго, дѣлавшаго повидимому злое. Свидѣтель этому тотъ Пророкъ, который сказалъ встрѣтившемуся съ нимъ: бей меня, но человекъ непослушавшій его, т. е., какъ сказано, сдѣлавшій этимъ доброе, былъ самъ убитъ звѣремъ (3 Цар. гл. 20, 35, 36). И Петръ отрицался умовенія, думая, что дѣлаетъ хорошо, но былъ удержанъ. И такъ мы должны всею силою изыскивать и исполнять волю Божію, хотя бы она и не казалась намъ

доброю. Потому и дѣланіе добраго бываетъ не безъ труда, чтобы намъ не лишиться похвалы за самовластное понужденіе себя. И просто: все что домогстроительствуетъ Богъ—чудесно и превыше нашего ума и мысли. Такъ что умъ долженъ удивляться не только совершающемуся въ Церкви православныхъ, но и символамъ этого. Какъ чрезъ св. Крещеніе мы бываемъ сынами (Божіими) по благодати (Іоан. гл. 1, 12. Гал. 3, 26), ничего не сдѣлавъ прежде сего, и ничего—послѣ, кромѣ соблюденія заповѣдей. И какъ страшныя эти вещи, святое Крещеніе и святое Причащеніе, не совершаются безъ священства, говоритъ Божественный Златоустъ. Въ этомъ проявляется власть, данная верховному изъ Апостоловъ Петру. Ибо если не отворятся врата Царствія Небеснаго священнодѣйствіемъ, то никто не можетъ войти въ нихъ, какъ сказать Господь: *еще кто не родится водою и Духомъ* (Іоан. 3, 5), и еще: *еще не снѣсте плоти Сына Человѣческаго, ни пїете крове Его. живота не имате въ себѣ* (Іоан. гл. 6, 53). И какъ ветхій храмъ извнѣ былъ образомъ сего міра, и священники совершали въ немъ жертвы, а внутри было Святое Святыхъ, гдѣ приносили ѳиміамъ изъ четырехъ составовъ: ливана, говорю, смирны, стакти и касіи, которыми указывалось на четыре главныя добродѣтели. Совершавшееся внѣ (храма) было тогда дѣломъ снисхожденія Божія, чтобы Іудеи,—младенцы умомъ, чрезъ пѣніе и

роскошь не уклонились къ идоламъ. Новая же Церковь есть образъ будущаго, потому и совершаемое въ ней небесно и духовно. И какъ на небесахъ находятся девять чиновъ, такъ и въ Церкви, т. е. патріархи, митрополиты, епископы, священники, діаконы, иподіаконы, чтецы, пѣвцы и монахи. И какъ опять начертаніемъ честнаго и животворящаго Креста прогоняются демоны и многоразличныя болѣзни; и совершается это безъ всякихъ издержекъ и безъ труда. Да и кто можетъ исчислить похвалы святаго Креста? И какъ опять чрезъ малыя краски (иконное) писаніе столь великіе чудеса, за столько лѣтъ совершенныя Господомъ и всѣми Святыми, какъ бы пынѣ совершаемыя, представляетъ намъ, Божіимъ промысломъ, чтобы мы, видя это своими очами, болѣе и болѣе возгарались желаніемъ, какъ говорятъ святыи верховный изъ Апостоловъ Петръ, въ описаніи мученія святаго Панкратія, ученика его. Все упомянутое нами съ начала слова безъ правой вѣры не приносятъ пользы, да и не бываетъ, какъ и вѣра—безъ дѣлъ. И о вѣрѣ и дѣлахъ написали многіе изъ Святыхъ Отцевъ, я же для папоминанія скажу вкратцѣ, что дѣла мы должны имѣть написанными, каждый въ своемъ порядкѣ, вѣру же православную,—такую, какую мы приняли отъ преждеупомянутыхъ Святыхъ, чтобы съ ними и намъ получить вѣчныя блага благодатию и человеколюбіемъ Господа на-

шего Іисуса Христа, Которому подобаетъ всякая честь и поклоненіе со Безначальнымъ Его Отцемъ и съ Пресвятымъ и Благимъ и Животворящимъ Его Духомъ, нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Окончивъ, я сказалъ:

Тебѣ, Христе, подобаетъ слава!

КНИГА ВТОРАЯ,

ЗАКЛЮЧАЮЩАЯ ВЪ СЕБѢ ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ КРАТНИХЪ СЛОВА.
ПОЛНЫХЪ ДУХОВНАГО ВѢДѢНІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вторая книга твореній святаго Петра Дама-
скина раздѣлена на двадцать четыре слова, по числу
буквъ Греческой азбуки, составляющей акростихъ
всей книги. Каждое слово, начинаясь съ известной
буквы алфавита, имѣетъ въ подлинникѣ, вмѣсто за-
главія, стихи и послѣ нихъ слова: «нынѣ же начало
благослови, Отче».

Переводъ стиховъ этихъ помѣщенъ нами въ
подстрочныхъ примѣчаніяхъ, а заглавія словъ вы-
ставлены, въ началѣ cadaго изъ нихъ, соотвѣт-
ственно оглавленію подлинника.

*Ювеналій, Архієпископъ
Литовскій и Виленскій.*

25 Августа 1901 г.
Вильна.

СЛОВО 1¹⁾.

О духовной мудрости.

Начало всѣхъ письменъ, на каждомъ языкѣ, составляетъ *α*, хотя нѣкоторые сего и не знаютъ. И начало всѣхъ добродѣтелей есть духовная мудрость, хотя она же составляетъ и конецъ ихъ: ибо если она не приблизится къ уму, то человѣкъ не можетъ сдѣлать ничего добраго, никогда не слышавъ о немъ, а если услышитъ сколько-нибудь,—это самое и есть уже мудрость. Но какъ азбука есть предметъ обученія дѣтей, безъ котораго однако нельзя пріобрѣсти мудрости и обучиться послѣдующимъ ученіямъ, такъ и начало вѣдѣнія, хотя и весьма мало, но безъ него никакъ нельзя пріобрѣсти добродѣтели.

¹⁾ Въ подлинникѣ заглавія этого слова составляютъ слѣдующіе стихи:

Предисловіе это соотвѣтствуетъ буквѣ *α* (альфа) и содержитъ въ себѣ духовную мудрость: ибо какъ та служитъ началомъ письменности, во всякомъ языкѣ, такъ и эта составляетъ начало всѣхъ добродѣтелей, хотя опять и конецъ всѣхъ. Но какъ азбука есть дѣтское обученіе, безъ котораго нельзя обучаться послѣдующимъ предметамъ (земнаго) ученія, такъ и начало вѣдѣнія, хотя весьма мало, но безъ него отнюдь нельзя пріобрѣсти добродѣтели.

Потому и боюсь я писать что-либо о мудрости, будучи вовсе немудръ; ибо четыре, какъ полагаю, различныя вещи приводятъ умъ въ состояніе говорить: или сверхъестественная благодать свыше и блаженство, или чистота, происходящая отъ подвиговъ по Богу и могущая привести душу въ первоначальную красоту ея, или усвоеніе земной учености, приобрѣтаемое чрезъ обученіе человѣческое и стараніе о внѣшней мудрости, или опять проклятое и сатанинское обольщеніе¹⁾, происходящее отъ гордости и лукавства демонскаго и составляющее извращеніе естества. А я, непричастный ничему сказанному, какъ могу писать?²⁾—недоумѣю; развѣ только вѣра ваша, понуждающая меня къ сему по Богу, привлечетъ благодать къ перу²⁾; ибо умъ мой и рука моя недостойны и нечисты. Знаю твердо изъ опыта, какъ часто случалось со мною, и всегда случается, что сколько разъ я, повѣрьте мнѣ, отцы, хотѣлъ написать что-либо, не могъ привести себѣ этого на умъ, пока не брался за перо²⁾, но только приходила мнѣ малая мысль, заимствованная изъ Писанія или родившаяся отъ слуха, или отъ взгляда на чувствєнныя вещи міра, а отъ сего часто умъ бралъ поводъ; и какъ только принимался я за перо и начиналъ

¹⁾ ὁλάνη, въ слав. прелестъ.

²⁾ Τὸν κάλαμον, трости.

писать, тотчасъ находилъ вещь, о которой намѣревался писать и къ изложенію которой кто-либо при- нуждалъ меня. И такъ безпрепятственно и спокойно пишу послѣ того, сколько имѣетъ силы рука, отнюдъ немедлющая; но что Богъ влагаетъ въ помраченное мое сердце, то и пишу безъ сомнѣнія. Полагаю (что это такъ бываетъ) для того, чтобы я не *мнилъ* имѣть то, что получилъ чрезъ молитву другого, по слову Лѣствичника, приводящаго изреченіе Апостола, который сказалъ: *что имамъ, егоже нѣси пріязль? аще же и пріязль еси, что хвалишися яко не пріязль?* (1 Кор. 4, 7), но самъ дѣлая. Ибо мысли, самодвижно приходящія на умъ безмолвствующимъ по Богу, должны быть принимаемы безъ сомнѣнія, говорить святой Псаакъ, а если кто ихъ разсматриваетъ, это уже свое разумѣніе. И святой Антоній говоритъ: всякое дѣло и слово должно имѣть свидѣтельство отъ Божественныхъ Писаній. Потому и я, какъ нѣкогда ослица Валаамова, проговорившая (Числ. 22, 28), начинаю писать, не уча,—отнюдъ нѣтъ,—но къ обличенію бѣдной души моей, чтобы, хотя словъ устыдившись, какъ говоритъ Лѣствичникъ, началъ дѣланіе не приобрѣтшій еще дѣла, но только слово. Кто знаетъ, буду ли я живъ и успѣю ли написать? И опять успѣете ли вы исполнить дѣла? Но начнемъ обои и то и другое, и (посмотримъ) до чего кто изъ насъ достигнетъ; ибо смерть наша неизвѣстна, и когда придетъ

конецъ, не знаемъ; но все предвидящему Богу извѣстно касающееся до насъ. Ему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО 2¹).

О вѣрѣ.

Преподобный отецъ нашъ Исаакъ, желая показать ту вѣру, которую Апостолъ называетъ основаніемъ дѣланій о Богѣ (1 Кор. 3, 10), и которую мы получили отъ Божественнаго крещенія, по благодати Христовой, а не отъ дѣлъ, и—что она рождаетъ страхъ, происходящій отъ вѣры, чрезъ который бываетъ соблюденіе заповѣдей и терпѣнія искушеній, какъ говорить святой Максимъ, и что послѣ дѣланія рождается въ насъ великая вѣра вѣдѣнія, о которой Господь сказалъ: *аще бысте имѣли вѣру яко зерно горюхино* и проч. (Лук. 17, 6), говорить (святой Исаакъ), что иная есть общая вѣ-

¹) Въ подлинникѣ вмѣсто заглавія стихи. Предисловіе написано сверхъ надежды; вотъ опять вторая буква, β (вита) говорю, и второе слово. Вкратцѣ будетъ здѣсь сказано, что вѣра рождаетъ другую и великую вѣру, какъ говорятъ святые Отцы, основаніе добродѣтелей, какъ сказалъ Господень Апостолъ, положившій оное. Одна бываетъ безъ дѣлъ закона, а другая отъ дѣлъ получаетъ совершенство. Эта бываетъ необходима въ безмолвіи и чрезъ многія брани совершается.

ра православныхъ, то есть правые догматы о Богѣ и Его твореніяхъ мысленныхъ и чувственныхъ, какъ, по благодати Божіей, приняла святая, соборная Церковь, и иная—вѣдѣнія, то есть познанія, которая отнюдь не противится родившей ее, но обыкновенно еще болѣе ее утверждаетъ. Ибо первой научились мы, наслѣдовавъ ее, чрезъ слышаніе, отъ благочестивыхъ родителей и учителей православной вѣры, а вторая рождается въ насъ отъ того, что право вѣруемъ и боимся Господа, въ Котораго увѣрова-ли. Отъ страха предъизбрали мы сохранять заповѣди и чрезъ то восхотѣли воздѣлывать тѣлесныя добродѣтели, то есть безмолвіе, постъ, умѣренное бдѣніе, псалмопѣніе, молитву, чтеніе и вопрошеніе опытныхъ о всякомъ помыслѣ, словѣ и начинаніи, дабы такими дѣйствіями тѣло очистилось отъ постыдныхъ страстей, то есть: чревоугодія, блуда и излишнихъ имѣній, *довольны сущими*, по слову Апостола (1 Тим. 6, 8), отъ чего человекъ получаетъ крѣпость пребывать о Богѣ, безъ суетныхъ попеченій. Изъ Писаній и отъ опытныхъ людей научается онъ Божественнымъ догматамъ и заповѣдямъ и чрезъ то начинаетъ презирать восемь главнѣйшихъ страстей, и, размышляя объ угрозахъ, боится Бога, не просто, но какъ Бога, по слову святаго Нила, и отъ этого страха начинаетъ разумно хранить заповѣди, и на сколько за каждую заповѣдь терпитъ смерть, по произволе-

нію, на столько приходитъ въ большее познаніе и созерцаетъ совершающееся въ немъ по благодати Христовой (измѣненіе). Чрезъ это вѣруеть, что дѣйствительно велика вѣра православныхъ и начинаетъ желать угождать Богу, и не сомнѣвается уже, какъ прежде, въ помощи Божіей, но все свое попеченіе *возвращаетъ на Него*, по слову пророка (Ис. 54, 23). Желаящій имѣть въ себѣ великую вѣру, какъ говорить Великій Василій, вовсе не долженъ имѣть заботы о своей жизни и смерти: но если увидитъ звѣря или возстанія на себя демоновъ или злыхъ людей, то нисколько не боится, зная, что они созданія единого Творца, такіе же рабы, какъ и онъ, и не имѣютъ надъ нимъ власти, если Богъ не попуститъ. Ибо Его единого должно бояться, какъ имѣющаго власть, по слову Самого Господа (Лук. 12, 5), *скажу же вамъ, кого убойтеся, и продолжаетъ, убойтеся имѣющаго власть и душу и тѣло свергнуть въ геенну:* и, чтобы утвердить слово, говорить: *ей глаголю вамъ. Того убойтеся.* И по истинѣ такъ. Если бы былъ другой, имѣющій власть, кромѣ Бога, то слѣдовало бы намъ его бояться, но такъ какъ Онъ единъ Творецъ и Владыка и вышнихъ и нижнихъ, то кто можетъ безъ Него что-либо сдѣлать? Если же кто-либо скажетъ, что есть созданія, имѣющія самовластіе, скажу и я, что имѣютъ оное умныя Силы и люди, а также и демоны. Но чины небесныхъ безплотныхъ и благіе

люди вовсе не терпятъ того, чтобы вредить кому-либо изъ подобныхъ себѣ рабовъ, и хотя бы онъ и очень былъ пороченъ, но болѣе сожалеютъ о немъ и молятъ о немъ Бога, какъ говоритъ Великій Аѳанасій. Злые же люди и ихъ учители дубавству—демоны хотятъ, но отнюдь не могутъ, повредить кому-либо, если только человѣкъ самъ не подастъ повода къ тому, чтобы Богъ его оставилъ за злыя дѣла; и это дѣлаетъ преблагій Богъ для наученія его и спасенія; если и самъ человѣкъ хочетъ терпѣніемъ съ благодареніемъ исправить свои худыя дѣла; если же не такъ, то,—къ пользѣ другого, ибо всеблагій Богъ желаетъ всѣмъ спастись. Испытанія же праведныхъ и святыхъ людей бываютъ по благоволенію Божію, къ усовершенствованію душъ ихъ и постыженію враговъ ихъ демоновъ. Познавая это, дѣлатель Божественныхъ заповѣдей Христовыхъ вѣруеть уже не просто, что Христосъ есть Богъ и имѣетъ силу; это и демоны видѣли на дѣлѣ и трепетали, но—что все для Него возможно, и всякая воля Его—благая, и безъ Него не можетъ произойти никакое благо. И потому таковой не желаетъ ничего дѣлать противъ Божественной воли, хотя бы то была и жизнь. Однако нельзя найти послѣдняго, но воля Божія есть жизнь вѣчная и исполнѣ благая, хотя и кажется нѣкоторымъ, что прискорбно воздѣлываніе такой жизни. Потому я бѣдный хуже и невѣрнаго, что не хочу

трудиться, дабы найти великую вѣру, и чрезъ нее придти въ страхъ Божій и начало премудрости Духа; но иногда произвольно закрываю очи душевныя и преступаю законъ, а иногда помрачаюсь забвеніемъ и прихожу въ совершенное невѣдѣніе и отсюда, не разумѣя полезнаго душѣ моеѣ, и получивъ худую привычку, бываю въ намыслѣ злаго. Такъ что если и захочу возвратиться туда, откуда я низпалъ, не могу, потому что воля моя дѣлается преградою, отдѣляющею меня отъ Бога, какъ говорятъ Отцы, и я не хочу потрудиться, чтобы разрушить эту преграду. Если же бы я имѣлъ вѣру, происходящую отъ дѣла покаянія, то могъ бы сказать: *Богомъ моимъ перейду стѣну* (Ис. 17, 30), и не утратился бы, по сомнѣнію, говоря самъ въ себѣ: а что меня встрѣтитъ, когда я устремлюсь, чтобы перейти высоту стѣны? нѣтъ ли тамъ пропасти? Какъ бы мнѣ, если не успѣю перейти верхъ, не упасть и не возвратиться опять внизъ, послѣ трудовъ, и многое другое, подобное. Но имѣющій вѣру, что Богъ близко и недалеко, никогда такъ не размышляетъ, но тотчасъ прибѣгаетъ къ Богу, имѣющему всю силу и власть, и всю благость и человеколюбіе, *не яко воздухъ бѣгущій* (1 Кор. 9, 26), но какъ плавающій ищетъ получить вышнее благо. И всякую свою волю оставивъ позади, стремится къ Божественной волѣ, пока не услышитъ и онъ языковъ новыхъ, или и самъ заговорить также, познавая таинства. И

отъ силы дѣянія совершаетъ, или вѣрнѣе получаетъ, восхожденіе въ силу вѣдѣнія, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому подобаетъ всякая слава, честь и держава во вѣки. Аминь.

СЛОВО 3¹).

О страхѣ (Господнемъ), вводномъ и совершенномъ.

Чревоугодіе есть первая изъ осьми главныхъ страстей. Божественный же страхъ и первая заповѣдь веѣ ихъ излагаетъ; неимѣющій же его не можетъ имѣть и другого блага. Ибо не боящійся какъ можетъ сохранять заповѣдь? развѣ только любви достигнулъ таковой. Однако и этотъ началъ со страха, хотя можетъ быть и не знаетъ, какъ отошелъ отъ него вводный страхъ. Если же кто-либо говоритъ, что онъ другимъ путемъ пришелъ къ любви, то онъ былъ плѣненъ или духовною радостію или нечувствительностію, какъ перевезенные черезъ рѣку во снѣ, по слову св. Ефрема²); ибо таковой, ужасаясь многихъ

¹) Въ подлинникѣ слово это озаглавлено такъ: Третья буква есть γ (гамма), и вотъ третіе слово о страхѣ. Два есть страха Господня: вводный, удаляющій отъ зла, и совершенный, усердно воздѣлываемый.

²) Твореніе св. Ефрема Сирина. Часть 2, стран. 231. Москва 1849.

благодѣяній Божіихъ, которыхъ онъ удостоился по благодати, любить Благодѣтеля. Если же кто-либо, живя безчувственно въ састолубіи и славѣ, какъ тотъ (Евангельскій) богачъ, думаетъ, что угнетаемые страхомъ и проводящіе жизнь среди искушеній терпятъ это за грѣхи, и возносятся надъ ними, по гордости, считая себя достойнымъ такого спокойствія, которое онъ получилъ, будучи недостойнымъ его, то онъ, дѣлая себя недостойнымъ будущей жизни, помрачается безразсудною любовію ко временной. Можетъ быть и думаетъ, что онъ достигъ любви и потому болѣе тѣхъ получаетъ благодѣяній, не разумѣя Божія снисхожденія къ нему; но тѣмъ болѣе безотвѣтенъ будетъ такой на судѣ и по справедливости услышитъ: *воспріялъ еси благая твоя въ животъ твоимъ*. (Лук. 16, 25). Это очевидно, потому что многіе и изъ невѣрующихъ, такимъ образомъ, не по достоинству, получаютъ благодѣянія; но никто изъ здравомыслящихъ не считаетъ ихъ блаженными, и не говоритъ, что они достойны быть любимы Богомъ и любятъ Бога и можетъ быть потому благоденствуютъ въ жизни. И это такъ.

Страхъ же Господень бываетъ двоякій, какъ и вѣра—вводные, и совершенные, происходящіе отъ вводныхъ. Нбо боящійся мученія боится, какъ рабъ, и уклоняется отъ злого, (по сказанному), *страхомъ Господнимъ уклоняется всякъ отъ зла, и страху Гос-*

подню научу васъ (Притч. 15, 27 и Пс. 33, 12). И такъ это и подобное сказано о вводномъ страхѣ, по слову св. Доротея, чтобы по страху угрозъ пришли мы грѣшныя въ покаяніе, ища какъ бы получить намъ прощеніе грѣховъ нашихъ. И опять, пребывая въ насъ постоянно, страхъ научаетъ насъ пути къ жизни, по сказанному: *уклонися отъ зла и сотвори благо* (Пс. 33, 15). И на сколько человѣкъ подвизается во благомъ, на столько возрастаетъ въ немъ страхъ, такъ что указываетъ ему и малѣйшія его согрѣшенія, которыя онъ (прежде), будучи во тьмѣ невѣдѣнія, считалъ за ничто. Когда усовершенствуется страхъ, приходитъ и человѣкъ въ совершенство, черезъ плачь и не хочетъ уже болѣе согрѣшать, но, боясь возвращенія страстей, пребываетъ въ чистомъ страхѣ невредимымъ. *Страхъ Господень, сказано чисто, пребывай въ вѣкъ вѣка*, (Пс. 18, 10). Потому что первый страхъ не есть чисто, но происходитъ болѣе отъ грѣховъ; теперь же, безъ грѣховъ, боится очистившійся, не какъ согрѣшающій, но какъ человѣкъ, подверженный измѣненію и склонный къ злу. И на сколько возвысится онъ пріобрѣтеніемъ добродѣтелей, на столько боится, какъ смиренномудрый. И справедливо. Нбо всякій имѣющій богатство много страшится потери, мученій и безчестія, и—послѣ возвышенія—паденія. А бѣдный большею частію пребываетъ безъ страха, и боится только, чтобы не подвергнуться побоямъ.

Это сказано о весьма совершенныхъ и чистыхъ душею и тѣломъ; если же кто еще согрѣшаетъ, хотя бы и малѣйшими и ничтожными согрѣшеніями, то пусть не обольщается. Обольстились таковыя, говоритъ Лѣстничникъ, ибо такой страхъ не есть чистый, и не есть смиреніе, а рабское благоразуміе и страхъ угрозъ. Такому нужно исправить свой помысль, чтобы познать, въ какомъ онъ страхѣ находится, и многимъ плачемъ, въ терпѣннѣ скорбей, очистить свои согрѣшенія; такимъ образомъ успѣетъ онъ благодатію Христовою придти въ совершенный страхъ. Признакомъ перваго страха служить то, что человѣкъ ненавидитъ грѣхъ и гнѣвается на него, какъ уязвленный звѣремъ, а совершеннаго любовь къ добродѣтели и опасеніе переменны, ибо нѣтъ человѣка, неподверженнаго измѣненію. Вотъ почему при всякомъ дѣлѣ, въ этой жизни, мы должны всегда бояться паденія, видя, что великій Пророкъ и царь оплакивалъ два грѣха и Соломонъ уклонися въ такое зло; и какъ говоритъ Апостолъ: *мняйся стояти, да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. 10, 12). Если же кто говоритъ, что любовь *вонъ изгоняетъ страхъ*, по изреченію Богослова (1 Иоан. 4, 18), то онъ говоритъ справедливо, но страхъ первый и вводный. О совершенномъ же страхѣ говоритъ Давидъ: *блаженъ мужъ бояйся Господа, въ заповѣдехъ Его восхождетъ зѣло* (Пс. 111, 1), то есть зѣло возлюбитъ добродѣтель. Такой находится въ чинѣ сына, ибо не

изъ боязни мученій это дѣлаетъ, но по любви, вонъ изгоняющей страхъ. Потому и *восхождетъ зѣло*, не какъ рабъ, но необходимости, исполняя заповѣди, изъ боязни мученій, отъ которыхъ да избавимся и мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа. Ему подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе во вѣки. Аминь.

СЛОВО 4¹).

О благочестіи.

Ясно, что благочестіе есть названіе многовиднаго и многообразнаго, какъ и внѣшнее любомудріе. Ибо какъ мы называемъ любомудріемъ совокупное изученіе десяти наукъ, а не одной или двумъ наукамъ усвоиваемъ это названіе, по совокупности десяти наукъ, такъ и благочестіе (*εὐσεβεία*) не есть названіе одной какой-либо добродѣтели, но наименованіе всѣхъ заповѣдей, отъ (слова) благочествовать (*εὐσεβῆν*), то есть хорошо служить. Если же кто-либо скажетъ, что слово благочестіе относится къ вѣрѣ,

¹) Въ подлинникѣ оно озаглавлено такими стихами. Вотъ четвертое настоящее слово о благочестіи и буква δ (дельта), ибо порядокъ (азбуки) такъ положенъ; имѣетъ оно (въ себѣ) воздержаніе, потому что вмѣстѣ съ цѣломудріемъ составляетъ начало осьми противоборствъ осьми страстямъ. Таковы дѣла благочестія.

будучи производимо отъ благо и чтить (*σεβεσθαι*), то пусть онъ скажетъ намъ, какъ человѣкъ сперва боится Господа, а потомъ уже вѣруетъ, а не скорѣе сперва вѣруетъ Господу, и потомъ уже боится Его. Ибо отъ вѣры страхъ и отъ страха благочестіе, по слову Пророка, который сперва сказалъ о премудрости, и потомъ нисходя говоритъ: *духъ отъдѣнія и благочестія, духъ страха Божія* (Ис. 11, 2. 3). И Господь, начавшій отъ страха, имѣющаго онъ притягивать къ плачу. Но теперь не время говорить по порядку о всякомъ благочестіи, то есть всякомъ дѣланіи духовномъ. И потому, оставивъ тѣлесныя дѣянія, совершаемыя прежде великой вѣры и чистаго страха, какъ всѣмъ извѣстныя, вкратцѣ, при содѣйствіи благодати, скажемъ о произрастеніяхъ мысленнаго рая, то есть душевныхъ добродѣтелей. Къ нимъ относится всеобъемлющее воздержаніе, то есть удаленіе, говорю, отъ всѣхъ страстей; ибо есть другое частное воздержаніе въ тѣлесныхъ дѣланіяхъ. Но это послѣднее учить употребленію—пищи и питія, а то удерживаетъ всякій помысль и всякое движеніе членовъ, неугодное Богу, что и называется воздержаніемъ страстей. Оно не терпитъ отнюдь помысла или слова, или движенія руки, или ноги, или другого какого-либо члена тѣла, кромѣ необходимаго употребленія ихъ, то есть для того, чтобы жить тѣлу и спасти душѣ. Отсюда умножаются искушенія демо-

новъ, которые видятъ ангела во плоти, но усердію и дѣланію добраго. И это есть (сказанное)—*оулаги и хранити* (Быт. 2, 15), ибо есть дѣло совершенное и требуетъ непрестаннаго храненія, чтобы не вкрадась и не вошла какая либо изъ виѣ стоящихъ страстей.

Не одинаковы между собою два воздержанія и два цѣломудрія: но одно удерживаетъ блудъ и постыдныя страсти, а другое и тончайшій, безгрѣшный помысль собираетъ къ себѣ и собою возводитъ къ Богу. Поэтому и словомъ въ точности нельзя его выразить, или познать только слышаніемъ, но путемъ опыта приходитъ человѣкъ въ дѣланіе и познаніе каждаго изъ сихъ, весьма ужасающихъ умъ. Да и какимъ образомъ одно только простое названіе (добродѣтелей) можетъ возвысить персть и вещественное сдѣлать невещественнымъ? Наименованія пныхъ вещей постигаетъ и виѣшняя ученость, основываясь на производствѣ словъ, а опытное познаніе добродѣтелей и приобрѣтеніе ихъ требуютъ помощи Божіей и снискиваются многими трудомъ, и временемъ; особенно въ душевныхъ добродѣтеляхъ, потому что онѣ наиболѣе сокровенны и суть собственно добродѣтели. Тѣлесныя добродѣтели, или точнѣе орудія добродѣтелей, легче, хотя и требуютъ трудовъ тѣлесныхъ, а душевныя, хотя требуютъ только мысленнаго вниманія, но не легко приобрѣ-

таются. Потому и законъ во-первыхъ говоритъ: *внемли себѣ* (Второзак. 15, 9). О семъ изреченіи Великій Василій написалъ досточудное слово. А мы, вовсе невнимательные къ себѣ, что скажемъ? Мы уподобляемся фарисеямъ; посты, бдѣнія и тому подобное можетъ быть и имѣютъ нѣкоторые изъ насъ и часто съ нѣкоторымъ вѣдѣніемъ, но разсужденія не имѣемъ, потому что не хотимъ быть внимательными къ себѣ, и познать, что есть некое нами. Не хочетъ кто либо (изъ насъ) пребывать во вниманіи помысламъ, дабы пріобрѣсти опытность отъ многихъ браней и искушеній, и сдѣлаться можетъ быть для другихъ искуснымъ мореплавателемъ, если не кормчимъ. Но какъ видно, будучи слѣпыми, по примѣру фарисеевъ, говоримъ, что мы видимъ. *Сего ради*, сказано, *лишнее примутъ осужденіе* (Матѣ. 23, 14). Если бы мы были слѣпы, то не имѣли бы осужденія (Іоан. 9, 41), но довольно было бы для насъ благоразумія и исповѣданія нашей немощи и неразумія. Но увы мнѣ! Ради этого и подпадемъ большому осужденію, какъ Елины, по слову Соломона, что столько вымысливъ, они потеряли некое. И такъ умолчимъ ли какъ не имѣющіе дѣла? Но это будетъ еще хуже. Ибо сказано: *наче же и облачайте. Бываемая бо отай срамно есть и глаголати* (Ефес. 5, 12). Поэтому умолчу о послѣднемъ, о досточудныхъ же добродѣтеляхъ начну говорить; ибо омраченное мое сердце улаживается

вспоминаніемъ о нихъ и ихъ сладостію; потому и забываю мѣру мою и небрегу объ осужденіи, которое предстоитъ мнѣ, за то, что говорю, но не дѣлаю. И такъ, воздержаніе и цѣломудріе одинаковую имѣютъ силу и бывають двухъ родовъ, какъ сказано, но будемъ теперь говорить о совершеннѣйшемъ.

Кто, по благодати Божіей, имѣетъ великую вѣру вѣдѣнія, и чистый Божественный страхъ и желаетъ чрезъ нихъ пріобрѣсти воздержаніе и цѣломудріе, тотъ долженъ совершенно удерживать себя внутренно и внѣшно, и быть какъ бы мертвымъ по тѣлу и по душѣ, въ отношеніи этого міра и людей; говоря всегда своему помыслу: кто я такой? и что такое составъ мой,—если не мерзость? Первоначально¹⁾—земля, въ послѣдствіи тлѣніе, а въ срединѣ всякій позоръ. И опять²⁾. Что такое жизнь моя и сколько она продлится? Одинъ часъ и—смерть! Для чего мнѣ заботиться о томъ или о другомъ? Сейчасъ могу умереть. Жизнь и смерть во власти Христа, а я о чемъ забочусь и спорю попустому. Необходимо немного хлѣба, а избытокъ для чего? Если имѣю необходимое, да прекратится всякое попеченіе; если же нѣтъ, то объ одномъ этомъ, по несовершенству можетъ быть моего вѣдѣнія, позабочусь, хотя и есть

1) *ἔγω μὲν.*

2) *καὶ ἐπεκρίνα.*

Богъ промышляющій. И такъ человекъ долженъ всячески заботиться о храненіи чувствъ и помысловъ, чтобы никакъ не утверждать и не дѣлать ничего, что онъ считаетъ неудобнымъ Богу. И да приготавливаетъ себя къ терпѣнію постигающаго его отъ демоновъ или отъ людей,—сладостнаго и горестнаго, чтобы не бояться ни того, ни другого, и не придти въ неразумную радость и самомнѣніе, или въ печаль и отчаяніе, и не имѣть отнюдь дерзновенія въ помыслахъ, пока не придетъ Господь, Которому слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО 5¹).

О терпѣніи.

Господь сказалъ: *претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ* (Матѳ. 10, 22). Терпѣніе служитъ укрѣпленіемъ для всѣхъ добродѣтелей. И ни одна изъ добродѣтелей безъ него не можетъ устоять, ибо всякій обратившійся *вспять не управленъ есть въ царствіи Божіи* (Лук. 9, 62). Если кто либо думаетъ, что онъ причастенъ и всѣмъ добродѣтелямъ, но не *претерпитъ до конца*, то не избѣжитъ сѣтей діавольскихъ

¹) Заглавіе подлинника составляютъ стихи. Пятое слово о терпѣніи и буква ε. Оно есть первое и великое въ добродѣтеляхъ и во всякомъ искусствѣ.

и не будетъ *управленъ* къ достиженію Царства Небеснаго. Ибо и тѣ, которые уже здѣсь получили обрученіе (жизни вѣчной) имѣютъ нужду въ терпѣніи, чтобы воспринять въ будущемъ совершенную награду за подвигъ. Во всякомъ искусствѣ и при всякомъ знаніи необходимо терпѣніе. И справедливо; потому что безъ него не совершаются и самыя внѣшнія дѣла; но если бы какое нибудь изъ нихъ и совершилось, то нужно бываетъ терпѣніе для того, чтобы совершившееся сохранилось. И просто сказать: всякое дѣло прежде, нежели совершится, съ терпѣніемъ совершается, и совершенное терпѣніемъ сохраняется, и безъ него не можетъ устоять, да и не получаетъ конца. Ибо если это дѣло хорошее—терпѣніе податель и хранитель его; если же худое,—терпѣніе подаетъ (въ немъ) покой и великодушіе, и не попускаетъ искушаемому томиться малодушіемъ, обреченіемъ геенны. Ему свойственно умерщвлять отчаяніе, умерщвляющее душу. Оно научаетъ душу утѣшать себя и не унывать отъ множества браней и скорбей. Уклонившійся отъ него Іуда, какъ неопытный въ брани, нашелъ себѣ двоякую смерть. Усвоившій его себѣ Апостоль Петръ, какъ опытный въ брани, и въ самомъ паденіи побѣдиль низложившаго его діавола. Усвоивъ терпѣніе, монахъ тотъ, нѣкогда павшій въ блудъ, побѣдиль побѣдившаго его, потому что не послушалъ помысла отчаянія,

который понуждалъ его уйдти изъ келліи и пустыни, но съ терпѣніемъ говорилъ своимъ помысламъ: не согрѣшилъ я, и опять говорю вамъ: не согрѣшилъ. О Божественное благоразуміе и терпѣніе доблестнаго мужа!—Терпѣніе усовершенствовало блаженнаго Іова и первыя его добрыя дѣла. Ибо если бы немного уклонился отъ него праведный, то потерялъ бы и все прежнее; но Знавшій его терпѣніе попустилъ бѣдствіе, къ усовершенствованію его и пользѣ многихъ. Познавшій пользу терпѣнія прежде всего старается пріобрѣсти его, по слову Великаго Василія, который говоритъ: не на всѣ страсти вооружайся вдругъ; можетъ быть не получишь успѣха и обратишься *вспяты и не управленъ будешь въ царствіи Божіи* (Лук. 9, 62); но борись съ каждою изъ страстей порознь, начиная съ терпѣнія того, что тебя постигаетъ. И поистиннѣ такъ. Ибо если кто либо не имѣетъ терпѣнія, то никогда не можетъ устоять на войнѣ видимой, и не только себѣ, но и другимъ наносить своимъ уклоненіемъ бѣгство и гибель. По слову, которое Богъ сказалъ Моисею: *страшливый на брань да не исходитъ* (Второзакон. 20, 8) и проч. Но при видимой войнѣ иной можетъ оставаться внутри дома и можетъ быть не выходить на войну; хотя чрезъ это и лишится даровъ и вѣнцевъ, и останется можетъ быть въ бѣдности и безчестіи. Въ мысленной же брани невозможно найдти мѣста, гдѣ бы ея не

было; хотя бы и все твореніе прошелъ кто либо, но куда ни пойдетъ, вездѣ встрѣтитъ брань. Въ пустынѣ—звѣри и демоны и прочія злополучія и страшнѣйшія. Въ безмолвіи—демоны и искушенія. Среди людей—демоны и люди искушающіе. И нигдѣ нѣтъ мѣста безъ испытаній¹⁾, потому безъ терпѣнія и невозможно найдти покой. Терпѣніе же происходитъ отъ страха и вѣры и начинается съ благоразумія. Благоразумный испытываетъ дѣла согласно уму, и, находя ихъ тѣсными, какъ сказала Сусанна, избираетъ лучшее, какъ и она. Ибо эта блаженная воззвала къ Богу: (Дан. 13, 22) *тѣсно ми отъсюду*: если я исполню желаніе незаконныхъ старѣйшинъ, душа моя погибнетъ за прелюбодѣяніе, если же послушаюсь ихъ, оклеветаютъ меня въ прелюбодѣяніи и, какъ судьи народа, осудятъ меня на смерть; но лучше мнѣ прибѣгнуть къ Всесильному, хотя и смерть предстоитъ. О каково было благоразуміе этой блаженной! Разсудивъ такъ, она не ошиблась въ своей надеждѣ. Но какъ только собрался народъ и незаконные судьи возсѣли, чтобы оклеветать ее и осудить неповинную на смерть, какъ прелюбодѣйцу, тотчасъ двѣнадцатилѣтній Даніилъ явился отъ Бога пророкомъ и избавилъ ее отъ смерти, обративъ смерть на старѣйшинъ, хотѣвшихъ осудить ее незаконно. Примѣромъ Су-

¹⁾ ἀνεωρεάστος.

сапны Богъ показалъ, что Онъ близокъ къ тѣмъ, которые желаютъ ради Его терпѣть искушеніе и не хотятъ оставить добродѣтель по нерадѣнію изъ за скорби, но предпочитаютъ законъ Божій, и въ терпѣніи того, что ихъ постигаетъ, увеселяются надеждою спасенія. И справедливо. Если предстоятъ два бѣдствія: одно временное, а другое вѣчное, то не лучше ли избрать первое. Потому и говоритъ св. Исаакъ: лучше терпѣть бѣдствія изъ любви къ Богу и прибѣгать къ Нему, въ надеждѣ вѣчной жизни, нежели, по страху искушеній, отнасть кому либо отъ Бога, впасть въ руки діавола и съ нимъ идти въ муку (Іак. 1, 2; 2 Кор. 8, 2). Потому хорошо было бы, еслибы кто подобно святымъ радовался въ искушеніяхъ, какъ боголюбивый; если же мы не таковы, то изберемъ по крайней мѣрѣ легкое, ради предлагающей необходимости. Ибо намъ необходимо или здѣсь бѣдствовать тѣлесно и царствовать мысленно со Христомъ, въ нынѣшнемъ вѣкѣ, ради безстрастія, и потомъ въ будущемъ; или отнасть по страху искушеній, какъ было сказано, и пойдти въ вѣчную муку, отъ которой да избавитъ насъ Богъ, чрезъ терпѣніе бѣдствій здѣсь. Терпѣніе есть какъ бы камень, неподвижно стоящій противъ вѣтровъ и волнъ житейскихъ, и достигшій его не пзнемогаетъ при паводненіи и не возвращается назадъ; но, и находя покой и радость, не увлекается самомнѣніемъ, а

всегда пребываетъ одинаковымъ, и въ благоденствіи и въ злополучіи; потому онъ и пребываетъ невредимымъ отъ сѣтей врага. Когда встрѣтитъ бурю, терпитъ съ радостію, ожидая бонца: когда и тихая погода бываетъ, ожидаетъ искушенія до послѣдняго издыханія, по слову Великаго Антонія. Такой познаетъ, что въ этой жизни отнюдь ничего нѣтъ неизмѣннаго, но все проходитъ, потому онъ и ни мало не заботится о чемъ либо земномъ, но предоставляетъ все Богу, ибо Онъ печется о насъ. Ему подобаетъ всякая слава, честь и держава во вѣки. Аминь.

СЛОВО 6¹).

О надеждѣ (будущаго).

Надежда, чуждая понеченій, есть жизнь и богатство, невидимое по чувству, но подтверждаемое благоразуміемъ и существомъ дѣлъ. Ибо и земледѣльцы трудятся сѣя и сажая; и мореплаватели терпятъ также многія бѣдствія, и дѣти.—обучаясь чтенію и прочимъ наукамъ; но все они имѣютъ въ виду надежду, потому и трудятся съ радостію, и по-

¹) Заглавіе подлинника. Вотъ опять написалось Евангельское слово о надеждѣ будущаго. Зита шестая изъ буквъ. Ищеть ζ (ζυγεί) и умъ того, чтобы сдѣлаться безпечительнымъ.

видимому теряютъ готовыя вещи, по умственному же,—терпятъ для того, чтобы приобрести большее. Часто имѣютъ и недостатокъ въ томъ, что намѣрены посѣять. Но, можетъ быть, кто нибудь скажетъ: изъ опыта они научаются, что получаютъ приобрѣтеніе, а въ мысленномъ (не такъ); никто не воскресъ изъ мертвыхъ, чтобы научить насъ. Это происходитъ отъ неопытности въ духовныхъ дарованіяхъ и познаніяхъ; и не чудо; ибо неопытные и въ преждеупомянутомъ боятся, пока не испытаютъ. И дѣти, не понимая пользы отъ обученія грамотѣ и прочимъ наукамъ, бѣгутъ отъ нихъ, но родители, чувствуя эту пользу, какъ чадолюбивые, насильно принуждаютъ ихъ, а современемъ, когда дѣти получаютъ опытность, то начинаютъ не только любить науки и принуждающихъ къ нимъ, но и сами съ радостію терпятъ все за познанія, которыхъ достигли. Потому и мы должны прежде съ вѣрою и терпѣніемъ идти, и не ослабѣвать въ скорбяхъ; тогда, современемъ, познаемъ пользу совершаемаго нами. И такъ съ радостію и веселіемъ будемъ дѣлать должное безъ труда. *Вѣрою бо ходимъ*, говоритъ Апостолъ, *и не видимъ* (2 Кор. 5, 7). Но какъ никому изъ занимающихся въ вѣкѣ семь торговлею невозможно тотчасъ получить прибыль, такъ невозможно никому приобрести знаніе и покой, прежде нежели онъ дѣломъ и словомъ потрудится въ добродѣтеляхъ. И какъ тѣ

(торгующіе) всегда боятся потери и надѣются на прибыль, такъ и здѣсь должно быть до послѣдняго издыханія. И какъ первые не тогда только дѣлаютъ свое дѣло, когда получаютъ прибыль, но и послѣ потери и бѣдствій опять его дѣлаютъ, такъ и вторые должны поступать, зная, что праздный не ѣстъ отъ своихъ трудовъ, почему и бываетъ бѣденъ, а часто и долженъ можетъ быть много талантовъ. Потому и говоритъ Пророкъ: *на упованіи вселилъ мы еси* (Пс. 4, 9), и Апостолъ сказалъ: *упованіемъ получили совершенство* (Евр. 6, 12. 18). Это сказано нами вкратцѣ, на основаніи природы вещей и Божественнаго Писанія; если же кто хочетъ дознать опытомъ, тотъ пусть, по силѣ своей, проходить семь тѣлесныхъ дѣланій,¹⁾ не развлекаясь, совершенно какъ въ училищѣ, и старается о нравственномъ, то есть, душевномъ дѣланіи; достигнувъ чрезъ это надежды и, пребывая въ ней, онъ получитъ точное познаніе сказаннаго, и того, что въ началѣ покаянія, когда онъ началъ семь дѣланій отъ перваго, то есть безмолвія, было уже воздаяніе надежды и готовое приобрѣтеніе, прежде нежели онъ потрудился въ прочихъ шести, то есть постѣ, бдѣніи и прочемъ; но какъ только онъ началъ подвизаться въ первомъ очищеніи души,—безмолвіи, тотчасъ пригото-

¹⁾ См. книгу 1-я стран. 28.

вилось приобрѣтеніе, будучи же неопытнымъ ученикомъ, онъ не познавалъ тогда благодати Владыки, какъ и дитя—пользы отъ своихъ родителей, хотя они и прежде рожденія, по произволенію, были уже его благодѣтелями, желая, чтобы оно не только родилось и было живо, но и наслѣдовало послѣ нихъ то, что они приготовили ему и еще приобрѣтутъ съ трудомъ. Но дитя, не понимая этого, вовсе не заботится ни о чемъ, считаетъ себѣ тягостію подчиненіе родителямъ, и если бы не было необходимости въ пищѣ и не понуждала природа, то никакъ бы не вело себя благоразумно. Тотъ же, кто желаетъ наслѣдовать Царство Небесное и не терпитъ постигающихъ его (скорбей), оказывается еще болѣе неразумнымъ. Ибо онъ созданъ по благодати, получилъ все существующее, и надѣется на будущее, вѣчное соцарствование Христу, удостоившему его, ничего не значащаго, столькихъ и такихъ даровъ, чувственныхъ и мысленныхъ, такъ что и пречестную кровь Свою Христосъ благоволилъ пролить за него, и ничего отъ него не требуетъ какъ только, чтобы онъ имѣлъ произволеніе принять Его блага и болѣе ничего. Это составляетъ Его единственное требованіе. Успѣвшій познать это приходитъ въ ужасъ. Чего требуетъ отъ тебя Богъ, говорить? О безуміе! Какъ мы видя не видимъ страшныхъ Его тайнствъ? И то самое, что Богъ являетъ Себя ищущимъ отъ насъ (этого желанія), есть

для насъ величайшій даръ. Какъ мы не разумѣемъ, что лучший изъ всѣхъ есть старающійся о добродѣтели и выше всѣхъ онъ стоитъ и восходитъ горѣ, хотя бы былъ и бѣдный и безродный. Развѣ не видимъ мы въ нынѣшнемъ вѣкѣ Пророковъ и Апостоловъ и Мучениковъ и сомнѣваемся о будущемъ. Разсмотримъ жизнеописанія ихъ, что они сдѣлали, и откуда, какъ они говорятъ, получили они благодать и крѣпость, и не только (при жизни), но и по смерти дѣлаютъ чудеса. Видимъ, что цари и богатые поклоняются ихъ святымъ иконамъ. Видимъ, что добродѣтельные и въ нынѣшнемъ вѣкѣ живутъ съ полною благодарностію въ духовной радости и добродѣтели, а богатые негодуютъ¹⁾ и подвергаются искушеніямъ, болѣе, нежели подвижники и нестяжательные. Поэтому и надѣемся, что добродѣтель поистиннѣе есть лучшее изъ всего. Если же не такъ, то разсмотримъ, почему невѣрные, можетъ быть и Бога незнающіе, восхваляютъ добродѣтель, хотя и иновѣрнымъ представляется имъ добродѣтельный человѣкъ; но добродѣтель пристыждаетъ и противника. Если мы вѣруемъ, что добродѣтель есть благо, то всячески и сотворившій добродѣтель и даровавшій ее людямъ Богъ также благъ; а если благъ, то всячески и праведенъ, ибо праведность есть добродѣтель, потому и благая.

¹⁾ ἀγαχαίνονται.

Если же Богъ благъ и праведенъ, то все, что Онъ сотворилъ и еще творить, творить Онъ по благодати, хотя лукавымъ это и неясно; ибо ничто такъ не по-мрачаетъ обыкновенно мысль¹⁾, какъ лукавство. Простотѣ и смиренію, а не трудамъ является Богъ²⁾. Является же Онъ не такъ, какъ думаютъ нѣкоторые по своей неопытности, но вѣдѣніемъ (созерцаніемъ) существующаго, то есть, твореній Его и откровеніемъ таинствъ въ Божественныхъ Писаніяхъ. Таково воз-мездіе безмолвія и прочихъ дѣланій въ нынѣшнемъ вѣкѣ, а въ будущемъ—*яже око не видитъ, и ухо не слы-ши, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготови Богъ любящимъ Его* (1 Кор. 2, 9) и отвергающимъ свои пожеланія съ терпѣніемъ и надеждою будущихъ благъ, о которыхъ и мы молимся,—получить ихъ благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Иису-са Христа. Ему подобаешь всякая слава, честь и дер-жава во вѣки. Аминь.

¹⁾ Дополнено по слав. переводу, а въ греч. «мысль» нѣтъ.

²⁾ См. Лѣствицу преп. Іоанна. Москва. 1862. Ст. 26 § 52, стр. 248.

СЛОВО 7¹⁾.

О безпристрастіи.

Безстрастіе происходитъ отъ надежды, ибо на-дѣющийся получить въ иномъ мѣстѣ вѣчное богат-ство легко презираетъ то, что у него подъ руками, хотя бы временная жизнь и представляла всякій по-кой, а если жизнь эта еще прискорбна и многоболѣз-ненна, то кто заставитъ разумнаго человѣка предпо-читать ее любви къ Богу, Который и эту жизнь и ту даетъ любящимъ Его; развѣ только человѣкъ тотъ слѣпъ и вовсе не можетъ видѣть, по невѣрію, худо-му произволению и привычѣ къ злу. Если же бы онъ вѣровалъ, то просвѣтился бы; и, получивъ чрезъ твердую вѣру малый свѣтъ познанія, подвизался бы освободиться отъ злѣйшей своей привычки. И если бы положилъ такъ въ душѣ, то благодать содѣйство-вала бы ему и подвизалась бы вмѣстѣ съ нимъ. Но потому и говоритъ Господь: *мало есть спасающихся* (Лук. 13, 23), что сладкимъ кажется намъ видимое, хотя оно и горько. И собака, когда лижетъ свою рану²⁾, отъ сладости не ощущаетъ болѣзни, что она

¹⁾ Надписаніе подлинника. Седьмая въ буквахъ η (ита), а настоящее слово о безпристрастіи. Оно рождается отъ на-дежды, и есть бѣгство отъ всего міра.

²⁾ Τὴν ῥίαν. носъ.

плетъ собственную кровь. И чревоугодникъ, когда ѣсть вредное для него, по душѣ и по тѣлу, не чувствуетъ вреда, который себѣ дѣлаетъ. И всѣ работѣлюющіе страстямъ также страдаютъ, по нечувствію, а если иногда и возстаютъ, то привычкою (къ страстямъ) опять увлекаются; потому и говоритъ Господь: *Царствіе Небесное нудится* (Матѣ. 11, 12), не по порядку естества, а по нашему навыку въ страстяхъ. Если же бы оно было таково по естеству, то никто не вошелъ бы въ него: по имѣющимъ произволеніе *иго Господне благо и бремя легко* (Матѣ. 11, 30), а не имѣющимъ произволенія *тѣсна врата и прискорбенъ путь и нужно царствіе* (Лук. 13, 24). Для первыхъ оно *внутри есть* и близъ нихъ, потому что они желаютъ его, и скоро достигаютъ безстрастія. Ибо воля помогаетъ памъ или препятствуетъ спастись, и—ничто другое. Пожелалъ ты чего либо добраго,—исполняй его; если не можешь,—желай, и вотъ ты уже имѣешь его, хотя и не имѣешь. Такъ понемногу образуется привычка и сама по себѣ дѣлаетъ или доброе или худое. Если бы не было такъ, то ни одинъ разбойникъ не спасся бы; а не одинъ только, но и многіе изъ разбойниковъ просіяли. Посмотри, какъ велико разстояніе между разбойникомъ и святымъ, однако привычка не преодолѣла, но произволеніе побѣдило. А кто, по благодати Христовой благоговѣнъ, или и монахъ, тому что препятствуетъ сдѣ-

латься такимъ, какъ они? Тѣ далеко, а этотъ близко, и большую часть пути уже прошелъ, по благодати, или естественно, или наслѣдовавъ отъ родителей благочестіе и благоговѣніе. Не странно ли, когда разбойники и раскопывающіе гробы будутъ святыми, а иноки осужденными! Но увѣръ ли бѣдному! *студѣ лица моего покрѣ мя* (Ис. 43, 16). Цари предаются нищетѣ, подобно Іоасафу и другимъ, а нищій не можетъ держаться прежняго своего обычая, и безъ труда войти въ Царство Небесное, безпристрастіемъ къ вещамъ, которыхъ онъ не получилъ и по наслѣдству отъ родителей. Но когда онъ произнесъ «отрекаюсь» и того, чего не имѣлъ (ибо міръ и то, что въ мірѣ, другой содержитъ въ своей власти, а этотъ только желалъ власти), когда и сего онъ отрекся, тогда дѣлается многостязательнымъ и говоритъ: не могу быть нестяжательнымъ, и терпѣть то, что меня постигаетъ. Но что терпѣть, скажи мнѣ? темницы ли и оковы, которыя имѣлъ ты прежде? Если же ты былъ начальникомъ, то вѣдь и начальники и богатые терпятъ это. Такъ что же? недостатокъ въ необходимомъ, наготу и прочее тяжкое, что ты имѣлъ (и прежде). Но чтобы, подробно говоря, не продолжить слова и не посрамить полныхъ стыда (скажу только): довольно съ насъ и того, что имѣемъ при страстіе къ чему-либо изъ видимыхъ вещей, отъ желанія которыхъ мы отреклись, и это къ посра-

мленію и обличенію въ будущемъ, подобно Гіезію и Іудѣ. Одинъ изъ нихъ пожелалъ того, чего не имѣлъ, и за то, вмѣстѣ съ паденіемъ, получилъ и проказу отъ Бога, а другой, отрехшись того, что имѣлъ, опять пожелалъ этого, чрезъ что и получилъ въ наслѣдство погибель вмѣстѣ съ давленіемъ.

Какое же преимущество монаха, если не храненіе дѣвства и нестяжаніе? Другія заповѣди, какъ согласныя съ естествомъ, и всѣ люди должны исполнять. Ибо любить Бога и ближняго, терпѣть постигающее насъ, употреблять вещи по естеству и удаляться отъ злыхъ дѣлъ каждый изъ насъ долженъ, хотя бы и не желалъ; и безъ храненія этого нельзя найти покоя и въ нынѣшнемъ вѣкѣ. Потому что и законы наказываютъ согрѣшающихъ, и начальники понуждаютъ къ исполненію добродѣтели, по слову Апостола: *не бо вотще*, говоритъ онъ, *мечъ носить*. И опять: *хощеши ли не боятися власти? благое твори, и будещи имѣти похвалу отъ него* (Рим. 13, 3. 4). И это все, какъ естественное, всѣ не только дѣлаютъ, и всѣ желаютъ этого, но и охраняютъ правосудіемъ. А жребій монаха есть то, что превышаетъ естества. Онъ воинъ Христовъ, потому долженъ вкусить страданій Его, чтобы получить и славу Его. И это также естественный законъ, подтверждаемый чувственными дѣлами. Не прославляются ли воины царскіе, за то, что страдаютъ вмѣстѣ съ царемъ? Не по

мѣръ ли того, какъ страдаетъ каждый, получаетъ онъ здѣсь и похвалу? а на сколько оказывается непотребнымъ, на столько и подвергается безчестію. Не на сколько ли кто-либо носить одежду, подобную царской, на столько бываетъ ближайшимъ къ нему, а на сколько—несходную, оказывается чуждымъ царю? Такъ должно смотрѣть и на окружающихъ нашего Царя. На сколько кто сострадаетъ и подражаетъ Христу въ нищетѣ Его, вкушая страданій и поношеній Его, которыя Онъ претерпѣлъ ради насъ, прежде распятія и погребенія, на столько дѣлается близкимъ Ему и соучастникомъ славы Его, по слову Апостола, который говоритъ: *иже съ Нимъ страдаемъ, то съ Нимъ и прославимся* (Рим. 8, 17). Увы! Какъ мы не разумѣемъ, сколько терпятъ воины и разбойники и какъ трудятся ради одного только хлѣба; сколько странствуютъ путешественники и мореплаватели, и сколько труда переносятъ всѣ люди безъ надежды на Царство Небесное, а часто и не достигая цѣли, для которой трудятся. Мы же ради Царства Небеснаго и вѣчныхъ благъ не хотимъ и немного потерпѣть. Можетъ быть это и не было бы намъ такъ трудно, если бы произволеніе наше склонялось къ тому и не считало бы приобрѣтеніе добродѣтелей тягостнымъ и несноснымъ, но скорѣе радостію и спокойствіемъ, ради надежды, безпечительности, и чести, невольно послѣдующей за добродѣтелью. (Ибо

и противникъ стыдится ея и удивляется ей.) Конечъ ея веселіе и радость, и не только это, но безпристрастіе и въ самомъ себѣ имѣетъ соединенную съ нимъ радость, какъ и жизнь вещественная, въ постыдныхъ страстяхъ, содержитъ въ себѣ печаль, отъ каковой (плотской жизни) да избавимся мы, и да достигнемъ невещественной и вѣчной жизни безпристрастіемъ, рождающимъ умерщвление тѣла во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ. Ему подобаеъ всякая слава, честь и поклоненіе во вѣки. Аминь.

СЛОВО 8¹).

Объ умерщвленіи страстей.

Безпристрастный всегда внимаетъ Богу вѣдѣніемъ. Ибо безпристрастіе къ чувственному возбуждаетъ вѣдѣніе мысленнаго. Подъ вѣдѣніемъ же (разумѣю) здѣсь не (созерцаніе) существующаго,²⁾ но страшнаго, бывающаго при смерти и послѣ смерти, о чемъ безпристрастный научаемъ бываетъ благодатію, къ умерщвленію страстей плачемъ, чтобы со време-

¹⁾ Надписаніе подлинника. Осьмое слово, осьмая и буква ѳ (ѳита). Безпристрастіе рождаетъ умерщвление страстей. Кто не удерживаетъ его (въ себѣ) съ трудомъ, тотъ не освобождается и отъ страстей.

²⁾ См. 1 книгу, стран. 101 о шестомъ познаніи.

немъ пришелъ онъ въ кротость помысловъ. Ибо отъ вѣры страхъ, и отъ страха благочестіе, то есть воздержаніе, терпѣніе, плачь, кротость, алчба и жажда правды, то есть всѣхъ добродѣтелей, милостыня, по блаженствамъ Господнимъ, безпристрастіе, и отъ него умерщвление тѣла, отъ многихъ стenanій и горькихъ слезъ покаянія и скорби, чрезъ которыя душа отвергаетъ радость міра и самую пищу отъ сокрушенія; потому что начинаетъ видѣть свои согрѣшенія, какъ песокъ морской, и это есть начало просвѣщенія души и признакъ ея здоровья. Бывающія же прежде этого, быть можетъ, слезы и будто-бы божественныя мысли, умиленіе и тому подобное суть насмѣшка и тайная хитрость демоновъ, особенно для живущихъ посреди людей, или въ попеченіи (о суетномъ), хотя бы оно было и весьма малое. Ибо невозможно, чтобы преданный чему-либо чувственному побѣдилъ страсти. Если же кто-либо укажетъ на древнихъ (святыхъ) мужей, что они имѣли и то и другое, то пусть онъ знаетъ, что они имѣли, но отнюдь ничего не употребляли по страсти. Это видно изъ того, что они брали себѣ женъ и познавали ихъ послѣ многихъ лѣтъ, какъ сказано въ Ветхомъ Заветѣ (Быт. 5) о родословіи людей; такъ что *имущіе* (женъ) *были яко не имущіе* (1 Кор. 7, 29). Видно и изъ (примѣра) Іова и другихъ праведниковъ; и не только это, но Давидъ былъ Царемъ и Пророкомъ, и Соло-

монъ до нѣкотораго ¹⁾ времени также, а онъ ска-
залъ: *попеченіе лукаво даде Богъ сыновомъ человеческимъ,*
еже упражняются въ суетныхъ (Эккл. 1, 13), да не
уклонятся въ горшее. Этому учить насъ и естество
вещей; ибо если и при множествѣ заботъ нѣкоторыя
находятъ удобное время для дѣланія незаконнаго, то
во сколько разъ было бы этого болѣе, если бы жизнь
наша была свободна отъ заботъ. Потому и надобно,
чтобы такой человѣкъ былъ озабоченъ; ибо пусть
онъ лучше имѣетъ *попеченіе лукавое* и будетъ праз-
денъ отъ Божественныхъ дѣлъ и разумнѣй, нежели
дѣлаетъ другое *лукавое*, гораздо худшее сего. А кто,
по благодати Божіей, достигнулъ (хотя) отчасти по-
знанія и можетъ разумѣть страшное, бывающее пе-
редъ смертію и послѣ смерти, что нанесло намъ
преслушаніе, тотъ не долженъ оставлять этихъ мыс-
лей и приносящихъ ихъ дѣлъ, полного безмолвія и
безнопечительной жизни, и заботиться о суетномъ.
Суета бо суетствій и всяческая суета (Эккл. 1, 2).
Взявъ отъ этого поводъ, Дамаскинъ сказалъ: «По
истинѣ суета все, а жизнь только тѣнь и сонъ, ибо
всѣ мятется всякъ (Пс. 38, 7) человѣкъ, какъ гово-
ритъ Писаніе». И дѣйствительно: что суетнѣе того,
чему конецъ тлѣніе и прахъ? Потому безпристрастіе
и есть умерщвленіе, однако не ума но тѣла, то есть

¹⁾ μέχρι τινός.

первыхъ движеній его къ неводержности и по-
кою. Ибо желаніе покоя, хотя бы и весьма малое,
есть воля плоти. А душа скорѣе печалится объ
этомъ, если только видитъ въ себѣ какое-либо ду-
ховное дѣланіе или вѣдѣніе; если же и она плоть,
то не имаетъ *пробывать въ ней Духъ Божій* (Быт. 6,
3). Потому и не старается она о какомъ-либо бла-
гомъ дѣлѣ, но силится исполнять пожеланія тѣла и
живущихъ въ ней страстей и, помрачаясь все болѣе
и болѣе, всегда добровольно коснѣетъ въ совершен-
номъ невѣдѣніи. Просвѣтившійся же,—чтобы видѣть
свои согрѣшенія, не перестаетъ рыдать о себѣ и о
всѣхъ подяхъ, видя такое терпѣніе Божіе и такіа
согрѣшенія, которыя мы, жалкіе, съ начала и преж-
де¹⁾ дѣлали и всегда дѣлаемъ; а чрезъ это дѣлается
онъ благоразумнымъ и отнюдь не смѣетъ осуждать
кого-либо, стыдясь многихъ благодѣяній Божіихъ и
своихъ согрѣшеній. Отсюда съ радостію оставляетъ
всякое свое пожеланіе, неудобное Богу, и заботится
о своихъ чувствахъ, чтобы онѣ не дѣлали отнюдь
ничего сверхъ необходимой потребности, по слову
Пророка: *Господи, не вознесся сердце мое, ниже возне-
состыся очи мои* (Пс. 130, 1). Но должно быть вни-
мательнымъ, чтобы, достигнувъ такой высоты, чело-
вѣку какъ-нибудь, отъ нерадѣнія или возношенія,

¹⁾ ἄνωθεν.

не потерять того же, что потерялъ онъ (Давидъ); ибо можетъ быть не успѣетъ онъ покаяться, какъ покался тотъ (Давидъ). Потому что грѣхъ близокъ и весьма праведнымъ, а покаяніе не всѣмъ удобно, по близости смерти и прежде нея—отчаянія. И такъ хорошо не падать, или падать и возставать; если же случится пасть, хорошо не отчаяваться, и не отчуждать себя отъ человеколюбія Владыки. Ибо Хотящій всѣмъ спастись) можетъ оказать милость нашей немощи, только не будемъ удаляться отъ Него, не будемъ отягощаться понужденіемъ къ исполненію Его заповѣдей, и, не въ силахъ будучи достигнуть (высоты) ихъ, не предадимся изнеможенію, но познаемъ, что предъ Господомъ *одинъ день яко тысяща лѣтъ. и тысяща лѣтъ яко день одинъ* (2 Петр. 3, 8). Не будемъ слишкомъ ретивы, не будемъ и ослабѣвать, но всегда полагать начало. Палъ ли ты, возстань. И опять палъ, возстань; только не оставляй Врача, чтобы чрезъ отчаяніе не подпасть осужденію, худшему—самоубійцы. Но пребывай при немъ и Онъ окажетъ тебѣ милость или обращеніемъ, или искушеніями, или другими дѣйствіями Промысла, безъ твоего вѣдома. Ибо діаволъ имѣетъ обычай возлагать на душу то, къ чему находитъ ее готовою: или радость и самолюбіе, или печаль и отчаяніе, или чрезмѣрные труды или совершенную лѣность, или безвременно, и сверхъ надобности, дѣла и мысли, или помраче-

ніе и безразсудную ненависть ко всему существующему. И просто: какое находитъ въ каждой душѣ вещество, то и возлагаетъ на нее, чтобы оно не сдѣлалось ей полезнымъ. Хотя это можетъ быть и благое и угодное Богу (дѣло), но—если оно будетъ направляемо людьми могущими судить о вещахъ и постигать намѣреніе Божіе, сокрытое среди окружающихъ его шести страстей: того, что выше и ниже его, по правую и лѣвую его сторону, внѣ и внутри его. Ибо дѣло ли то будетъ по Богу или знаніе, но (всегда) благое намѣреніе его бываетъ окружено шестью противными страстями. Потому, при всякомъ дѣлѣ, человекъ долженъ спрашивать (совѣта), по слову святаго Антонія; но спрашивать не у всякаго, а у имѣющихъ дарованіе разсужденія, чтобы не впасть обоимъ по неопытности въ яму, по Евангельской притчѣ (Лук. 6, 39). Потому что безъ разсужденія ни что не бываетъ добрымъ, хотя незнающимъ кажется и очень добрымъ, или потому что не своевременно, или сверхъ надобности, или сверхъ мѣры вещи, или крѣпости силъ человека, или знанія его, и по многому другому. Имѣющій же дарованіе разсужденія получилъ его чрезъ смиренномудріе и потому все познаетъ по благодати и своевременно приходитъ въ разсмотрѣніе¹⁾. И такъ отъ

¹⁾ См. Лѣствица Св. Іоанна Сл. 4-е § 105. Москва. 1862.

плача и терпѣнія рождается надежда и безпристрастїе, отъ которыхъ—умерщвление себя міру. И если человекъ будетъ пребывать въ терпѣніи, не отчаяваясь, оттого что повсюду видитъ утѣшеніе и смерть, но познавая, что это ему испытаніе и (источникъ) просвѣщенія, и не будетъ дерзновеннымъ, какъ бы достигшій уже въ мѣру (духовнаго возраста), то, чрезъ многія слезы, скорби, приходитъ онъ въ состояніе ясно видѣть святія страданія Господни и много бываетъ ими утѣшаемъ и считаетъ себя по истинѣ ниже всѣхъ, видя, что столько благъ изливается на него отъ благодати Божіей.—Богу слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО 9¹).

О честныхъ страданіяхъ²) Христовыхъ.

Чтобы кто-либо по причинѣ подвиговъ своихъ и многихъ стenanій и слезъ не подумалъ, что онъ совершаетъ великое дѣло, дается ему познаніе стра-

¹) Надписаніе подлинника. Вотъ ѣ (іота) и девятое слово о честныхъ страданіяхъ Христовыхъ. Отъ памятованія о смерти и о своихъ согрѣшеніяхъ, многія слезы рождаются въ дѣлатель; и отъ нихъ получаетъ онъ силу содержать въ умѣ страданія Христовы и Святыхъ Его.

²) Въ слав. о слезахъ и честныхъ страданіяхъ Христовыхъ.

даній Христовыхъ и всѣхъ Святыхъ. Разсматривая ихъ, онъ изумляется отъ удивленія и вмѣстѣ сокрушаетъ себя самого въ подвигахъ. Ибо познаетъ свою немощь отъ видѣнія столькихъ искушеній, которымъ нѣтъ числа, и того, какъ Святые столько претерпѣли съ радостію, и сколько ради насъ пострадалъ Господь. Вмѣстѣ съ этимъ получаетъ онъ просвѣщеніе къ познанію содѣланнаго и сказаннаго Господомъ. И, разсматривая все сказанное въ Евангеліи, начинаетъ иногда горько рыдать отъ скорби, иногда же отъ благодаренія радуется духовно, не потому, что думаетъ имѣть добрыя дѣла, это было бы самоуниженіе, но потому, что, будучи весьма грѣшнымъ, удостоился такого вѣдѣнія; и болѣе смиряется дѣломъ и словомъ, семью упомянутыми дѣланіями¹) и нравственнымъ, то есть душевнымъ дѣланіемъ и храненіемъ пяти чувствъ и заповѣдей Господнихъ. И не считаетъ это добрыми дѣлами, достойными награды, но напротивъ долгомъ, и никакъ не надѣется избавиться отъ долга, по величію дарованныхъ ему познаній. И бываетъ какъ бы плѣненнымъ разумѣніемъ словъ, которыя читаетъ и поетъ, и отъ сладости ихъ часто, невольно, забываетъ грѣхи свои и начинаетъ съ радостію проливать слезы, сладкія какъ медъ. И опять, боясь обольщенія, чтобы это не было не свое-

¹) См. часть 1 стран. 28.

временно, удерживать себя и, вспоминая прежнюю жизнь свою, снова плачетъ горько, и такъ идетъ (впередъ) посреди тѣхъ и другихъ слезъ. (Но все это бываетъ) если онъ внимаетъ себѣ и во всемъ совѣтуется съ кѣмъ-либо опытнымъ, и повергается предъ Богомъ съ чистою молитвою, приличною входящему дѣятельную жизнь, отвлекая умъ свой отъ всего, что онъ слышалъ и видѣлъ, и собирая его въ памятованіе о Богѣ, и ища только того, чтобы воля Божія совершалась во всѣхъ его начинаніяхъ и разумѣніяхъ. Если же не такъ, то онъ обольстится, думая¹⁾ что увидитъ явленіе кого-либо изъ святыхъ Ангеловъ или Христа, не понимая того, что желающій видѣть Христа не внѣ долженъ искать Его, но внутри себя, подражаніемъ жизни Его въ мірѣ, и тѣмъ, чтобы сдѣлаться тѣломъ и душою безгрѣшнымъ подобно Христу и всегда имѣть умъ мыслящимъ по Христу²⁾. А представлять себѣ во время молитвы какой-либо образъ, видъ или помыслъ не только не хорошо, но напротивъ весьма вредно. Умъ долженъ быть въ мѣстѣ Божіемъ, какъ то объясняетъ святой Нилъ, приводя изреченіе псалма: *и бысть, говоритъ, въ миръ мѣсто Его* (Пс. 75, 3). Миръ же состоитъ въ томъ, чтобы отнюдь не имѣть помысла хорошаго

¹⁾ μέλλει θεάσασθαι.

²⁾ διὰ Χριστὸν νοεῖν, въ слав. умъ о Христѣ разумѣющъ (1 Кор. 2, 16).

или худого. Потому, говоритъ святой Нилъ, что если умъ ощущаетъ себя, то онъ уже не въ Богѣ единомъ, но и въ себѣ. И поистиннѣ такъ. Ибо Божество неописуемо, безиредѣльно, не имѣетъ образа и вида, и тотъ, кто говоритъ, что умъ его съ единымъ Богомъ, также долженъ имѣть умъ безвиднымъ, не имѣющимъ очертанія, необразовиднымъ и неразвѣкаемымъ. А что внѣ этого, то—обольщеніе демонское. Потому и должно быть внимательнымъ, и безъ вопрошенія опытныхъ не утверждать никакого помысла ни добраго, ни худого, ибо мы не знаемъ ни того, ни другого. Демоны преобразуются, во что хотятъ, и такими намъ являютъ; какъ и человѣческій умъ и самъ преобразуется, во что хочетъ, и очерчиваетъ по виду воспринимаемаго имъ предмета; но демоны дѣлаютъ это для того, чтобы обольстить насъ, а умъ нашъ блуждаетъ неразумно, стремясь достигнуть совершенства. Однако на сколько кто можетъ,—долженъ заключать умъ въ какомъ-либо поученіи по Богу. Ибо какъ тѣлесныхъ дѣланій семь, такъ и вѣдѣній ума, то есть познаній, восемь. Три изъ нихъ предшествуютъ вѣдѣнію о пречистыхъ страданіяхъ Господа, въ которыхъ и должно всегда поучаться внутри себя, чтобы плакать о душѣ своей и о подобныхъ себѣ, то есть размышлять о бѣдствіяхъ, бывающихъ съ нами отъ начала преступленія, и какъ естество наше пало въ такіа страсти; размыш-

лять и о своихъ согрѣшеніяхъ и объ искушеніяхъ, бывающихъ къ исправленію. Потомъ—о смерти и ужасахъ, ожидающихъ грѣшниковъ послѣ смерти, чтобы душа сокрушилась и предалась плачу, къ утѣшенію и смиренію своему; чтобы не отчаявалась отъ многихъ и страшныхъ этихъ мыслей, и опять, чтобы не думалъ человѣкъ, что онъ успѣлъ достигнуть духовнаго дѣла, но чтобы пребывать въ страхѣ и надеждѣ, что и называется кротостію помысловъ, то есть принимать все одинаково. Кротость приводитъ умъ къ познанію и разсужденію, по слову Пророка: *наставитъ бо*, говоритъ онъ, *кроткія на судъ* (Ис. 24, 9), точнѣе же на разсужденіе, чѣмъ Пророкъ означаетъ вѣдѣніе съ благочестіемъ. Но какъ благочестіе есть одно наименованіе, а заключаетъ въ себѣ многія дѣланія, такъ и вѣдѣніе по названію одно, но имѣетъ въ себѣ многія (степени) познаній и вѣдѣнія. Ибо и началомъ тѣлеснаго дѣланія служитъ вѣдѣніе, и безъ вѣдѣнія никто не приступаетъ къ дѣланію добраго, и до самаго конца, то есть усыновленія и восмищенія ума на небо во Христѣ пребываетъ вѣдѣніе и видѣніе. Но одно прежде труда, чтобы чрезъ него совершалось дѣло, какъ зданія—орудіями, а другое послѣ вѣры, чтобы дѣло охранялось страхомъ, какъ стѣною. И опять нужны вѣдѣніе и дѣланіе душевныхъ добродѣтелей для того, чтобы приготавлились и возрастали райскія произ-

растенія. Послѣ этого опять нужно вѣдѣніе ума и духовное дѣланіе, то есть вниманіе ума и устроеніе душевнаго права, чтобы дѣлатель искусно трудился и хранилъ заповѣди, отъ чего бываетъ попеченіе о произрастеніяхъ и содѣйствіе Божіе: какъ солнце, дождь, вѣтеръ и возрастаніе (плодовъ), безъ которыхъ весь трудъ земледѣльца напрасенъ, хотя можетъ быть и разумно совершается: ибо безъ приклоненія Свыше не можетъ совершиться что-либо доброе; но и приклоненія Свыше, и (помощи) благодати не бываютъ къ неимѣющимъ произволенія, говоритъ Божественный Златоустъ. Но все въ этой жизни двойственно: дѣланіе и вѣдѣніе; произволеніе и благодать; страхъ и надежда; подвиги и воздаянія. Но второго не бываетъ, пока не совершится первое, а если оно можетъ быть и кажется, то это—обольщеніе. Точно также, какъ если бы неопытный земледѣлецъ, видя цвѣтъ, и считая его за плодъ, поспѣшилъ бы собрать его, не зная, что онъ губитъ дѣйствительный плодъ собираніемъ мнимаго, такъ и здѣсь. Мнѣніе не попускаетъ быть мнимому, говоритъ святой Нилъ. Потому и долженъ всякій пребывать при Богѣ и все дѣлать съ разсужденіемъ, а оно происходитъ отъ того, чтобы вопрошать (опытныхъ) со смиреніемъ и укорять себя и то, что дѣлаешь и разумѣешь самъ. Ибо *сатана преобразуется въ ангела свѣтла* (2 Кор. 11, 14). Потому и не чудо,

если помыслы, имъ влагаемые для неопытныхъ кажутся разумѣніями правды.

Смиреніе, говоритъ Дѣствичникъ, есть дверь безстрастія, основаніе же его есть кротость, по слову Великаго Василія. Нбо кротость дѣлаетъ то, что человекъ всегда пребываетъ одинаковымъ, и при злополучныхъ и при благополучныхъ дѣлахъ и мысляхъ, и не заботится ни о чести, ни о безчестіи; но и пріятное и прискорбное принимаетъ съ радостію и не смущается, какъ та дѣва, о которой сказалъ святой Антоній. Когда я сидѣлъ у одного Аввы, пришла нѣкоторая дѣва и сказала старцу: «Авва, я провожу шесть дней шести недѣль въ постѣ, и ежедневно изучаю Ветхій и Новый Завѣтъ». Старецъ отвѣчалъ ей: сидѣла ли для тебя скудость все равно, что изобиліе? Она сказала, «нѣтъ». — Безчестіе — какъ похвала? — Сказала, «нѣтъ», Авва. — Враги — какъ друзья? — Отвѣчала, «нѣтъ». Тогда говоритъ ей мудрый тотъ старецъ: иди, трудись, ты ничего не имѣешь. И дѣйствительно. Если она такъ постилась, что вкушала разъ въ седмицу, и то чего-нибудь изъ простѣйшей пищи, не слѣдовало ли ей имѣть скудость какъ изобиліе? И опять, Ветхій и Новый Завѣтъ изучала она ежедневно, а не научилась смирять себя? И немѣвшая вовсе ничего въ жизни, не должна ли она была всѣхъ считать друзьями? И при столькихъ трудахъ она не могла научиться имѣть

враговъ какъ друзей? И такъ хорошо сказалъ ей старецъ: ты ничего не имѣешь. А я еще прибавляю, что такой человекъ подвергнется большому осужденію, какъ Златоустъ говоритъ о пяти юродивыхъ дѣвахъ, что въ труднѣйшемъ онѣ могли подвизаться, то есть въ храненіи дѣвства, что превыше естества, а въ легчайшемъ не могли, то есть въ милостынѣ, которую даже и Еллины и невѣрные дѣлаютъ и донынѣ, какъ естественную. Но не познавъ, что есть искомое, (дѣва та) трудилась понапрасну. *Сія подобаше*, говоритъ Господь, *творити и онѣхъ не оставляти* (Матѡ. 23, 23). Хорошо подвижничество, но съ правымъ намѣреніемъ. И мы должны считать его не дѣломъ, а приготовленіемъ къ дѣлу; и не плодомъ, но почвою, могущею со временемъ, трудомъ и помощію Божіею произвести растенія, отъ которыхъ бываетъ плодъ. Плодъ сей есть очищеніе ума и соединеніе съ Богомъ, Которому слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО 10¹⁾.

О смирении²⁾.

Истинно смиренномудрествующій никогда не перестаетъ укорять самого себя, хотя бы и весь міръ на него нападалъ и его безчестилъ; чтобы не только невольно спастись, какъ имѣющіе терпѣніе, но и добровольно снѣшиться къ страданіямъ Христовымъ; ибо таковой научился изъ нихъ величайшей изъ всѣхъ добродѣтелей, въ которой обитаетъ Духъ Святой. Она есть дверь царства, то есть безстрастія. Вошедшій ею идетъ къ Богу, и безъ нея напрасенъ трудъ и многоскорбенъ путь. Она даруетъ всякое спокойствіе тому, кто имѣетъ ее въ сердцѣ; ибо въ ней обитаетъ Христосъ. Ради ея пребываетъ благодать, и ею сохраняются дарованія. Она рождается отъ весьма многихъ добродѣтелей, то есть отъ послушанія, терпѣнія, нестяжанія, нищеты, страха Божія, вѣдѣнія и другихъ, главнѣйшая же изъ нихъ—разсужденіе, просвѣщающее дѣйствія ума. Однако да не подумаетъ кто-либо, что просто и какъ случится можно сдѣлаться смиренномудрымъ. Это дѣло пре-

¹⁾ Надписаніе подлинника. Вотъ десятая буква *κ* (каппа) и опять слово о Христовомъ смирении, которое происходитъ отъ того, что душа ни о чемъ не заботится, но себя воздѣлываетъ всячески, всегда при всякомъ дѣлѣ.

²⁾ Въ слав. о смирении Христовомъ.

выше естества, и сколь велико это дарованіе, почти столь же многого требуетъ труда и благоразумія и терпѣнія противъ возстающихъ на него искушеній и демоновъ, ибо оно минуетъ все ихъ сѣти. Смирение рождается отъ вѣдѣнія, а вѣдѣніе рождается отъ искушеній. Познавшему себя даруется познаніе всего; и повинующемуся Богу повинуются все, когда смиреніе воцарится въ членахъ его. И поистиннѣ такъ. Ибо чрезъ многія искушенія и терпѣнія нхъ человекъ дѣлается опытнымъ и познаетъ изъ этого свою немощь и силу Божію. И чрезъ познаніе своей немощи и невѣдѣнія, зная, что онъ прежде не зналъ многого, чему теперь научился, вѣрить, что дѣйствительно какъ онъ не зналъ того, и не вѣдалъ, что не знаетъ, такъ есть и многое другое, что увѣдаетъ, можетъ быть, въ послѣдствіи, по слову Великаго Василія, который говоритъ: если кто-либо не испытаетъ вещи, то не знаетъ, чего онъ лишается. Вкусившій вѣдѣнія отчасти познаетъ, что онъ не знаетъ, и бываетъ ему вѣдѣніе ходатаемъ смиренія. И опять: познавшій себя, что онъ есть созданіе, склонное къ измѣненію, ни въ чемъ отнюдь не превозносится; ибо если онъ и имѣетъ, быть можетъ, что-нибудь, то это принадлежитъ Создавшему его. Никто не хвалитъ какой-либо сосудъ, что онъ самъ себя хорошо устроилъ, но хвалятъ художника, который его сдѣлалъ, а когда сосудъ разобьется, тогда упрекаютъ

въ этомъ виновнаго, а не художника. Если же сосудъ словесенъ, то по необходимости и самовластенъ. И такъ податель всего добраго есть Творецъ, какъ Виновникъ творенія, а причиною къ паденію и измѣненію служитъ произволеніе самовластнаго. Какъ тотъ, кто пребываетъ неизмѣннымъ, по благодати, получаетъ и похвалу, такъ и укоризну—принимающій злобу змія. Ибо не тому прилична похвала, кто получаетъ дары, но Тому хвала и благодареніе, Кто ихъ по-даетъ. По благодати можетъ быть и получающій дары удостоивается похвалы за намѣреніе получить то, чего не имѣлъ, болѣе же за благоразуміе въ отношеніи къ Благодѣтелю; если же не такъ, то не только лишается онъ похвалы, но и будетъ осужденъ за свое неразуміе. Никто не смѣетъ такъ безстыдно говорить, что онъ не получилъ дара, но съ лукавствомъ похищая похвалу, и хвастая безмолвно, судить тѣхъ, которые не таковы будто бы какъ онъ, какъ будто¹⁾ богатство, которое онъ думаетъ имѣть, самъ онъ пріобрѣлъ себѣ, а не по благодати получилъ. Если же можетъ быть таковой и благодарить Подателя, но подобно тому фарисею мечтаетъ и говоритъ въ себѣ, *благодарю Тя*, что я таковъ и таковъ (Лук. 18, 11). Хорошо сказалъ Евангелистъ, точ-

¹⁾ Въ Слав. судить аки бы не отъ того Творца бываема, яко бы самъ богатство, еже мнить имѣти, стяжа.

нѣ же сердцеѣдецъ Богъ, *въ себѣ*, а не Богу говорилъ онъ. Хотя и думалъ онъ, что Богу говорилъ устами, но знавшій надменную его душу не сказалъ *Богу*, но, *ставъ*, говорить, *фарисей снѣ въ себѣ глаголаше*.

А то, что Писаніе многократно повторяетъ тѣ же самыя или подобныя изреченія, не есть, говорить Златоустъ, тождество или многословіе, но это для того, чтобы слово впечатлѣлось въ сердцѣ слышащихъ. А Псалмопѣвецъ, по сильной любви, не хотѣлъ оставить слова, какъ тѣ, которые, не вкусивъ сладости его, отъ нерадѣнія попираютъ и самое изреченіе, чтобы избавиться отъ его тяжести. Такой когда получить полезный плодъ изъ Божественныхъ Писаній? Напротивъ не осужденіе ли только, и помраченіе ума, когда самъ отворить дверь нападающимъ на него демонамъ, по слову Господа: *иже въ суровѣхъ древъ сія творятъ, въ сущъ что будетъ* (Лук. 23, 31)? И *иже праведный едва спасается, нечестивый же и грѣшникъ гдѣ явится* (Притч. 11, 31)? И если на тѣхъ, у которыхъ весь умъ сосредоточенъ въ памяти о Богѣ,—невещественъ и безвиденъ, нападаютъ демоны, и если бы Богъ не охранялъ ихъ за ихъ смиренномудріе, то молитва ихъ не могла бы восходить, но возвращалась бы безъ успѣха: что же будемъ дѣлать мы, жалкіе, которые даже и воздуху не говоримъ устами, чтобы Богъ когда-либо умили-

сердился и снисшелъ бы невѣдѣнію нашему и нашей немощи, ради нашего благоразумія¹⁾? Касательно же того, что и на совершенныхъ нападаютъ демоны, послушаемъ, что говоритъ святой Макарій: никто не бываетъ совершеннымъ здѣсь, въ нынѣшнемъ вѣкѣ; ибо (иначе) не было бы обрученіемъ то, что дается здѣсь. И въ подтвержденіе сего приводить одного брата, который, молясь съ другими, вдругъ восхищенъ былъ на небо умомъ и видѣлъ горній Іерусалимъ и скиини Святыхъ, но низойдя оттуда, отпалъ отъ добродѣтели и дошелъ до совершенной гибели, потому что возмнилъ о себѣ, что онъ преуспѣлъ, а не счелъ, что еще большій имѣетъ долгъ, поелпѣку сподобился такой высоты, будучи недостойнъ того и прахъ по естеству. И опять тотъ же святой Макарій говоритъ: многихъ знаю, и по опыту, и я бывалъ въ такомъ состояніи (совершенства), однако знаю вѣрно, что никто не бываетъ здѣсь совершеннымъ; но если бы и вполне пещественнымъ сдѣлался и съ Богомъ почти былъ соединенъ, грѣхъ все-таки ходитъ вслѣдъ его и никогда, прежде смерти, совершенно не истребляется. И святой Нилъ говоритъ о нѣкоторомъ старцѣ, что когда онъ молился²⁾, то, поупщеніемъ Божіимъ, къ пользѣ его

самого и многихъ другихъ, демоны схватывали его за руки и ноги и бросали въ верхъ, а чтобы тѣло его не повредилося, падая на землю, подхватывали его на рогожу, и долго дѣлая такъ, не могли свести ума его съ неба. Когда такой человекъ вкусилъ бы пищи? или когда нужно будетъ ему псалмонѣіе и чтеніе? Но мы имѣемъ въ нихъ нужду, по немощи ума нашего, хотя и такимъ образомъ не хотимъ быть внимательными. Увы! достигшій такой святости былъ боримъ, а мы не заботимся о брани. Святые смиреніемъ охраняются отъ сѣтей діавольскихъ, а мы возпосимся, по неразумію. И поистинѣ, великое это неразуміе возноситься кому-либо тѣмъ, чего онъ не имѣетъ. *Что же имамъ, сказано, его же нѣси пріѣлъ туне отъ Бога, или по молитвамъ нѣкоторыхъ другихъ, аще же и пріѣлъ еси, что хвалишия яко не пріѣмъ* (1 Кор. 4, 7), но какъ будто самъ дѣлая. Авва Кассіанъ сказалъ: смиреніе рождается отъ вѣдѣнія, само же оно рождаетъ разсужденіе, отъ котораго рождается разсмотрѣніе. Сіе послѣднее Пророкъ называетъ *совѣтомъ* (Исаіи 11, 2). Оно видитъ вещи по естеству ихъ и, достигнувъ онаго, умъ, чрезъ вѣдѣніе созданій Божіихъ, умерщвляется міру. Богу слава во вѣки. Аминь.

¹⁾ Т. е. сознанія нами своей немощи.

²⁾ См. Твор. преп. Нила Синайскаго. Часть 1, стран. 194-я. Москва. 1858.

СЛОВО II¹⁾.

О разсужденіи.

Весьма хорошо о всемъ вопрошать, но опытныхъ, а неопытныхъ опасно, потому что они не имѣютъ разсужденія. Разсужденіе знаетъ время, потребность, устройство человѣка, свойство его, силу, вѣдѣніе вопрошающаго, произволеніе его, намѣреніе Божіе, смыслъ cadaго изреченія Божественнаго Писанія и многое другое. Неимѣющій разсужденія можетъ быть и много трудится, но не достигаетъ цѣли. Если же найдется человѣкъ, имѣющій разсужденіе, то онъ бываетъ руководителемъ слѣпыхъ и свѣтомъ, для находящихся во тьмѣ, и къ нему должны мы во всемъ обращаться и принимать отъ него все, хотя можетъ быть, по неопытности нашей, и не то находимъ, чего желаемъ. Однако имѣющій разсужденіе изъ того наиболѣе бываетъ познаваемъ, что онъ можетъ и не желающихъ и не охотныхъ расположить къ тому, что онъ говоритъ. Ибо чрезъ него дѣйствуетъ Духъ испытующій все и совершающій Божественныя дѣла, такъ что можетъ и не хотящій

¹⁾ Надписаніе подлинника. Одиннадцатое слово и буква λ (ламбда). Смирненіе же рождаетъ разсужденіе чувственныхъ твореній по естеству.

умъ заставить вѣрить, подобно Іонѣ¹⁾, Захаріи и Давиду, бывшему изъ разбойниковъ, которому ангелъ воспретилъ говорить, за исключеніемъ только молитвеннаго пѣснопѣнія. Если же можетъ быть нынѣ, въ родѣ семъ, нѣтъ имѣющихъ разсужденія, по оскудѣнію рождающаго оное смиренія, то мы должны о каждомъ начинаніи съ трудомъ²⁾ молиться, по слову Апостола (Колос. 4, 2). Если мы и не имѣемъ *преподобныхъ рукъ*, то есть чистоты души и тѣла, то по крайней мѣрѣ постараемся не имѣть злопамятства и помысловъ; ибо это значать слова Апостола: *воздержите подобныя руки, безъ гнѣва и размысленія* (1 Тим. 2, 8). И когда что знаемъ за дѣло угодное Богу, то будемъ дѣлать безстрастно, и если бы оно и не исполнилось было благое, то, по недоумѣнію нашему и за намѣреніе о Богѣ, сдѣланное вмѣнится намъ въ благое отъ благодати; если однако это не есть страсть, а сообразное съ волею Божіею, какъ было сказано; и то по нуждѣ, ради одной только благодати Божіей. А гдѣ своя воля, а не Божія, тамъ превозношеніе, и Богъ къ тому не благоволяетъ, и не открываетъ тамъ Своей воли, чтобы человѣкъ, зная ее, и не исполняя, не подпалъ большому осужденію. Все, что Богъ даетъ намъ и удерживаетъ отъ насъ, все дѣ-

¹⁾ См. Четью-Минею, изд. 1864. Житіе Пахомія Вел. листъ 37-й. мѣсяць Май.

²⁾ Въ слав. съ терпѣніемъ.

лаетъ Онъ для пользы нашей, хотя мы, какъ дѣти, и не понимаемъ этого. Такъ и на человѣка, не очистившаго себя отъ страстей тѣлесными и нравственными дѣланіями, не ниспосылаетъ Онъ Святаго Своего Духа, чтобы таковой, по привычкѣ, не уклонился опять къ страстямъ и не сдѣлался повиннымъ за нашествіе Святаго Духа. Но когда кто-либо долгое время проведетъ въ подвигахъ, и очиститъ сперва тѣло отъ большаго и малаго грѣха по дѣйствию, а потомъ и душу отъ всякаго желанія и всякаго вида раздражительности, и, привычкою къ добру, устроитъ нравъ свой, такъ чтобы отнюдь ничего не дѣлать пятью своими чувствами, безъ хотѣнія ума, и по внутреннему чело-вѣку ничему такому не дѣлать снисхожденія, и чело-вѣкъ будетъ покоренъ самому себѣ, тогда и Богъ, ради безстрастія покорить ему все, благодатію Святаго Духа. Прежде долженъ онъ покориться закону Божію и такимъ образомъ, какъ разумный, покорить онъ себѣ то, что въ его власти, такъ что умъ будетъ царствовать, подобно тому, какъ онъ въ началѣ былъ созданъ, царствомъ мудрымъ, цѣломудрымъ, мужественнымъ и праведнымъ. И иногда угрощаетъ онъ раздражительность мягкостію вождельнія, а иногда удерживаетъ вождельніе жесткостію раздражительности, и познаетъ умъ, что онъ самодержецъ и дѣйствуетъ всѣми членами тѣла (Второз. 6, 5), по заповѣди Божіей, и не бываетъ уже окрадываемъ забве-

ніемъ и невѣдѣніемъ, какъ прежде. Тогда отъ *упраздненія* по Богу дѣлается умъ разсмотрительнымъ и начинаетъ предусматривать сѣти, уготовляемыя діаволомъ, сокрытыя и тайно хитрыя; но будущаго не провидитъ, какъ Пророки, ибо это превыше естества и дается (отъ Бога) для общей пользы. Разсмотрѣніе же естественно, и когда умъ очистится, является и оно, изъ подъ власти страстей, какъ изъ подъ мрака, въ которомъ прежде скрывалось, ради же смиренномудрія приходитъ благодать и открываетъ душевное око, которое было ослѣвлено діаволомъ, и чело-вѣкъ тотчасъ начинаетъ видѣть вещи по естеству, и не обольщается болѣе внѣшнимъ видомъ вещей, какъ прежде: ибо безпристрастно смотритъ таковой на золото, серебро и драгоценные камни и не обольщается, не судитъ о нихъ пристрастно, но подобно Святымъ Отцамъ знаетъ, что изъ земли все это, какъ и другія вени міра. Видитъ чело-вѣка и познаетъ, что онъ изъ земли, и въ землю возвратится; и не просто только помышляетъ это, потому что и всѣ люди по опыту знаютъ то же, но, будучи обладаемы страстями, бываютъ пристрастны къ вещамъ. Если же кто-либо, по превозношенію, думаетъ, что онъ безъ первыхъ трудовъ и добродѣтелей достигъ того, чтобы видѣть вещи по естеству, это не удивительно, потому что превозношеніе заставляетъ и слѣпыхъ считать себя видящими и неразумныхъ по пустому ве-

личаться. Если бы такъ легко было видѣть вещи по естеству, отъ однихъ только размышлений, то излишній былъ бы плачь и происходящее отъ него очищение и не только это, но—и многообразные подвиги, и смиреніе, и благодать Свыше, и безстрастіе. Но не такъ это; не такъ! Часто бываетъ сіе удобнѣе для людей болѣе простыхъ (сердцемъ), у которыхъ умъ чистъ отъ дѣлъ этого міра и отъ лукавствъ его; если случится такому быть въ повиновеніи у опытнаго и духовнаго отца; или подобно древнимъ, по домостроительству благодати, прежде нежели уразумѣетъ кто-либо *десная или шуяя* (Притч. 4, 27), какъ сказалъ Соломонъ. А намъ, которые съ юнаго возраста работаемъ своимъ страстямъ и едва не всякому злу и лукавству усердно научились, безъ помощи Божіей, труда и времени невозможно избавиться отъ столькаго зла и такъ видѣть вещи; но и то, въ такомъ только случаѣ, если возлюбимъ пріобрѣтеніе добродѣтелей, какъ любили прежде зло, и будемъ усердно стараться о нихъ. Хотя и при этомъ часто старанія наши не приносятъ пользы, или потому, что не переносимъ искушеній до конца, или потому что не знаемъ пути, или намѣренія, или полноты, или по невѣрію и по многимъ другимъ причинамъ, которымъ нѣтъ числа. Если же это такъ, и мы еще очень далеки отъ цѣли, то какъ осмѣлимся сказать, что мы достигли древней (первопа-

чальной) красоты, если мы только не обольщены самоугодіемъ и скрытою погибелю? Пбо какъ самоукореніе есть невидимое преуспѣяніе, потому что человѣкъ хорошо совершаетъ путь свой и не замѣчаетъ этого, такъ и самомнѣніе и самоугодіе есть скрытая погибель, потому что мы возвращаемся при нихъ назадъ и не замѣчаемъ того. И поистиннѣ такъ. Въ тщеславную душу, и очищенныя благодатию, страсти возвращаются. И Господь говоритъ: *егда же изыдетъ нечистый духъ* и проч. (Матѣ. 12, 43). Почему?—Потому что мѣсто, изъ котораго онъ вышелъ, не имѣетъ ни дѣланія духовнаго, ни смиренія; оттого и приходитъ онъ съ прибавленіемъ иныхъ, многихъ золъ и живетъ тамъ. Разумѣющій да разумѣетъ.

Слово (Божіе) не хочетъ все передать намъ ясно, и опять не хочетъ оставлять все неяснымъ, но (говоритъ) такъ, какъ намъ полезно. Великое и это благодѣяніе Божіе, говоритъ Златоустъ, что нѣкоторыя мѣста Божественнаго Писанія весьма ясны, а нѣкоторыя неясны; чтобы однѣми мы утверждались въ вѣрѣ и любви, и отъ многого непониманія не впали въ невѣріе и уныніе, а другими возбуждаемы были къ изысканію и труду, избавились отъ гордости, и пріобрѣли смиреніе, чрезъ то, что не можемъ постигнуть. И такимъ образомъ отъ того и отъ другого получали плодъ смиренія и любви

къ Богу, если ощущаемъ изливающиеся на насъ дары Его.

И такъ пятое вѣдѣніе, о которомъ мы теперь говоримъ, и о которомъ утверждаемъ, состоитъ въ томъ, чтобы человекъ могъ влѣдствіе (дарованія) разсужденія, поистиннѣ видѣть чувственные творенія и помыслы, а не по какому-либо обольщенію не понимать ихъ (какъ должно), и дѣлать что-либо несогласно съ Божественнымъ намѣреніемъ, пристрастно, или снисходить помыслу; но если бы и смерть предстояла, отъ намѣренія Божія не отступать ни словомъ, ни дѣломъ. Это сказано о концѣ вѣдѣнія, потому что въ началѣ его (подвизающійся) какъ ученикъ, по нуждѣ, еще не достигаетъ¹⁾ цѣли, а можетъ быть и въ дѣлѣ (погрѣшаетъ) побѣждаясь привычкою. И иногда попущеніемъ Божиимъ нѣсколько заблуждаетъ, но тотчасъ возвращается со многимъ смиреніемъ; иногда же отъ самомнѣнія принимаетъ видъ возношенія²⁾. Когда такъ съ нимъ бываетъ, то онъ долженъ знать, что благодать, вразумляя его, учить смирять себя и познавать, откуда получаетъ онъ крѣпость и вѣдѣніе, *яко да не будемъ надмѣющеся на ся*, сказано, *но на воздвигшаго* и проч. (1 Петр. 4, 11. 2 Кор. 1, 9), что и здѣсь бываетъ. Ибо если подви-

¹⁾ ἐπιτυγχάνει. а на полѣ въ греч. книгѣ сдѣлана выноска и написано ἵνα ἀποτυγχάνει

²⁾ οὐ καυχῶνται πρὸς ἑαυτοὺς.

жающійся пребываетъ въ терпѣніи, не надмеваясь, и не отвращаясь отъ добродѣтели, то воздвигается и онъ отъ умерщвленія тѣла и вещей къ познанію существующаго, ибо, по слову Апостола, тѣлесными дѣланіями *сраспинается* онъ (Христу) тѣлесно, и душевными, — душевно (Гал. 5, 24); потомъ спогребается Ему умерщвленіемъ чувствъ и вѣдѣніемъ (всего) по естеству и воскресаетъ мысленно, ради безстрастія, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО 12¹⁾.

О вѣдѣніи чувственныхъ твореній.

Уму, не прибрѣтшему еще умерщвленія отъ страстей, бесполезно переходить къ созерцанію чувственныхъ твореній; если же онъ стремится къ этому и не упражняется въ поученіи Божественнымъ Писаніямъ, въ вѣдѣніи и безмолвіи, то человекъ болѣе помрачается забвеніемъ и мало по малу приходитъ въ невѣдѣніе; хотя можетъ быть и достигнулъ уже мысленнаго вѣдѣнія, особенно же если не отъ благодати получилъ онъ вѣдѣніе, самъ того не замѣчая

¹⁾ Надписаніе подлинника. Буква ρ (ми) и двѣнадцатое слово; оно объясняетъ опытное созерцаніе чувственныхъ твореній. И никто да не ищетъ его не своевременно.

но отъ чтенія и опытныхъ притомъ паставниковъ о такихъ тайнствахъ. Ибо какъ земля, если земледѣлецъ не обрабатываетъ ее, зарастаетъ терніемъ, и особенно если она хорошаго качества; такъ и умъ если не упражняется въ молитвѣ и чтеніи, и не имѣетъ этого своимъ (непрестаннымъ) дѣломъ,—одебѣлѣваетъ и не замѣчаетъ того. И какъ земля, хотя идетъ на нее дождь и свѣтитъ солнце, не приноситъ пользы земледѣльцу, если онъ не засѣваетъ ее и не охраняетъ, такъ и умъ безъ нравственнаго дѣланія не можетъ имѣть вѣдѣнія, хотя можетъ быть и отъ благодати получилъ его. Но какъ только онъ, по лѣности, немного уклонится къ страстямъ, тотчасъ обольщается. Если же онъ сколько-нибудь обратитъ взоръ свой и къ самоинѣнію, то благодать его оставляетъ. Потому и Отцы, ежели по старости и немощи часто и уменьшали тѣлесныя дѣланія, но душевныя—никогда; ибо вмѣсто тѣлесныхъ подвиговъ имѣли они тѣлесную немощь, которая можетъ держать въ порядкѣ окаянную плоть, а хранить душу безгрѣшною, чтобы и умъ просвѣтился, безъ нравственнаго дѣланія, невозможно. И земледѣлецъ часто перемѣняетъ свои орудія, можетъ быть и отлагаетъ ихъ, но землю никогда не оставляетъ необработанною, незасѣянною и ненасажденною; также и плодъ никогда не оставляетъ безъ охраненія, если хочетъ имъ воспользо-ваться. Если же кто *татъ есть и разбойникъ* и не

сею дверію захочетъ войти, *но пріиди инуднъ*, какъ говоритъ Господь (Іоан. 10, 1), того не послушаютъ овцы, то есть Божественныя мысли, по слову Божественнаго Максима. *Ибо татъ не приходитъ развѣ да украдетъ* слышаніемъ и *убіетъ* иносказаніемъ и, не въ силахъ будучи постигнуть высшій смыслъ Писанія, *погубитъ* себя самого и мысли лжеименнымъ своимъ знаніемъ, чрезъ самоинѣніе. А пастырь *злостраждетъ* ео своими мыслями, по слову Апостола (2 Тим. 2, 3), *яко добрый воинъ Христовъ*, чрезъ храненіе Божественныхъ заповѣдей, и *входитъ тишными вратами*, то есть смиренномудріемъ и дверію безстрастія. Прежде нежели удостоится благодати свыше, онъ упражняетъ себя, и, чрезъ слышаніе, научается всему. И сколько разъ ни приходитъ волкъ, въ видѣ овцы, прогоняетъ его самоукореніемъ, говоря: не знаю кто ты; Богъ знаетъ. Если же, можетъ быть, безстыдно приходитъ мысль и хочетъ быть принятою, говоря: если ты не составляешь себѣ понятія и не разсуждаешь о вещахъ, то ты невѣрный и невѣжда. Онъ отвѣчаетъ ей: но и юродивый, если хочешь, по слову Божественнаго Златоуста, зная, что юродивый въ мірѣ семъ премудръ бываетъ (1 Кор. 3, 18), какъ сказалъ Апостолъ, и какъ говоритъ Господь, что *сынове вѣка сего мудрѣйши нѣче сыновъ свѣта, въ родъ своеиъ суть* (Лук. 16, 8). И поистиннѣ такъ. Ибо они желаютъ побѣждать другихъ и богатѣть,

быть мудрыми и прославляемыми, властвовать и—другого подобнаго, и хотя можетъ быть и не достигаютъ этого, и трудъ ихъ бываетъ бесполезенъ, однако и сверхъ силы стараются о томъ. А тѣ (*сыны свѣта*) желаютъ имѣть противоположное исчисленному, за что и здѣсь часто получаютъ обрученіе тамошняго блаженства, и стараются хотя столь же усердно какъ и тѣ, чтобы умъ получилъ свободу, по благодати, ради которой онъ могъ бы имѣть недремлящую память и мысли, подтверждаемыя Божественными Писаніями и опытными въ духовномъ вѣдѣніи, или знать во многомъ знаніи, что не знаетъ, по недостатку вѣдѣнія, познавая, что мысли, приходящія прежде сего, были искушенія, къ испытанію его самовластія, чтобы онъ, смиренномудрствуя, отвращался отъ своего собственнаго помысла и намѣренія, и скорѣе боялся ихъ; вопрошалъ (опытныхъ), со многими слезами прибѣгалъ къ смиренію и самоукоренію и считалъ вѣдѣніе и дарованія какъ бы великою потерей. Гордый же спѣшитъ утверждать свои мысли, не слыша Лѣстничика, который говоритъ: не ищи прежде времени (того что приходитъ въ свое время) и проч. И святаго Исаака, учащаго: не входи безстыдно, но благодари съ молчаніемъ. Также и Златоуста, сказавшаго «не знаю» и научившагося этому отъ Апостола. И Дамаскина, говорящаго объ Адамѣ, что не время было занн-

маться созерцаніемъ чувственнаго¹⁾. Ибо чувства дѣтей не могутъ переносить твердой пищи, но имѣютъ нужду въ молокѣ, какъ говоритъ Апостолъ (Евр. 5, 13). Потому и не будемъ искать вѣдѣнія, не во время вѣдѣнія, но прежде приобрѣтемъ въ себѣ матерей добродѣтелей и вѣдѣніе придетъ само собою, по благодати Христа. Ему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО 13²⁾.

О вѣдѣніи мысленнаго.

Вѣдѣніе мысленнаго приходитъ послѣ навыка въ созерцаніи чувственнаго. Но не ангела будетъ видѣть получившій сіе вѣдѣніе. Ибо какъ человѣкъ, который не видитъ и своей души, можетъ видѣть невещественное, единому Творцу вѣдомое существо? Для общей пользы, по дѣйствию промысла Божія, ангелы являлись многократно Отцамъ нашимъ. Но между нами этого не бываетъ, потому что мы желаемъ этого изъ самолюбія, и не заботимся о пользѣ общей, но и не терпимъ ничего ради Бога. Потому

1) Въ греч. добавлено: ἵσως τῶν νοητῶν. можетъ быть мысленныхъ.

2) Надписаніе подлинника. Буква ν (ни) и тринадцатое слово о вѣдѣніи здѣсь еще мысленнаго, то есть умныхъ Силъ безплотныхъ. Отъ чувственнаго познаетъ сіе созерцающій.

желающій видѣть такое (явленіе) скорѣе желаетъ видѣть демона, ибо, говоритъ Апостоль, *сатана преобразуется во ангела свѣта* (2 Кор. 11, 14). Если же и бываетъ (такое явленіе), то напротивъ тому, кто о семъ вовсе не думаетъ, и, хотя можетъ быть это и бываетъ, не вѣрить; тогда оно случается, если бываетъ принимаемо къ пользѣ общей. И познается истинное явленіе пзъ того, когда мы не хотимъ даже и во снѣ принять что-либо подобное; и, если бы случилось, не придаемъ ему никакого значенія, а остаемся такими, какъ будто ничего не видѣли. Ибо дѣйствительный ангель имѣетъ отъ Бога власть, если умъ и не хочетъ, умиротворить его и побудить принять себя, а демонъ не можетъ этого сдѣлать; но когда видитъ, что умъ готовъ его принять, тогда является, попущеніемъ Божиимъ; если же нѣтъ, то удаляется, гонимый ангеломъ, охраняющимъ человѣка отъ святого крещенія, потому что умъ не предастъ своего самовластія. И это такъ. Теперь же будетъ сказано объ одномъ (только) вѣдѣніи горнихъ Чиновъ, которыхъ девять, по слову великаго Діонисія, и какъ находимъ это во всѣхъ Писаніяхъ. Эти девять Чиновъ имѣютъ наименованія, сообразныя ихъ природѣ и дѣятельности, и называются безплотными, потому что невещественны; умными, ибо они суть умы, и воинствами, поелику суть *служебніи дуси* (Евр. 1, 14) Царя всяческихъ. И опять иныя имена имѣютъ

они общія и особенныя, то есть называются Силами и Ангелами: первое есть собственно названіе одного Чина, но, по дѣятельности своей, всѣ девять Чинновъ называются Силами; ибо всѣ могутъ приводить въ исполненіе Божественную волю. Ангелы есть также собственное имя одного изъ Чиновъ, перваго отъ насъ и девятого отъ Страшнаго Престола, по дѣятельности же всѣ называются ангелами (вѣстниками), какъ возвѣщающіе людямъ Божественныя повелѣнія. Ибо къ Іову *иъ вѣстникъ прииде* (Іов. 1, 18), говоритъ Соломонъ; но то не былъ святой вѣстникъ (ἄγγελος), потому что, говоритъ Златоустъ, остался одинъ, и пришелъ возвѣстити. Но и Господа Божественное Писаніе въ различныхъ мѣстахъ называетъ Ангеломъ. Ангеловъ, сказано, принялъ Авраамъ (Быт. гл. 18); но то былъ Господь безплотный, какъ говоритъ Дамаскинъ къ Богородицѣ: Авраамъ въ снѣ увидѣлъ совершившееся въ Тебѣ, Богородица, таинство, ибо Сына Твоего безплотнаго принялъ и проч. И опять: въ пещи (Вавилонской) (Дан. 3, 92) съ отроками былъ Самъ Онъ, по дѣйствию же, называется Ангеломъ, какъ и Пророкъ Исаія сказалъ: *великаго совѣта Ангелъ* (Исаіа 9, 6) и Самъ Господь говоритъ: *яже слышахъ отъ Отца Моего* (Іоан. 15, 15) *сказахъ* (ἐλάλησα) вамъ. Тому слава во вѣки. Аминь

СЛОВО 14¹⁾.

Объ истинномъ безстрастіи.

Необычайное и преславное дѣло есть безстрастіе, ибо оно можетъ, послѣ того какъ человѣкъ привыкнетъ побѣждать страсти, сдѣлать его подражателемъ Богу, по мѣрѣ силъ человѣческихъ. Безстрастный, страдая или терпя нападеніе отъ демоновъ и злыхъ людей, переносить это, какъ бы не онъ, а другой кто-либо страдалъ; подобно святымъ Апостоламъ и мученикамъ; и когда его прославляютъ, не возносятся; когда порицаютъ, не скорбятъ: имѣя въ мысли, что радостное есть благодать Божія и снисхождение, превыше его достоинства, а трудное—испытанія; и одно дается здѣсь, по благодати, къ утѣшенію, а другое—для смиренномудрія и благой надежды въ будущемъ; и какъ нечувствующій, при многомъ чувствѣ, пребываетъ онъ, среди прискорбнаго, вслѣдствіе разсужденія. Безстрастіе не есть одна какая-либо добродѣтель, но наименованіе всѣхъ добродѣтелей. Ибо какъ одинъ членъ не есть человѣкъ, по многіе члены тѣла въ совокупности составляютъ че-

¹⁾ Надписаніе подлинника. Настоящее слово, соотвѣствующее буквѣ ξ (кси), объ истинномъ безстрастіи вообще. Вотъ уже четырнадцать главъ, по благодати Христовой, изложены вкратцѣ.

ловѣка, и то не одни, но вмѣстѣ съ душою, такъ и безстрастіе есть совокупность многихъ добродѣтелей, въ которой вмѣсто души обитаетъ Святыи Духъ, потому что бездушны суть всѣ такъ называемыя духовныя дѣла, если онѣ не имѣютъ Духа Святаго, отъ Котораго, такъ называемый, духовный получилъ наименованіе. Если душа не отвергнетъ страстей, то не снизойдетъ на нее Святыи Духъ. Но безъ этого опять и сія всеобъемлющая¹⁾ добродѣтель не можетъ быть названа безстрастіемъ; и если можетъ быть и случится кому-либо быть таковымъ, то это болѣе по безчувствію. Потому и Еллины, не знающіе сего, говорятъ: не будь безстрастенъ, какъ бездушный, и страстенъ, какъ безсловесный. Слова ихъ «безстрастенъ какъ бездушный» были сказаны сообразно съ ихъ разумѣніемъ; ибо они не знали о Святомъ Духѣ, а сказанное о страстномъ человѣкѣ, что онъ подобенъ безсловесному, и мы также говоримъ, но не потому, чтобы мы отъ нихъ сему научились, а просто говоримъ; ибо это не есть вѣдѣніе, не есть и опытность, но, испытавъ мучительство страстей, мы научились—отъ чего мы пострадали. И опять: отъ Святыхъ Отцевъ, которые удостоились безстрастія, научившись приобрѣтенію добродѣтелей, мы пишемъ (о семъ). Они говорятъ, что какъ очень стра-

¹⁾ περιεχτική, въ слав. обдержительная.

стный бывает плѣненнымъ и безчувственнымъ отъ любви къ страстямъ: и иногда вслѣдствіе какого-либо вождѣнія бросается безразсудно, какъ безсловесное (животное), а иногда отъ раздражительности, мстящей за вождѣніе, какъ звѣрь скрежещетъ зубами на подобныхъ себѣ. Такъ и безстрастный чловѣкъ отъ совершенной любви къ Богу дѣлается нечувствительнымъ. И иногда имѣетъ непрестанное поученіе въ Богѣ; иногда (упражняется) въ вѣдѣніи какого-либо изъ Его чудодѣйствій, и въ какомъ-либо изреченіи Божественныхъ Писаній, по слову святаго Нила. И если онъ и посреди многихъ находится, если и на торгу, умъ его пребываетъ какъ наединѣ. Такое устроеніе происходитъ отъ храненія Божественныхъ заповѣдей Христа, Которому слава и держава во вѣки. Аминь.

СЛОВО 15¹⁾.

О Любви.

Желающій сказать что-либо о любви дерзаетъ говорить о Богѣ, по слову Іоанна Богослова, кото-

¹⁾ Надписаніе сего слова въ подлинникѣ: Храненіе Божественныхъ заповѣдей есть доказательство любви къ Богу и ближнему. Посему и настоящее слово говорить о любви. Оно соотвѣтствуетъ буквѣ о (омикронъ) и по счету пятнадцатое, а начало и конецъ Закона есть любовь.

рый говоритъ: *Богъ любви есть и пребывающій въ любви, въ Бозѣ пребываетъ* (1 Іоан. 4, 8, 16). О чудо! Эта главнѣйшая изъ всѣхъ добродѣтелей естественна. Почему и Законъ во-первыхъ сказалъ о ней: *возлюбилъ Господа Бога твоего отъ всея души твоея* и проч. (Второз. 6, 5). Услышавъ *отъ всея души*, я пришелъ въ изумленіе и не нужны были мнѣ остальные слова. Ибо (изреченіе) *отъ всея души* обнимаетъ и разумную и раздражительную и вождѣвательную (части); ибо душа состоитъ изъ этихъ трехъ (силъ). И умъ (разумная часть) ея всегда размышляетъ о Божественномъ; вождѣвательная сила одного только Божественнаго желаетъ непрестанно и отнюдь ничего иного, ибо Законъ сказалъ *отъ всея души*, и раздражительность естественно дѣйствуетъ противъ препятствующихъ такому желанію, и не иначе. И такъ хорошо сказано, что *Богъ любви есть* (1 Іоан. 4, 8); и если Онъ увидитъ, что эти три силы души къ Нему единому стремятся, какъ Онъ заповѣдалъ, всячески и Онъ Самъ, какъ благій, не только возлюбить, но и *вселится и походитъ* въ таковой душѣ, какъ сказалъ Онъ (2 Кор. 6, 16), наитіемъ Духа¹⁾. А тѣло по неволѣ и не хотя, какъ безсловесное, покорится разуму; и плоть не будетъ болѣе *похотствовать на духъ*, какъ говоритъ Апостолъ (Гал. 5, 17). Но какъ солнце

¹⁾ Въ слав. «Святаго Духа».

и луна, водимыя повелѣніемъ Божиимъ, освѣщаютъ міръ, хотя онѣ и бездушны, такъ и тѣло, по волѣ души, будетъ совершать дѣла свѣта. И какъ солнце, переходя ежедневно отъ востока къ западу, совершаетъ одинъ день, и безъ него бываетъ ночь, такъ и каждая добродѣтель, которую исполняетъ человѣкъ, просвѣщаетъ его душу, и безъ нея бываетъ страсть и тьма, пока онъ снова не приобрѣтетъ добродѣтели, и такъ приходитъ свѣтъ. И какъ солнце, начиная отъ края востока до другаго края его, понемногу измѣняя лучи свои, совершаетъ годъ, такъ и человѣкъ, начиная добродѣтели, и понемногу преуспѣвая въ нихъ, дѣлается безстрастнымъ. И какъ луна дѣлается полною и уменьшается каждый мѣсяцъ, такъ и человѣкъ въ каждой добродѣтели ежедневно успѣваетъ или ослабѣваетъ, пока не придетъ въ навыкъ подлежащей добродѣтели. И иногда скорбитъ о Богѣ, иногда же веселится, благодаря Бога, и считая себя недостойнымъ приобрѣтенія добродѣтелей. И опять иногда просвѣтляется, иногда же помрачается, пока не окончится путь; и одно бываетъ за возношеніе, другое же для предохраненія отъ отчаянія, по дѣйствию промысла Божія. Какъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ солнце имѣетъ измѣненія и луна увеличивается и уменьшается, въ будущемъ же всегда свѣтъ для праведныхъ и тьма—увы! для подобныхъ мнѣ грѣшниковъ; такъ и нынѣ, прежде совершенной любви и

Божественнаго вѣдѣнія, въ душѣ бываютъ перемежающіяся между собою различныя измѣненія, и въ умѣ помраченія вмѣстѣ съ добродѣтелями и познаніями, пока человѣкъ не удостоится дѣланія будущаго (вѣка) ради совершенной любви, для приобрѣтенія которой и весь трудъ предпринимается. Нбо ради любви покоряется заповѣданіямъ тотъ, кто находится въ повиновеніи, и ради ея богатый и свободный дѣлается нестяжательнымъ и рабомъ, дабы попустить желающимъ имѣть то, что принадлежитъ ему и его самого. Подобно сему и постыщійся постится для того, чтобы иные могли питаться тѣмъ изъ его имѣнія, что онъ употребилъ бы на себя самого. И просто: всякое дѣланіе исполняется изъ любви къ Богу или ближнему. Упомянутое нами и тому подобное бываетъ ради любви къ ближнему, а бдѣніе, псалмопѣніе и таковыя (дѣланія) изъ любви къ Богу, Которому слава, честь и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО 16¹⁾

О вѣдѣніи Бога.

Все сотворенное Богомъ имѣетъ начало, если же Онъ восхоцетъ, то и конецъ; ибо все это произошло изъ небытія. Богъ же не имѣетъ ни начала, ни конца, также какъ и Его совершенства, ибо Онъ никогда не былъ безъ нихъ, но всегда былъ и есть прелюбимъ и праведный, всепремудрый, всемогущій, непобѣдимый, безстрастный, неописанный, безпредѣльный, неизлѣдимый, непостижимый, безконечный, присносущій, несозданный, неизмѣнный, непреложный, истинный, несложный, невидимый, неосязаемый, необъятный, совершенный, превышій всего существующаго, неизъяснимый, неудоборазумѣваемый, многомилостивый, всещедрый, многоблагодѣтельный, вседержитель, всевидящій. И, какъ говоритъ великій Діонисій, Онъ, имѣя добродѣтели, не понуждаетъ Себя къ исполненію каждой, какъ добродѣтельные люди, но производитъ благое, желая его, и употребляетъ добродѣтели, какъ орудія, самопроизвольно. Ангелы же и добродѣтельные люди получили отъ Него, по благодати, вмѣстѣ съ бытіемъ и добродѣ-

¹⁾ Надписаніе подлинника. Буква π (пи) и шестнадцатое слово, о вѣдѣніи Бога въ кратцѣ (говорящее). Ибо многіа сказали о Богословіи, во многихъ канонахъ и словахъ.

тели, которыми, подражая Ему, сдѣлались праведными, благими и премудрыми. И они, какъ творенія, имѣютъ нужду въ помощи и снисхожденія Вседержителя, безъ которой не могутъ имѣть ни добродѣтели, ни премудрости; потому что творенія склонны къ измѣненію, и, какъ совокупленные изъ различнаго, называются сложными, а Богъ безплотенъ, простъ, безначаленъ, единый Богъ во Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ поклоняемый и прославляемый всемъ твореніемъ. И человекъ, удостоившійся быть по подобію Его, имѣетъ одну волю, а не многосложную, и умъ простой; всегда упражняется въ безвидномъ, на сколько это отъ него зависитъ; по дѣйствию же Промысла, невольно низходитъ изъ безвиднаго къ созерцанію какого-либо (изреченія) Писанія, или твореній. Чтобы не быть осужденнымъ, заботится и о тѣлѣ, не потому что любить тѣло и желаетъ его питать, но чтобы не сдѣлать его вовсе непотребнымъ, и не подвергнуться за то осужденію, какъ было сказано. Какъ умъ не отвергаетъ свойственныхъ ему страстей, но употребляетъ ихъ по естеству, такъ и душа не отвергаетъ тѣла, но употребляетъ его на всякое доброе дѣло. И какъ умъ, удерживая безразсудныя стремленія страстей, направляетъ каждую изъ нихъ Божественной волѣ, такъ и, удерживая члены тѣла, человекъ исполняетъ одну волю, а не многіа, ибо ни четырьмя стихіями, составляющимъ

тѣло, ни многимъ членамъ его не попускаетъ дѣлать, что они хотятъ, ни тремъ душевнымъ силамъ безразсудно и необузданно мыслить или возбуждать тѣло къ дѣланію, но, поступая по внушенію духовной премудрости, волю трехъ силъ (души) дѣлаетъ одною, нераздѣльною. Видовъ сей премудрости четыре: мудрость, цѣломудріе, мужество и правда. Весьма высоко написалъ о нихъ Богословъ, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО 17¹).

О мудрости.

Всѣмъ желающимъ узнать о четырехъ главныхъ добродѣтеляхъ легче научиться сему отъ Богослова, однако и здѣсь о каждой изъ нихъ будетъ сказано понемногу; ибо всякая добродѣтель имѣетъ нужду въ сихъ четырехъ, и всякое начинаніе нуждается въ первой изъ нихъ, то есть въ мудрости, и безъ нея не можетъ осуществиться. Ибо какъ можетъ какое-либо дѣло исполниться безъ мудрости? Она рождается

¹) Надписаніе подлинника. Вотъ теперь семнадцатое слово объ одной изъ главныхъ (добродѣтелей), поелику мы достигли до буквы ρ (ро). Мудрость есть первая изъ четырехъ.

отъ разумной части души и находится между лукавствомъ, то есть чрезмѣрнымъ мудрствованіемъ ¹⁾ и неразуміемъ. Одно изъ нихъ влечетъ мудрость къ тому, чтобы поступать лукаво и вредить душѣ, ее имѣющей, и другимъ, кому возможно. Другое же дѣлаетъ умъ нечувствительнымъ и суетнымъ и не допускаетъ его заботиться ни о Божественныхъ вещахъ, ни о чемъ-либо полезномъ для души его самого или ближняго. И одно уподобляется высочайшей горѣ, а другое пропасти; мудръ же тотъ, кто идетъ по равнинѣ, между ними пахотящейся. А кто совращается (съ средняго пути), тотъ или падаетъ внизъ, въ пропасть, или же старается взойти много вверхъ и, не находя пути, невольно падаетъ внизъ, и, противъ желанія, снова низвергается въ пропасть, и не можетъ устоять, потому что не хочетъ чрезъ покаяніе возвратиться къ мудрости съ высоты горы. Падшій же въ пропасть умоляетъ со смиреніемъ Могущаго вывести его на царскій путь добродѣтели. А мудрый не восходитъ съ возношеніемъ, и не хочетъ повредить кому-либо: но и не низходитъ неразумно, и не получаетъ отъ кого-либо вреда, а собираетъ для себя наилучшее, и хранитъ оное о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки. Аминь.

¹) Τὸ ὑπερφρονεῖν.

СЛОВО 18¹⁾.

О цѣломудріи.

Цѣломудріе есть здравый (цѣлый) образъ мыслей, то есть не имѣющій (какого-либо) недостатка, и не допускающій того, кто его имѣетъ, уклоняться въ невоздержность или въ окаменѣніе; но хранящій собираемое мудростію доброе и отвергающій все худое; собирающій помыслъ къ себѣ самому и собою возводящій его къ Богу. Какъ добрый пастырь собираетъ оно (цѣломудріе) своихъ овецъ, то есть Божественныя мысли, вокругъ и внутрь себя, а невоздержность, какъ бѣшеннаго пса, убиваетъ удаленіемъ отъ вреднаго; окаменѣніе же отгоняетъ какъ хищнаго волка, и не допускаетъ его въ уединеніи поядать овецъ, но постоянно видитъ его, и ясно указываетъ его разумной части души, чтобы оно не укрылось въ темнотѣ, и не пребывало вмѣстѣ съ его мыслями. Цѣломудріе рождается отъ вождѣвательной части души. Безъ него не можетъ сохраниться ничто доброе, хотя бы можетъ быть и произошло. Ибо если не присутствуетъ цѣломудріе, то причастность души стремится или вверхъ или внизъ, то есть или къ окаменѣнію или къ невоздержности. Невоздержность

¹⁾ Надписаніе подлинника. Сигма (σ) осмнадцатая изъ буквъ; слово же настоящее о цѣломудріи.

же разумѣю не ту только, которая относится къ чревоугодію и блуду, но—воздержаніе всякой страсти, и всякаго помысла, не по Богу, произвольно помышляемаго. Цѣломудріе укрощаетъ все это; оно удерживаетъ неразумныя стремленія души и тѣла и направляетъ ихъ къ Богу, Которому слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО 19¹⁾.

О мужествѣ.

Свойство мужества состоитъ не въ томъ, чтобы побѣждать и одолевать ближняго, это есть дерзость, стоящая свѣше мужества, и не въ томъ, чтобы, по страху искушеній, уклоняться отъ дѣланій о Богѣ и добродѣтелей, это напротивъ боязнь, находящаяся ниже его; но въ томъ, чтобы пребывать во всякомъ дѣлѣ благомъ и побѣждать страсти душевныя и тѣлесныя, потому что *мысль наша брань къ крови и плоти*. то есть къ людямъ, какъ въ древности было съ Іудеями, когда побѣждавшій иноплеменниковъ совершалъ дѣло Божіе, *но къ началомъ и ко властемъ* (Ефес. 6, 12), то есть къ невидимымъ демонамъ. И побѣж-

¹⁾ Надписаніе подлинника. Буква τ (тавъ) и слово девятнадцатое о мужествѣ. Оно рождается отъ раздражительной (части души) и находится посреди дерзости и боязливости.

дающій мысленно побѣждаетъ, или бываетъ побѣждаемъ страстями. Та война была прообразованіемъ нашей брани. Двѣ выше упомянутыя страсти, хотя и кажутся противными одна другой, но смущаютъ насъ по немощи (нашей); и дерзость влечетъ къ верху, и устрашаетъ, поражая изумленіемъ, какъ безсильный медвѣдь, а боязнь убѣгаетъ, какъ протоняемый пестъ; ибо никто изъ имѣющихъ въ себѣ одну изъ этихъ двухъ страстей не уповааетъ на Господа, потому и не можетъ устоять на брани, хотя бы былъ смѣлымъ, хотя бы боялся; *праведникъ же яко левъ уповаеъ* (Притч. 28, 1) на Христа Іисуса Господа нашего, Которому слава и держава во вѣки. Аминь.

С Л О В О 20¹⁾.

О правдѣ.

Бога прославляютъ и ради Его праведности, говоритъ Великій Діонисій. И поистинѣ такъ. Ибо при отсутствіи правды все несправедно и безъ нея не можетъ устоять. Она называется разсужденіемъ, и во всякомъ начинаніи назначаетъ должное, чтобы не было въ чемъ-либо недостатка, по оскудѣнію, и пре-

¹⁾ Надписаніе подлинника. Слово двадцатое, въ которомъ буква ѱ (ипсилонъ), о правдѣ всѣхъ добродѣтелей. Она подаетъ каждой равное и рождается опять отъ ума.

увеличенія, по излишеству. Ибо хотя (эти вещи) и кажутся противоположными одна другой, потому что одна стоитъ выше, а другая ниже правды, но обѣ отчасти склоняются къ несправедливости. Какъ и линія, если имѣетъ выпуклость или вогнутость, уклоняется отъ прямого направленія, и вѣсы также на какую сторону наклонятся, та и превышаетъ другую. Тотъ же, кто можетъ сохранять праведность, не падаетъ внизъ чрезъ неразуміе, невоздержность, боязнь и излишество, и не ползаетъ на чревѣ какъ змій, ядя землю и служа постыднымъ страстямъ, но и не возносится вверхъ преувеличеніемъ, дерзостію, окаменѣніемъ и недостаточностію, *мудрствуя* чрезмерно, и поступаая лукаво, превышаетъ своего достоинства (Рим. 12, 3), но *мудрствуетъ съ трюмудріемъ* и терпѣть со смиреніемъ, зная, что онъ по благодати получилъ то, что имѣетъ, по слову Апостола, и не отрицаетъ сего. Ибо несправедливо поступаетъ въ отношеніи себя и ближняго, наиболѣе же Бога, если приписываетъ себѣ благія дѣла. Но если думаетъ, что имѣетъ отъ себя что-либо благое, то *еще мнитъ имѣти, возмется отъ него* (Луки 8, 18), какъ говоритъ Господь. Ему слава и держава во вѣки. Аминь

СЛОВО 21¹⁾.

О совершенномъ мирѣ помысловъ.

Господь, сказавъ Апостоламъ: *миръ Мой даю вамъ, присовокупилъ, не якоже миръ даетъ*, то есть не просто, какъ люди, живущіе въ той странѣ, когда привѣтствуютъ другъ друга, говорятъ: миръ вамъ (Іоан. 14, 27). Какъ и Соманитянка сказала: *миръ тебѣ*, также и Елисей къ Гіезію: *и речешъ миръ ти*, то есть ей самой, *миръ ли мужу твоему? миръ ли отрочанину* (4 Цар. 4, 23. 26)? но миръ, *превосходящій всякій умъ*, который Богъ даетъ любящимъ Его отъ всей души, ради бывшихъ прежде того браней и бѣдствій. Посему Господь опять сказалъ: *во Мнѣ миръ имате*, и присовокупилъ: *въ миръ скорбни будете, но дерзайте, яко Азъ побѣдихъ миръ* (Іоан. 16, 33); то есть, если бы человекъ терпѣлъ многія скорби, и переносилъ многія бѣдствія отъ демоновъ и отъ людей, но, имѣя миръ Господень, онъ все ихъ считаетъ за ничто. И еще сказалъ Господь: *миръ имайте въ себѣ* (Марк. 9, 50). Все это предсказалъ Онъ Апостоламъ, потому что они должны были идти на брани и терпѣть скорби ради Его. Въ общемъ же смыслѣ—на каждого изъ

¹⁾ Надписаніе подлинника. Буква ф (фи) и двадцать первое слово о совершенномъ мирѣ помысловъ; какъ ученики получили отъ Господа, ибо такой (миръ) данъ отъ Бога.

насъ вѣрующихъ нападаютъ страсти и соблазняютъ его; если же онъ имѣетъ миръ съ Богомъ и съ ближними, то все побѣждаетъ.

Это есть миръ, котораго Іоаннъ Богословъ повелѣваетъ не любить (1 Іоан. 2, 15),—не созданія, но мірскія похоти. Душа имѣетъ миръ съ Богомъ, когда имѣетъ миръ въ себѣ самой и бываетъ вся—такою, какъ угодно Богу, а таковою бываетъ она, когда имѣетъ миръ со всеѣми людьми, хотя бы и тяжкое переносила отъ нихъ; но, по незлобію, вовсе не смущается, а все терпитъ, всеѣмъ желаетъ добра, всеѣхъ любитъ ради Бога и ради естества. О невѣрныхъ, какъ погибающихъ, плачетъ, какъ дѣлалъ Господь и Апостолы, о вѣрныхъ же молится и соболазняетъ имъ (Луки 23, 34. Дѣян. 7, 60), и такъ получаетъ миръ помысловъ и мысленно пребываетъ при Богѣ вѣдѣніемъ и чистою молитвою. Ему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО 22¹⁾.

О духовной радости.

Радуйтесь о Господь (Филип. 3, 1), говоритъ Апостолъ; и хорошо сказалъ онъ: *о Господь*, ибо если

¹⁾ Надписаніе подлинника. Слово двадцать второе и буква х (хи),—какъ радость рождается отъ мира. О ней будетъ сказано немного; потому что есть духовная радость, есть и иная.

не о *Господь* будетъ радость, то не только не радуется человѣкъ, но и (никогда) не будетъ имѣть радости. Ибо Іовъ, разсматривая жизнь человѣка, нашелъ что она полна всякой скорби (Іова 14, 16); также Великій Василій и Григорій Нисскій говорятъ, что птицамъ и другимъ животнымъ, по нечувственности ихъ (свойственно) радоваться, а разумному человѣку—нѣтъ свободы отъ плача; потому говоритъ, что мы не удостоились даже познать и тѣ блага, отъ которыхъ мы отпали. И самая природа учитъ насъ болѣе плакать, ибо жизнь эта многоболѣзненна и многотрудна и, какъ изгнаніе, полна грѣховъ. Но если кто постоянно помнитъ Бога, тотъ веселится, по слову Псалмопѣвца: *Помышляхъ Бога и возвеселихся* (Пс. 76, 4). Умъ, увеселяемый памятію о Богѣ, забываетъ скорби міра, и отъ этого памятованія уповаешь на Бога и бываетъ безпечителенъ. Безпечительность доставляетъ радость и располагаетъ къ благодаренію; а чрезъ благодареніе, соединенное съ благо-разуміемъ, возрастаютъ дары и дарованія. По мѣрѣ того, какъ умножаются благодѣянія, возрастаетъ благодареніе и чистая молитва со слезами радости, и вскорѣ человѣкъ избавляется отъ слезъ печали и страстныхъ; выходитъ изъ (подъ власти) страстей и такъ приходитъ въ духовную радость, отъ всякаго случая. Чрезъ пріятное смиряется и благодаритъ, а чрезъ искушенія укрѣпляется въ немъ надежда на

будущее; и о томъ и о другомъ радуется, и любитъ Бога и всѣхъ естественно, какъ благодѣтелей, и не встрѣчаетъ во всемъ твореніи чего-либо могущаго повредить ему. Но просвѣщаемый вѣдѣніемъ Бога радуется о *Господь* о всѣхъ твореніяхъ, удивляясь Его промысленію о Своихъ созданіяхъ. Ибо достигшій духовнаго вѣдѣнія удивляется не тому только что явно (всѣмъ) и достойно похвалы, но и неявному для неопытныхъ принужденъ бываетъ изумляться, по силѣ чувства. И не дню только удивляется, ради свѣта, но и ночи, ибо ночь всѣмъ полезна. Проводящимъ дѣятельную жизнь ночь доставляетъ безмолвіе и свободу; плачущихъ она ведетъ къ памятованію о смерти и адѣ, а проходящихъ нравственное дѣланіе располагаетъ къ совершеннѣйшему поученію, разсматриванію добрыхъ дѣлъ и устройству (своего) нрава, какъ говоритъ Псалмопѣвецъ: *яже глаголетъ въ сердцахъ вашихъ, на ложихъ вашихъ умалитесь* (Пс. 4, 5), то есть въ безмолвіи ночи *умалитесь*, вспоминая преткновенія, бывшія въ смущеніи дня и *умице себе въ тѣніяхъ и тьмахъ духовныхъ* (Кол. 3, 16), то есть обучайте себя пребывать въ молитвахъ и псалмопѣніяхъ, чрезъ размышленіе и вниманіе при чтеніи. Ибо такъ совершается нравственное дѣланіе: (подвизающійся) размышляетъ о томъ, что сдѣлано имъ въ теченіи дня, чтобы, при безмолвіи ночи, могъ онъ придти въ чувство и пла-

каты о томъ, въ чемъ согрѣшилъ. И когда благодать приведетъ его въ преуспѣяніе, и онъ найдетъ истинѣ, а не мечтательно, что-либо изъ нравственнаго, относительно души или тѣла, совершающагося дѣлами или словами, по заповѣди Христовой, тогда благодарить со страхомъ и смиреніемъ и подвизается въ молитвѣ и многихъ слезахъ предъ Богомъ, чтобы сохранить тотъ добрый нравъ ¹⁾, обучая себя помнить о немъ, чтобы снова не потерять его забвеніемъ. Потому что добрый нравъ образуется въ насъ многимъ временемъ и трудомъ, и то, что приобрѣтено многимъ трудомъ и временемъ, можно потерять въ одну минуту. Это (сказано) касательно проходящихъ дѣятельную жизнь, для перешедшихъ же къ вѣдѣнію, ночь заключаетъ въ себѣ многія созерцанія, какъ говоритъ Великій Василій, ибо она ежедневно напоминаетъ созданіе міра, и располагаетъ къ вѣдѣнію. (Во время ночи) тьма покрываетъ все твореніе, какъ было нѣкогда (прежде созданія). Какъ небо было нѣкогда одно, безъ звѣздъ, подобно тому какъ и теперь—когда ихъ скрываютъ облака. И войдя въ келлію, и видя только тьму, (подвижникъ) вспоминаетъ тьму оную поверхъ бездны (Быт. 1, 1); и снова, увидѣвъ внезапно чистое небо, и ставъ внѣ келліи, онъ приходитъ вдругъ въ изумленіе, созер-

¹⁾ Τὸ χρηστὸν ἦθος ἔχειν.

цая горній міръ ¹⁾, и восхваляетъ Бога, какъ сказано у Іова объ ангелахъ, когда они увидѣли звѣзды (Іов. 38, 7). Созерцаетъ и землю невидимую и неустроенную какъ нѣкогда, и людей, погруженныхъ въ сонъ, какъ бы несуществующихъ, и бываетъ по чувству одинъ, какъ нѣкогда Адамъ, и разумно, вмѣстѣ съ ангелами, воспѣваетъ Творца и Создателя твари.

При случающихся ударахъ грома и молніи воспоминаетъ онъ день Суда; отъ голоса птицъ какъ бы чувствуетъ звукъ тогдашней трубы, и отъ восхода денницы и явленія лучей размышляетъ о явленіи честнаго и животворящаго Креста; чрезъ возбужденіе отъ сна людей познаетъ воскресеніе и отъ явленія солнца—пришествіе Господне. И какъ нѣкоторые встрѣчаютъ (солнце) пѣснопѣніемъ, подобно Святымъ, которые тогда будутъ восхищены на облакахъ, а нѣкоторые спятъ въ нерадѣніи, какъ имѣющіе быть осужденными тогда. И иные въ славословіи, вѣдѣніи и молитвѣ и прочихъ добродѣтеляхъ проводятъ весь день веселясь, и пребываютъ въ свѣтѣ вѣдѣнія, какъ тогда—праведные; нѣкоторые же пребываютъ въ страстяхъ и неразуміи, какъ тогда—грѣшники. И просто сказать: имѣющій вѣдѣніе во всякой вещи находитъ содѣйствіе къ спасенію души и прославленію Бога,

¹⁾ Τὸν ὅλον κόσμον

для чего и создано все отъ *Бога разумова и Господа*, какъ говорить мать Пророка Самуила, потому *да не хвалится премудрый премудростию своею* и проч., но *о семъ да хвалится хвалейся, еже разумѣти и знати Господа* (1 Цар. 2, 3. 10), то есть тѣмъ, чтобы познавать, во многомъ разумъ, Господа изъ твореній Его, и подражать Ему, по силѣ, храненіемъ Божественныхъ заповѣдей Его, чрезъ которыя познаетъ Его, и, подобно Ему, возможетъ *творить судъ и правду по средѣ земли*; ибо она говорила это, пророчествуя о распятіи и воскресеніи Господнемъ. И да сострадаетъ Ему (таковой) приобрѣтеніемъ добродѣтелей и прославится съ Нимъ безстрастіемъ и вѣдѣніемъ и хваленіе будетъ имѣть въ себѣ, что онъ сподобился быть рабомъ такого Владыки и подражателемъ смиренія Его, будучи недостойнъ; и тогда похвала будетъ отъ Господа, по слову Апостола (Рим. 2, 29. 1 Кор. 4, 5). Когда это «тогда»? когда *речетъ сущимъ одесную, приидите благословеннии, наследуйте Царство* (Матѣ. 25, 34), котораго да сподобимся веѣ мы Его благодатию и челоуѣколюбіемъ. Ему слава и держава во вѣки. Аминь.

СЛОВО 23¹⁾.

О Божественныхъ Писаніяхъ, что въ нихъ нѣтъ разногласія.

Пойте разумно (Ис. 46, 8), говоритъ Пророкъ, и *испытайте Писанія* (Іоан. 5, 39), говоритъ Господь. Кто слушается этого, тотъ просвѣщается, а кто ослушивается, тотъ помрачается. Ибо если кто невнимателенъ къ тому, что онъ произноситъ,—не столько получаетъ онъ плода отъ Божественныхъ Писаній, хотя можетъ быть и часто поетъ и читаетъ. *Упразднитесь*, сказано, и *разумѣйте* (Ис. 45, 11), ибо *упраздненіе* собираетъ умъ, и если кто-либо захочетъ быть нѣсколько внимательнымъ, то *познаетъ отъ части*, по слову Апостола (1 Кор. 13, 12), и особенно тотъ, кто имѣетъ *отъ части* нравственное дѣланіе; ибо оно даетъ уму большую опытность отъ борьбы со страстями. Однако не на столько познаетъ онъ, сколько таинствъ заключаетъ въ себѣ каждое изреченіе Писанія, но на сколько чистота ума его можетъ принять отъ благодати. Это ясно изъ того, что мы часто познаемъ вѣдѣніемъ какое-либо изреченіе Писанія и постигаемъ одно, или два, изъ намѣреній, съ кото-

¹⁾ Надписаніе подлинника. О Писаніяхъ двадцать третье слово, что никакого никакъ не имѣютъ онѣ разногласія, (для) желающихъ испытывать ихъ, но должно понимать все написанное, какъ слѣдуетъ.

рыми написано было это изреченіе, а чрезъ нѣсколь-
ко времени, когда умъ, можетъ быть, дѣлается болѣе
чистымъ, онъ сподобляется иного разумѣнія, высша-
го, нежели то первое. Такъ что отъ недоумѣнія и
удивленія благодати Божіей и неизреченной Его
премудрости (умъ) приходитъ въ страхъ и трепетъ
предъ *Богомъ разумовъ*, какъ сказала пророчица Анна,
что *Богъ разумовъ Господь* (1 Цар. 2, 3). Не о томъ
говорю, когда кто-либо услышитъ—чрезъ какое-ли-
бо Писаніе или человѣка, это не есть чистота ума
или откровеніе; но если-бы позналъ кто-либо и не
вѣрилъ себѣ, пока не найдетъ, что Божественное
Писаніе или кто-либо изъ Святыхъ подтверждаетъ
то вѣдѣніе, которое онъ получилъ самодвижно объ
изреченіи Писанія, или чувственномъ или мыслен-
номъ дѣлѣ. И если, можетъ быть, вмѣсто одного на-
мѣренія онъ встрѣтилъ бы многія, или слышалъ бы
о нихъ изъ Божественнаго Писанія, или отъ Свя-
тыхъ Отцевъ, то пусть не не вѣритъ этому, и не счи-
таетъ этого за разногласіе. Ибо случается, что вещь
бываетъ одна, а цѣли ея многія. Такъ объ одеждахъ,
если бы кто-либо сказалъ, что онѣ грѣютъ, другой,
что украшаютъ, и третій, что покрываютъ,—все трое
говорятъ истину, что одежда нужна для теплоты,
покрова и украшенія, и эти трое постигли Боже-
ственные намѣренія касательно одежды и имѣютъ
свидѣтелемъ Божественное Писаніе и природу вещей.

Если же кто-либо, будучи *татъ и разбойникъ*, отно-
сительно разумѣній, сказалъ бы, что одежда нужна
для грабежа и воровства, тотъ всячески лжетъ. Ибо
ни Писаніе, ни природа вещей не подтверждаетъ,
чтобы одежда была для этого, поелику и законы за-
такія дѣла казнятъ. Также бываетъ и при всякой ве-
щи чувственной или мысленной, или словъ Боже-
ственного Писанія. Ибо и Святые познаютъ не вся-
кое намѣреніе Божіе, относительно каждой вещи, или
написаннаго слова; но и не все вдругъ ищутъ, что
они познали¹⁾. Частію потому, что Богъ непостижимъ
и премудрость Его не имѣетъ предѣла²⁾, что-бы ан-
гелъ или человѣкъ могъ вмѣститъ все; какъ Злато-
устъ говоритъ о нѣкоторомъ вѣдѣніи, что мы сказа-
ли о семъ, сколько должно было сказать нынѣ, Богъ
же вмѣстѣ съ упомянутымъ вѣдаетъ и иное непости-
жимое; частію же и потому что неполезно будетъ, если
и сами Святые будутъ говорить все, что знаютъ, ра-
ди немощи человѣческой, и чтобы не продлилось
слово и не сдѣлалось ненавистнымъ или неудобопо-
нимаемымъ, но смущенію, но чтобы говоримое было
въ мѣру, по изреченію Богослова. Потому и бываетъ,
что сегодня тотъ же (Святой) о томъ же дѣлѣ гово-
ритъ одно, а завтра другое; и это не есть разногла-

1) ἐπὶ νοήματι. Слич. Слово 12, стран. 71-я.

2) ὅτι ἔχει πλῆρωμα.

сіе, если только слушатель имѣетъ вѣдѣніе или опытность. И опять: одинъ говоритъ одно, а другой о томъ же самомъ изреченіи Божественнаго Писанія— другое, ибо часто и то и другое внушила Божественная благодать, сообразно съ временемъ и состояніемъ людей. То только есть искомое, чтобы соотвѣтственно Божественному намѣренію дѣлалось то, что дѣлается, или говорилось то, что говорится, и чтобы оно подтверждалось Божественнымъ Писаніемъ, дабы не услышало оно отъ Апостола: *анагема да будетъ* (Гал. 1, 8), если иное благовѣститъ вамъ, виѣ Божественнаго намѣренія или естества вещей, хотя бы то былъ и ангель, какъ говорятъ: Великій Діонисій, Антоній и Максимъ Исповѣдникъ. Поэтому говоритъ Златоустъ: не дѣти Еллиновъ передали намъ это, но Святое Писаніе. Такъ не есть разногласіе то, что Писаніе говоритъ о нѣкоторомъ (мужѣ), что онъ не видѣлъ Вавилона во время плѣненія (Иезек. 12, 13), и опять въ другомъ мѣстѣ, что онъ былъ переселенъ въ Вавилонъ, вмѣстѣ съ другими. Читающій внимательно найдетъ въ иномъ мѣстѣ Писанія, что того мужа ослѣпили и такимъ взяли въ плѣнъ, и такъ онъ возшелъ въ Вавилонъ (Иерем. 39, 7. 9), какъ сказалъ о немъ одинъ, но не видѣлъ его, какъ сказалъ другой. И опять нѣкоторые, по незнанію своему, говорятъ, что посланіе къ Евреямъ писано не Павломъ Апостоломъ, также и одно изъ

словъ святаго Діонисія не имъ написано; но если кто внимательно разсмотритъ, то изъ самыхъ словъ удостовѣрится въ истинѣ. Ибо Святые, если говорятъ о естественной вещи, то—по разсмотрѣнію, то есть по вѣдѣнію естественному, отъ вѣдѣнія существующаго, то есть твореній, происходящаго, вслѣдствіе чистоты ума, говорятъ, съ полнѣйшею точностію о намѣреніи Божіемъ и испытываютъ Писанія (Іоан. 5, 39), какъ Златоустъ сказалъ о тѣхъ, которые въ земныхъ рудоконняхъ отыскиваютъ золото, что они и тончайшія жилки розыскиваютъ, чтобы ни одна іота или черта не пропала, какъ говоритъ Господь (Матѣ. 5, 18). Іота есть десятая буква, а такъ называемая черта есть знакъ, безъ котораго нельзя правильно писать ¹⁾. И это сказано о вещахъ по естеству. Когда же превыше естества представляется чувственная или умственная вещь или написанное изреченіе, то Святые познаютъ его по прозрѣнію, или по откровенію, если дается имъ вѣдѣніе о семъ отъ Святаго Духа. Если же и не дается, но для пользы остается имъ это неоткрытымъ, то они не стыдятся сказать истину и сознаться въ человѣческой немощи, говоря: не знаю; Богъ вѣдаетъ; по слову Апостола (2 Кор. 12, 3). И какъ говоритъ Соломонъ: *трехъ не разумѣю и четвертаго не въмъ* (Притч. 30,

¹⁾ *κρητήρ*.

18). И опять Златоустъ: я не знаю, хотя бы и невѣрнымъ назвали меня еретики, пусть называютъ и глухимъ. И просто: тѣ, которые имѣли двоякую премудрость, предпочитали премудрость Свыше, но мудро пользовались и внѣшнимъ обученіемъ, въ мѣру, согласно съ Апостольскимъ правиломъ, чтобы не хвалиться безмѣрно, какъ тѣ Египтяне, которые издѣвались надъ простотою рѣчи Апостола Варнавы, не зная, что проповѣдь его заключала въ себѣ глаголы жизни вѣчной, какъ говоритъ Климентово писаніе. Многіе изъ насъ страдаютъ тѣмъ же, и, когда слышатъ, что кто-нибудь говоритъ на иномъ языкѣ, смѣются, хотя можетъ быть говорящій и премудръ въ своемъ языкѣ и говоритъ о страшныхъ таинствахъ; это конечно происходитъ отъ незнанія. Отцы же съ намѣреніемъ писали просто, соображаясь со временемъ и съ людьми, къ которымъ писали. Какъ говоритъ святой Григорій Нисскій, восхваляя святаго Ефрема за то, что онъ, будучи премудръ, писалъ просто, и будучи весьма искусенъ въ знаніи догматовъ, удивляюсь, говорить, какъ искусно склеилъ листы печестивыхъ книгъ того малоумнаго еретика, и какъ тотъ, по гордости, не въ силахъ былъ перенести стыда и лишилъ себя жизни. Святое смиреніе превышаетъ естества и невѣрный не можетъ его имѣть, и считаетъ противоестественнымъ, какъ говоритъ о такихъ Великій Діонисій въ писаніи своемъ

къ святому Тимоѳею, что древнимъ воскресеніе мертвыхъ казалось противоестественнымъ, мнѣ же и тебѣ и истинѣ не кажется оно противоестественнымъ, но превышимъ естества. И это по отношенію къ намъ только, по отношенію же къ Богу не превышаетъ естественнымъ, а естественнымъ, ибо повелѣніе Божіе есть дѣйствіе Его естества. Отцы же наиболѣе лобызаютъ смиреніе дѣломъ и словомъ, какъ написавшій сказанія о Старчествахъ, хотя былъ и епископъ и потерпѣлъ изгнаніе за Христа, но о рубищѣ одной дѣвы сказалъ: я взялъ его, чтобы получить благословеніе. И святые отцы Дорофей и Кассіанъ были премудры, но писали просто. Это сказано нами для того, чтобы не подумалъ кто либо, что нѣкоторые по гордости писали высоко, или опять другіе по неучености—просто; но сила¹⁾ у тѣхъ и у другихъ одна и та же и однимъ и тѣмъ же Святымъ Духомъ дана, намѣреніе же было—къ пользѣ всѣхъ. Ибо ежели бы всѣ писали просто, то никто изъ высокихъ (ученыхъ) не получалъ бы пользы, и считалъ бы написанное за ничто по простотѣ слова; но также и изъ простыхъ никто не получилъ бы пользы, если бы всѣ писали высоко, потому что не понималъ бы силы сказаннаго. Кто дѣйствительно вкусилъ вѣдѣнія Писаній, тотъ знаетъ, что сила и простѣйшаго

¹⁾ ὁ λόγος, умъ, смыслъ.

изреченія Писанія и наиболѣе премудраго одна и та же, и направлена къ тому, чтобы спасти чело-вѣка, а непричастный этого вѣдѣнія часто соблазняется, не зная того, что обученіе земной мудрости много помогаетъ, если оно дѣлается колесницею для премудрости Свыше. Ибо одна даетъ свѣтлыя мысли, а другая силу слову, если имѣетъ при себѣ твердое благоразуміе и цѣломудріе¹⁾, чрезъ которое опасается неразумія и того, чтобы не мудрствовать нате еже подобаетъ, но мудрствуетъ въ цѣломудріи, по слову Апостола (Рим. 12, 3). Какъ слово «аминь», вмѣсто котораго въ Евангеліи отъ Луки сказано «воистинну» (Лук. 9, 27; 12, 44; 21, 3), есть твердое слово, подтверждающее прежде него сказанное, такъ и мудрость есть твердое пониманіе, могущее сохранить истину. «Аминь» дѣлаетъ явнымъ пребываніе новой благодати, потому и нигдѣ не встрѣчаемъ его въ Ветхомъ Заветѣ, ибо тотъ былъ прообразованіемъ, въ Новой же благодати повсюду говорится «аминь», ибо она пребудетъ во вѣкъ и во вѣкъ вѣка.

¹⁾ Въ греч. книгѣ на полѣ сдѣлано замѣчаніе: ἐν ἄλλ. ταπεινοφροσύνη, т. е. въ друг. смиренномудріе.

СЛОВО 24¹⁾.

О томъ, какъ чело-вѣкъ приходитъ въ чувство, и познаетъ полезное.

О сколько слезъ желалъ бы я имѣть, когда отчасти вижу себя самого! Ибо если не согрѣшаю, то, по гордости, возношусь; если же согрѣшу и успѣю замѣтить это, то, по недоумѣнію²⁾, упадаю духомъ и прихожу въ отчаяніе. Если прибѣгну къ надеждѣ, опять приходитъ гордость. Если плачу, это производитъ во мнѣ самомнѣніе, и если не плачу, опять приходятъ страсти. Жизнь моя—смерть, а смерть—хуже, по страху мученія. Молитва моя бываетъ для меня искушеніемъ и невнимательность—погибелью. *Приложившій разумъ приложитъ болѣзнь* (Еккл. 1, 18), говоритъ Соломонъ. Недоумѣю и изумляюсь, и не знаю, что дѣлать. Если же знаю, можетъ быть, и не дѣлаю, къ осужденію служить мнѣ знаніе. Увы мнѣ! Что мнѣ избрать? Все, по неразумію, кажется мнѣ противнымъ, и не могу выбрать что-либо изъ этого. Не нахожу добродѣтели и мудрости, сокрытыхъ въ искушеніяхъ, потому что не имѣю терпѣнія. Но,

¹⁾ Надписаніе подлинника. Омега (ω) теперь и двадцать четвертое настоящее слово подаетъ сердцу чувство, чтобы чело-вѣкъ зналъ полезное.

²⁾ ἐξ ἀπειρίας. въ слав. отъ неискusstва.

удаляясь отъ безмолвія ради помысловъ, внѣ его нахожу страсти, въ искушеніяхъ чрезъ чувства. Если захочу постыться и бодрствовать, нахожу препятствіе въ самомнѣніи и изнеможеніи (тѣлесномъ). Если ѣмъ и пью безмѣрно, невольно прихожу къ тому, чтобы согрѣшать. Отъ всѣхъ удаляюсь и бѣгаю, но страху грѣха, но уныніе снова расслабляетъ меня, хотя и вижу, что многіе за такія брани и искушенія получаютъ вѣнцы, потому что имѣютъ твердую вѣру, чрезъ которую получили Божественный страхъ, и страхомъ достигли дѣланія прочихъ добродѣтелей. Если бы и я имѣлъ вѣру, какъ они, достигъ бы и я страха, чрезъ который получилъ бы, по слову Пророка, благочестіе и вѣдѣніе, отъ котораго рождаются: крѣпость, совѣтъ, разумъ и премудрость Духа (Исаи 11, 2) пребывающимъ въ Богѣ, съ безпощадностію и упражненіемъ въ Божественныхъ Писаніяхъ, съ терпѣніемъ, чрезъ которое все высокое и низкое бываетъ для нихъ одинаковымъ.

Когда какая-либо страсть принимаетъ видъ добродѣтели, время и опытность обыкновенно это обнаруживаютъ, и когда опять добродѣтель уклоняется къ страсти, время и опытность обыкновенно различаютъ это, чрезъ терпѣніе; ибо если послѣднее не родится въ душѣ отъ вѣры, то (она) вовсе не можетъ имѣть добродѣтели. *Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваши*, говоритъ Господь (Лук. 21, 19), *Создавший*

наединѣ сердца человеческая (Пс. 32, 15), какъ сказалъ Псалмопѣвецъ. И изъ этого ясно, что наединѣ создается сердце, то есть умъ—терпѣніемъ того, что насъ постигаетъ. Ибо тотъ, кто вѣруетъ, что имѣетъ другого невидимо пекущагося¹⁾ о его жизни, когда послушается своего помысла, говорящаго: этого хочу, а этого не хочу; это хорошо, а это худо? Если же имѣетъ кого-либо чувственнымъ руководителемъ, то долженъ вопрошать его о всякомъ дѣлѣ и, слухомъ принимая отвѣтъ, исполнять сказанное ему на дѣлѣ. Если же никого не имѣетъ, то имѣетъ, по слову Евхари, Христа. И долженъ, вопрошая Его молитвою отъ сердца, по вѣрѣ надѣяться отвѣта дѣломъ и словомъ, чтобы сатана, немогущій исполнить чегонибудь дѣломъ, не отвѣтилъ словомъ, преобразуясь какъ-бы въ руководителя, и не привлекъ къ погнѣбленію неимѣющихъ терпѣнія. Ибо они, по неразумію, снѣшаютъ принимать то, что никогда не дается имъ, ибо *единъ день предъ Господомъ, яко тысяща лѣтъ, и тысяща лѣтъ яко день единъ* (2 Петр. 3, 8). Получившій же чрезъ терпѣніе опытность въ козняхъ вражескихъ, по слову Апостола (Рим. 5, 4), трудится, борется и *течетъ* въ терпѣніи *да постигнетъ* и возможетъ сказать, *не бо умышлений его не вѣдамы* (2 Кор. 2, 11), то есть сокровенныхъ его козней, многимъ невѣдомыхъ. Ибо говорить, сатана

¹⁾ *кобернатора*

преобразуется во ангела свѣта (2 Кор. 11, 14), и не чудо. Поелику и являющіеся отъ него помыслы въ сердцѣ кажутся неопытнымъ помыслами правды. Поэтому и хорошо—«не знаю», чтобы не отвергать того, что говоритъ ангель и не повѣрить тому, что дѣлается отъ врага, по его лукавству, но терпѣніемъ избѣгать обѣихъ стремленій и ожидать, что отвѣтъ будетъ полученъ на дѣлѣ, черезъ многіе годы, невольно, безъ нашего вѣдѣнія. Какъ нѣкто сказалъ о вѣдѣніи существующаго, то есть созданій Божіихъ: когда достигнешь нѣкотораго пристанища, то есть дѣятельнаго вѣдѣнія и когда видишь, что оно пребываетъ (съ тобою) многіе годы, тогда познай, что ты дѣйствительно услышанъ и невидимо получилъ отвѣтъ. Напримѣръ: молится человѣкъ о побѣжденіи борющихся его страстей, и не слышитъ слова, не видитъ какого-либо образа ободренія, но если бы и случилось это когда-либо, во снѣ или на яву, все этому не вѣрить, и по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ видитъ, что та брань побѣждается благодатію, и ему приходятъ мысли, влекущія умъ въ смиреніе и въ познаніе своей немощи; однако и такъ не вѣрить, но ожидаетъ много лѣтъ, боясь, чтобы и это не было тайною хитростію. Какъ Златоустъ говоритъ объ Апостолахъ, что для того сказалъ имъ Господь о скорбяхъ и прибавилъ: *терпѣвый же до конца мой спасенъ будетъ* (Матѣ. 10, 22), чтобы они никогда

не были безпечны, но подвизались по страху. Ибо никто не получить пользы отъ другихъ добродѣтелей, хотя бы онъ и на небѣ жилъ, если имѣетъ гордость, чрезъ которую діаволъ, Адамъ и другіе весьма многіе пали. Поэтому никто не долженъ отвергать страхъ, пока не достигнетъ онъ пристанища совершенной любви и не будетъ внѣ міра и тѣла. Таковой добровольно не оставляетъ страха, но отъ великой вѣры, которая дѣлаетъ умъ безпечительнымъ о жизни или смерти тѣла, приходитъ въ чистый страхъ любви, о которомъ Великій Аѳанасій говорить къ людямъ совершеннымъ: бойся Бога не какъ мучителя, но бойся Его по любви. Не ради согрѣшеній только долженъ человѣкъ бояться Бога, но потому что Богъ любитъ его, а онъ не любитъ Бога, и, будучи недостойнъ, получаетъ благодѣянія; чтобы, устрояясь такихъ благъ, онъ привлекъ душу свою къ любви и сдѣлался достойнымъ оказываемыхъ и имѣющихъ быть оказанными ему благодѣяній благоразуміемъ своимъ въ отношеніи къ Благодѣтелю, и отъ чистаго страха любви пришелъ бы въ смиреніе, превысшее естества. Поелику сколько бы ни дѣлалъ онъ добраго, сколько ни перенесъ бы тяжбаго, отнюдь не думаетъ, что отъ своей крѣпости или отъ своего разума имѣетъ онъ силу терпѣть, или быть невредимымъ по душѣ или по тѣлу, но отъ смиренномудрія получилъ онъ разсужденіе, чрезъ

которое знаетъ, что онъ созданіе Божіе, и что самъ собою онъ не можетъ ни добраго дѣлать, ни сохранять то добро, которое совершаетъ благодать, ни побѣдить искушенія, ни пребывать въ терпѣніи, по своему мужеству или благоразумію. Отъ разсужденія приходитъ онъ въ частное вѣдѣніе вещей и начинаетъ умомъ созерцать все существующее, но, не зная, какъ объяснить себѣ оное, ищетъ учителя, и не находя его, ибо Онъ невидимъ, не принимаетъ опять какого либо образа, или неутвержденной мысли, ибо научился сему отъ разсужденія и пребываетъ въ недоумѣніи. Вслѣдствіе этого все происходящее отъ него самого и все имъ самимъ постигаемое онъ считаетъ за ничто, видя предъ собою такое множество людей, павшихъ, послѣ многихъ трудовъ и знаній, начиная отъ Адама и другихъ. И такъ, слыша и не разумѣя чего либо сказаннаго въ Божественныхъ Писаніяхъ, начинаетъ проливать слезы отъ этого вѣдѣнія, то есть отъ познаванія того, что онъ дѣйствительно не знаетъ, какъ должно. И поистинѣ чудо, какъ *мнѣлся видѣти что, не у что разумѣ* (1 Кор. 8, 2), и *еже мнѣтъ имѣти возмется отъ него*, говоритъ Господь (Матѣ. 13, 12), то есть за то что *мнѣлъ имѣти*, а не имѣлъ. А этотъ мнѣтъ о себѣ, что онъ немудръ и неразуменъ, немощенъ и невѣжда, и поэтому плачетъ и рыдаетъ, *мня*, что онъ усвоилъ себѣ то, чего не имѣетъ по благоразумію.

Смиреніе рождается отъ многихъ добродѣтелей, само же рождаетъ—совершеннѣйшія: также и вѣдѣніе, благодареніе и молитва и любовь: ибо эти добродѣтели всегда возрастаютъ. Напримѣръ: смиряется человѣкъ какъ грѣшникъ, и плачетъ, и отъ этого воздерживается и переноситъ произвольно и невольно бывающія скорби, отъ демоновъ, ради подвига, и отъ людей къ испытанію вѣры, чтобы обнаружилось, имѣетъ ли онъ надежду на Бога, или надѣется на человѣка, или на свою крѣпость и мудрость. Будучи испытанъ въ терпѣніи и въ томъ, чтобы все предоставлять Богу, получаетъ онъ великую вѣру, о которой говоритъ Господь: *Сынъ Человѣческій пришедъ обрящетъ ли вѣру* (Лук. 18, 8)? И чрезъ эту вѣру получаетъ побѣду надъ противниками, а получивъ ее, познаетъ свою немощь и неразуміе, отъ Божіей силы, и премудрости, на немъ проявляющейся. И начинаетъ благодарить въ смиреніи души и трепещетъ, боясь, чтобы какъ нибудь, подобно прежнему, не впасть въ преслушаніе Бога. И отъ чистаго страха, бывающаго безъ грѣха, и отъ благодаренія, терпѣнія же и смиренія, котораго удостоился отъ вѣдѣнія, начинаетъ надѣяться получить, по благодати, милость. Отъ опыта же совершающихся на немъ благодѣяній, ожидаетъ и боится, чтобы не оказаться какъ нибудь недостойнымъ таковыхъ даровъ Божіихъ, и отсюда возрастаетъ въ смиренія и мо-

литвѣ отъ сердца, а по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ въ немъ это, съ благодареніемъ, получаетъ онъ большее вѣдѣніе. И такъ отъ вѣдѣнія приходитъ въ страхъ и отъ страха въ благодареніе и въ высшее вѣдѣніе. И отсюда—естественно любить Благодѣтеля и съ радостію желаетъ угождать Ему, вслѣдствіе вѣдѣнія, какъ должникъ. И тотчасъ умножается въ немъ вѣдѣніе и онъ созерцаетъ вмѣстѣ съ особенными благодареніями (Божіими) и общія, не возмогая благодарить за которыя, плачетъ, и снова, удивляясь благодати Божіей, утѣшается. И иногда бываютъ у него прискорбныя слезы, иногда же опять, отъ любви, проливаетъ слезы, сладчайшія меда, при духовной радости, которая происходитъ отъ неизреченнаго смиренія. Когда поистинѣ желаетъ онъ всякой воли Божіей и ненавидитъ всякую честь и покой и почитаетъ себя ниже всѣхъ, такъ что отнюдь не думаетъ, чтобы кто либо изъ людей, былъ такимъ должникомъ по всему предъ Богомъ и людьми, какъ онъ. И потому почитаетъ искушенія и скорби за великое благодареніе, а радость и побой большою потерей. И первыя любитъ отъ всей души, откуда бы онѣ ни приходили, а послѣднихъ боится, хотя бы и отъ Бога бывали, къ испытанію. Когда онъ пребываетъ въ этихъ слезахъ, умъ начинаетъ получать чистоту, и приходитъ въ первоначальное свое устройство, то есть въ естественное вѣдѣніе, которое было

имъ потеряно чрезъ любовь къ страстямъ. Вѣдѣніе это нѣкоторые называютъ мудростію, потому что умъ видитъ (при немъ) вещи согласно съ ихъ естествомъ. И опять нѣкоторые называютъ разсмотрѣніемъ, потому что достигшій его познаетъ нѣкоторую часть сокровенныхъ таинствъ, то есть, намѣреніе Божіе, заключающееся въ Божественныхъ Писаніяхъ и въ каждомъ созданіи. Разсмотрѣніе рождается отъ разсужденія и можетъ постигать сущность чувственныхъ и мысленныхъ (созданій), и поэтому называется вѣдѣніемъ существующаго, то есть твореній; но оно естественно и происходитъ отъ чистоты ума. Если же кто-либо удостоится, для общей пользы, получить прозорливость, то это превыше естества. Ибо одинъ только Богъ провидитъ все во всѣхъ, и (вѣдаетъ) для чего Онъ создалъ каждую вещь, или слово Божественнаго Писанія, и, по благодати, даруетъ достойнымъ знаніе. Такъ что вѣдѣніе чувственныхъ и мысленныхъ твореній Его, называемое мудростію, есть разсмотрѣніе и естественное вѣдѣніе, которое прежде было въ естествѣ, но страсти помрачили умъ; и если Богъ, чрезъ дѣятельную добродѣтель, не отниметъ страстей, то (умъ) не можетъ видѣть. Но прозорливость не такова; она есть благодать и превыше естества. Однако и разсмотрѣніе не бываетъ безъ Бога, хотя оно и естественно. Иоселику и Еллины многое придумали, но

не нашли намѣренія Божія (сокровеннаго) въ твореніяхъ, какъ говоритъ Великій Василій, не нашли и Самого Бога, потому что не имѣли смиренія и вѣры Авраамовой. Ибо тогда человекъ называется вѣрующимъ, когда онъ отъ видимаго вѣруетъ невидимому, а если вѣруетъ только тому, что онъ видитъ, то не вѣритъ учащему его или проповѣдающему.

По сему-то, для испытанія вѣры, искушенія бываютъ явны, а заступленія сокрыты; чтобы вѣрующій, чрезъ терпѣніе, по минованіи искушенія, нашелъ вѣдѣніе, и чрезъ него позналъ то, чего не зналъ (прежде), и что ему благодѣтельствуетъ (Богъ), и плодопринесъ смиреніе и любовь къ Богу, какъ Благодѣтелю, и къ ближнему, для угожденія Богу, и чтобы считалъ это естественнымъ и своимъ долгомъ, вслѣдствіе котораго желалъ бы и заповѣди соблюдать. Страсти ненавидитъ онъ какъ враговъ, а тѣло презираетъ, считая его препятствіемъ къ безстрастію и познанію Бога, то есть—сокровенной Его премудрости. И поистинѣ она сокроевна. Ибо при мірской мудрости—кто побѣждаетъ (другихъ), питаетъ себя, имѣетъ покой въ этомъ мірѣ и славу, тотъ и бываетъ ея другомъ, а при Божіей премудрости—другъ ея подвизается въ противоположномъ сему, то есть много трудится и воздерживается и переноситъ всякую скорбь и всякое безчестіе, ради Царства Небеснаго. Ибо одинъ желаетъ, чтобы видимыя блага,

земныя науки и цари, были ему близки, и ради этого часто страдаетъ, а другой состраждетъ Христовымъ страданіямъ. Первый надѣется на здѣшнее, если только успѣетъ получить его, потому что оно временно и неудободостижимо, а другое—сокрыто здѣсь *отъ очей безумныхъ*, говоритъ Божественное Писаніе (Пр. 3, 2), и сдѣлается явнымъ въ будущемъ вѣкѣ, когда тайное обнаружится; однако не только (тамъ), но, къ утѣшенію плачущихъ, и здѣсь, по слову Златоуста, дается познаніе сокровеннаго, то есть вѣдѣніе Божественныхъ Писаній и твореній. Ибо отъ вѣры рождается страхъ, отъ котораго плачь, отъ плача—смиреніе и отъ смиренія—разсужденіе, отъ сего послѣдняго разсмотрѣніе и, по благодати, прозорливость.

Имѣющій вѣдѣніе отнюдь не долженъ утверждать своего собственнаго разумѣнія, но желать всегда имѣть подтвержденіе въ Божественномъ Писаніи или въ природѣ вещи. Если же нѣтъ этого, то вѣдѣніе не есть истинное, но лукавство и обольщеніе, какъ говоритъ Великій Василій о звѣздахъ, что Божественное Писаніе немногія (изъ нихъ) называетъ, а Елліны, заблуждаясь, даютъ имъ многія имена, ибо намѣреніе Божественнаго Писанія состоитъ въ томъ, чтобы (предложить) могущее спасти душу и открыть нѣкоторымъ тайны Божественныхъ Писаній и значеніе существующаго, то есть цѣль, для которой каж-

дая вещь получила бытіе, чтобы просвѣщать умъ и возбуждать его къ любленію Бога и познаванію величія Его, неизреченной Его премудрости и промысла—отъ попеченія Его о Своихъ твореніяхъ. Дабы отъ этого вѣдѣнія человѣкъ боялся преступать заповѣди Божія и познавалъ свою немощь и неразуміе, и чрезъ то смиренномудрствовалъ, любилъ Бога и не презиралъ Его заповѣдей, какъ дѣлаютъ немѣющіе дѣятельнаго познанія. И опять Богъ сокрываетъ отъ человѣка нѣкоторыя изъ таинствъ, дабы онъ желалъ (познать ихъ), и не былъ гордъ, подобно Адаму, и чтобы врагъ, найдя его внѣ должнаго, не увлекъ его въ свое зло. Такъ бываетъ съ добродѣтельными; а неразумныхъ устрашаетъ искушеніями, чтобы они удалялись отъ дѣланія грѣха, и тѣлесными благодѣяніями укрѣпляетъ, чтобы не отчаявались. И такъ всегда дѣлаетъ это Богъ, по безпредѣльной Своей благодати, чтобы спасти всѣхъ и избавить отъ сѣтей діавола, или даруя намъ, или не посылая намъ благодѣянія и познанія, и подавая дарованія и разумѣнія для того, чтобы cadaго сдѣлать благоразумнымъ. Также и Божественное Писаніе сдѣлалъ Онъ прикровеннымъ, и понятнымъ для нѣкоторыхъ къ пользѣ, смотря по произволению читающаго. Намѣреніе же внѣшнихъ мудрецовъ было не таково; но каждый изъ нихъ старался о томъ, чтобы побѣдить другого и показаться мудрѣйшимъ; потому и не на-

шли они Господа, также не найдутъ Его и тѣ, которые поступаютъ по ихъ примѣру, хотя можетъ быть и много трудятся. Ибо не трудамъ, говоритъ Дѣствичникъ, а смиренію и простотѣ является Богъ, чрезъ вѣру, то есть вѣдѣніемъ Писаній и твореній,—вѣру, о которой Господь говоритъ: *како вы можете въровати, славу другъ отъ друга пріемлюще* (Іоан. 5, 44) и проч. Это та великая вѣра, которая можетъ всякое попеченіе возложить на Бога, которую Апостолъ называетъ основаніемъ (1 Кор. 3, 11), а Дѣствичникъ матерію безмолвія и святыи Псаакъ—вѣрою вѣдѣнія и дверію таинствъ. Имѣющій сію вѣру безпонечителенъ во всемъ, какъ и всѣ Святые, у которыхъ и самыя имена были соотвѣтствующими ихъ расположенію, какъ у праведныхъ въ древности; такъ Петръ означаетъ—твердость, Павелъ—покой, Іаковъ—борецъ, какъ поборовшій веліара; и Стефанъ названъ такъ отъ вѣнца, неувядаемаго, Аѳанасій—отъ безсмертія, и Василій—отъ царства, Григорій—отъ бодрствованія (ἐγρηγώρσεως) въ премудрости, то есть въ богословіи; Златоустъ же—отъ многоцѣнной вещи и многовождедѣнной благодати, Псаакъ—отъ оставленія. И просто сказать, какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, такъ и въ Новомъ имена соотвѣтствующія. Ибо Адамъ названъ по четыремъ странамъ свѣта. А (Ἀνατολή) востокъ, д (Δύσις) западъ, а (Ἀρκτος) сѣверъ и м (Μεσημβρία) югъ. И опять человѣкъ, на тогдашнемъ языкѣ, то

есть Сирійскомъ, называется огнемъ, сходно съ природою. Ибо отъ одного человѣка произошелъ весь міръ, какъ отъ одной свѣчи можно зажечь, сколько угодно, другихъ, и та первая отъ этого не оскудѣетъ. Но смѣшенію же языковъ иной (языкъ) производитъ слово человѣкъ отъ забвенія, которое свойственно человѣку; другой отъ другихъ его свойствъ, а Еллинскій—производитъ слово человѣкъ отъ взиранія вверхъ (*ἀνω ἀφ' ὧν*). Но естество его есть собственно слово, потому и называется онъ словеснымъ. Ибо одинъ только человѣкъ обладаетъ этимъ свойствомъ; по инымъ же своимъ названіямъ онъ имѣетъ себѣ соименниковъ между другими твореніями. Поэтому и должны мы оставить все, и какъ словесные, предпочесть слово, и слова¹⁾ (разумѣнія) разумно приносить²⁾ Божію Слово, чтобы отъ Него, вмѣсто словъ, удостоиться получить слова (разумѣнія) Духа Святаго, въ нынѣшнемъ вѣкѣ, по сказанному: *даждь молитву молящемуся* (1 Цар. 2, 9), то есть: хорошо молящемуся тѣлесною молитвою даетъ Богъ умную молитву, и тщательно пребывающему въ ней—безвидную и необразовидную, отъ чистаго страха Божія. И опять хорошо совершающему сію—вѣдѣніе твореній и отъ него—восхищеніе ума къ Богословію и благому дѣйствию будущаго даруетъ Богъ тому,

¹⁾ λόγους.

²⁾ προσφέρειν, въ слав. согласовать.

кто отъ всего *утраждается* (Ис. 45, 11) и поучается въ семъ дѣломъ и словомъ, а не слухомъ только.

Такъ и вѣдѣніе тогда только хорошо имѣется, когда получившаго оное невольно ведетъ къ смиренію, отъ стыда, что онъ имѣетъ его не по достоинству и, по слову Лѣствичника, рукою смиренія отвращаетъ оное отъ себя, какъ вредное, хотя оно можетъ быть и отъ Бога даровано: если же (имѣть вѣдѣніе)—какъ нѣкто нѣкогда пораженный отъ эѳіоповъ трезубцемъ (при исходѣ души), тогда—о бѣдствіе! Какъ онъ столько былъ прославляемъ, столько былъ любимъ людьми, что все рыдали о его смерти и считали лишеніе его за великую потерю, но за гордость, которую имѣлъ онъ въ себѣ сокрытою, слышать видѣвшій это гласъ съ высоты: «не дайте ему покоя, потому что и онъ не далъ Мнѣ покоя, ни на одинъ часъ». Увы! все называли его святымъ и молитвами его многіе надѣялись избавиться отъ всякихъ искушеній, и такой конецъ получилъ онъ за возношеніе! А что причиною сего было дѣйствительно возношеніе, это явно всемъ (изъ слѣдующаго). Если бы то былъ иной грѣхъ, то онъ не могъ бы утаить его отъ всехъ и дѣлать ежечасно. Если бы это была ересь, то хотя еретикъ и ежечасно прогнѣвляетъ Бога своею хулою въ умѣ, однако ересь не можетъ совершенно утаиться, но, по дѣйствию промысла Божія, открывается къ исправленію того, кто

ее имѣть, если онъ пожелаетъ исправиться; если же нѣтъ, то—къ утвержденію другихъ людей. И такъ одно высокомудріе можетъ, по самоугодию, утѣшаться отъ всѣхъ почти и отъ самого того, кто его имѣетъ, если не попустится ему впасть въ искушеніе, которыми душа обличается и познаетъ свою немощь и неразуміе. Потому Духъ Святый и не обрѣталъ ни на одинъ часъ покоя въ той жалкой душѣ, что она всегда имѣла этотъ помысль, и радовалась о немъ, какъ о нѣкоторомъ добромъ дѣлѣ, отъ того и помрачалась она, какъ демоны. Не видя себя согрѣшающимъ, можетъ быть человѣкъ тотъ питалъ въ себѣ одну страсть, вмѣсто другихъ, и этой одной довольно было демонамъ, какъ могущей восполнить мѣсто прочихъ пороковъ, какъ говоритъ Лѣстничникъ. Не самъ я составилъ такое разсужденіе и объясненіе этого случая, но слышалъ отъ святаго Старца и написалъ. Также и о святомъ Павлѣ Простомъ говорилъ онъ, что демонъ потому не тотчасъ, какъ услышалъ (слова Павла), вышелъ изъ человѣка, что когда Великій Антоній сказалъ: авва Павелъ, выгони демона изъ этой дѣвицы, Павелъ не сдѣлалъ тотчасъ же поклона, но нѣкоторымъ образомъ сдѣлалъ возраженіе, сказавъ: а ты что? И когда услышалъ «мнѣ несвободно», тогда послушался. Потому, говорилъ блаженный Старецъ, демонъ и не вышелъ тотчасъ, но послѣ многого труда. И справедливо. Ибо не то

только удостовѣряетъ сіе, что Старецъ сей былъ Богоносный мужъ, но оно подтверждается умовеніемъ ногъ (Іоан. 13, 8) и противорѣчіемъ Моисея (Исх. 32, 27), и примѣромъ того Пророка, который искалъ быть избитымъ, а такъ какъ эта повѣсть имѣетъ глубокое значеніе (θεορία) и доселѣ еще не приведена нами, то расскажемъ ее здѣсь.

Въ Святомъ Писаніи¹⁾ упоминается объ одномъ царѣ, который мучительно управлялъ своимъ царствомъ, такъ что Человѣколюбецъ Богъ, не терпя его мучительства, повелѣлъ Пророку идти и обличить этого царя. Пророкъ, зная его жестокость, не захотѣлъ идти просто, чтобы царь не увидѣлъ его какъ-нибудь издалека, и зная причину, по которой онъ идетъ, не приказалъ отогнать его, и Пророкъ не успѣлъ бы обличить его; или опять, если бы онъ началъ говорить: Богъ мой послалъ меня къ тебѣ ради твоей жестокости, царь не сталъ бы слушать такихъ словъ, потому Пророкъ и употребилъ хитрость,—пожелалъ быть раненымъ кѣмъ-нибудь, чтобы придти къ царю окровавленнымъ, какъ бы съ жалобою; чтобы такимъ образомъ искусно склонить къ себѣ царя, и заставить его выслушать обличеніе. Выйдя (съ этою мыслию), онъ нашелъ человѣка, стоящаго при пути съ сѣкирою, и сказалъ ему: такъ говорить Господь: возьми твою сѣкиру и ударь меня

¹⁾ εἰς τὴν Παραλειπόμενα.

по головѣ. Онъ же, будучи богобоязливъ, сказалъ: никакъ, господинъ мой, и я Божій, и не наложу руки своей на помазанника Господня. И сказалъ ему Пророкъ: такъ говоритъ Господь: *понеже не послушалъ еси гласа Господня, се ты отыдеши отъ меня и порази́тъ тя левъ* (3 Цар. 20, 36). Это не былъ гнѣвъ; никакъ; но это совершилось для пользы многихъ, и потому что добрый тотъ человѣкъ былъ достоинъ не просто умереть, какъ другіе люди, но, по слову Господа, быть растерзаннымъ звѣремъ, и чрезъ горькую смерть получить вѣнецъ. Какъ въ Старцевѣ сказано о четырехъ Отцахъ, согласившихся между собою. Преставившіеся о Христѣ молились, чтобы служившій имъ братъ былъ растерзанъ львомъ, за блудъ, имъ сдѣланный, но Господь не услышалъ ихъ, а благоволилъ услышать безмолвника, который молился, чтобы левъ отступилъ отъ брата. Потомъ Пророкъ нашелъ другого человѣка и сказалъ ему: такъ говоритъ Господь: возьми твою сѣкиру и ударь меня по головѣ. Этотъ, услышавъ: «такъ говоритъ Господь», не разсуждая, ударилъ Пророка по головѣ своею сѣкирою (3 Цар. 20, 37), и Пророкъ; какъ нѣкогда Моисей, сказалъ ему: благословеніе Господне на тебѣ, за то, что ты послушалъ гласа Господня (Исх. 32, 27). Такъ что одинъ, потому что былъ весьма добродѣтеленъ, устыдился Пророка и не послушалъ его, какъ апостоль Петръ при умовеніи (Іоан. 13,

8); другой же, не разсуждая исполнилъ послушаніе, какъ народъ послушалъ Моисея, когда повелѣно было убивать другъ друга (Исх. 32, 27). Въ томъ, что явно кто слушается повелѣнія Божія, тотъ поступаетъ лучше, ибо превысшее естества повелѣніе Владыки естества считаетъ мудрѣйшимъ и справедливейшимъ, нежели естественное вѣдѣніе, а непослушный дѣлаетъ менѣе, ибо считаетъ то, что ему кажется хорошимъ, болѣе праведнымъ, нежели Божіе. Въ сокровенномъ же бываетъ не такъ, но смотря по намѣренію послушанія или непослушанія, такъ что имѣющій намѣреніе угодить Богу дѣлаетъ лучше. И въ явномъ Богъ является гнѣвающимся на ослушника, и благословляющимъ того, кто послушался; а въ сокровенномъ не такъ, но, какъ сказано, по естественному взгляду оба были справедливы ¹⁾ и хороши, ибо намѣреніе обоихъ было по Богу. И это такъ. Пророкъ же, пришедши къ царю и ставъ передъ нимъ, сказалъ: защити меня, царь, когда я шелъ, встрѣтилъ меня одинъ человѣкъ и поранилъ мнѣ голову. Царь, видя кровь и рану, разсердился, по своему обычаю, однако не на того, кто жаловался, но, думая, что ему нужно судить кого-либо другого, а не себя самого, произнесъ строгое осужденіе на совершившаго это беззаконіе. Пророкъ же, достигнувъ того, чего надѣялся, говорить: хорошо сказалъ

¹⁾ ἐπίσταται, равны.

ты, царь; потому такъ говоритъ Господь: отнимая, отниму царство отъ руки твоей и сѣмени твоего, ибо ты сотворилъ сіе. Такъ Пророкъ исполнилъ пророчество, по желанію своему, и искусно заставилъ царя внимательно выслушать себя и отошелъ, прославляя Бога. Таковы были души пророковъ, любившихъ Бога и стремившихся страдать за исполненіе повелѣній Его, вслѣдствіе Боговѣдѣнія. И справедливо. Ибо совершенно знающій какой-либо путь, или какое-либо художество, проходитъ его со всякимъ усердіемъ и удобствомъ, и другимъ непогрѣшительно указываетъ направленіе пути, или тайны и разумѣнія художества, хотя самъ можетъ быть и молодъ по возрасту и часто совершенно простъ, а тѣ стары и мудры въ другихъ наукахъ. Ибо Пророки, Апостолы и мученики научились Боговѣдѣнію и премудрости не отъ слуха, какъ мы, но дали кровь и получили духъ. По сказанному въ Старчествахъ: «дай кровь и пріими духъ». Потому и Отцы вмѣсто чувственнаго мученія терпѣли мученія, слушаясь совѣсти, и вмѣсто тѣлесной смерти, имѣли смерть по произволенію, чтобы умъ успѣлъ побѣдить плотскія пожеланія и царствовать во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава, честь и поклоненіе нынѣ же и всегда, во вѣки. Аминь.

Конецъ трудовъ Петра Дамаскина.

Богу же благодареніе.